

ДЖОН СТЕЙНБЕК

Недолгое

правление

Мупина IV

Annotation

Опубликовано в журнале «Звезда», 1992, № 8.

- [Джон Стейнбек](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
-

Джон Стейнбек

Недолгое правление Пипина IV

Вымысел

Моей сестре Эстер

Дом номер один по улице Мариньи в Париже представляет собой большой квадратный каменный особняк с потемневшими от времени стенами. Особняк стоит на углу Мариньи и авеню Габриель, в квартале от Елисейских полей, почти напротив Елисейского дворца, где обитает французский президент. К дому номер один примыкает двор под стеклянной крышей, упирающийся с другой стороны в узкое высокое строение, в прежние времена служившее конюшнями и помещениями для конюхов. Нижний этаж и до сей поры занимают конюшни, весьма элегантные, с мраморными резными яслями и желобами, из которых поили лошадей, но выше теперь расположены три этажа, составляющие небольшой приятный жилой дом в центре Парижа. На втором этаже стеклянная дверь выходит на плоскую крышу.

Считается, что дом номер один вместе с конюшнями когда-то строился как парижская резиденция рыцарей-иоаннитов, нынче же он принадлежит живущей тут благородной французской семье, которая уже много лет сдает конюшенный дом и половину плоской крыши мсье Пипину Арнульффу Эристалю с семьей. Семья состоит из жены Мари и дочери Клотильды. Сняв квартиру, мсье Эристаль вскоре явился к благородному хозяину, чтобы испросить разрешения установить на своей части крыши восьмидюймовый телескоп. Разрешение было даровано, после чего все последующие годы мсье Эристаль исправно платил ренту, и общение между двумя семействами сводилось к обмену вежливыми поклонами при встречах в объединяющем их дворе. Двор со стороны улицы был, разумеется, отгорожен тяжелыми чугунными воротами. Эристаль и хозяйева делили между собой одного консьержа, унылого вида провинциала, который, прожив в Париже долгие годы, так и не смог в это поверить. Жалоб со стороны благородного хозяина никогда не поступало, ибо мсье Эристаль предавался своему общению с небесами по ночам и совершенно бесшумно. Впрочем, астрономическая страсть не менее глубока от того, что ей предаются без шума.

Доход Эристалей был, можно сказать, идеальным с точки зрения француза. Истоки его находились на неких восточных склонах близ Оксерра на Луаре, где виноградники впивали тепло утреннего солнца, в то же время избегая губительного послеполуденного зноя. Это обстоятельство вкупе с благодатной почвой и хранилищем с идеальной температурой давало белое вино, обладавшее ароматом весенних полевых цветов. Вино это не переносило дальних перевозок, но в них и не было нужды, так как поклонники сами совершали паломничество к нему. Этот участок, несмотря на малые размеры, мог, вероятно, считаться лучшим среди некогда огромных земельных угодий, принадлежавших предкам Эристалей. Его возделывали и окружали заботой арендаторы-виртуозы, чуть ли не волшебники по этой части, которые к тому же из поколения в поколение исправно платили арендную плату. Доход мсье Эристала, хоть и не очень большой, был зато постоянным и позволял ему жить вполне комфортабельно над бывшим каретным сараем на улице Мариньи; посещать вдумчиво выбранные драматические спектакли, концерты и балеты; быть членом уважаемого клуба и трех ученых обществ; покупать по мере надобности книги и в качестве почетного любителя вглядываться в удивительное небо над Восьмым холмом Парижа.

Одним словом, если бы Пипину Эристалу довелось выбирать себе жизнь, какую он хотел бы вести, он выбрал бы почти без всяких изменений ту, которую вел в феврале 19.. года. Это был пятидесятичетырехлетний худощавый, красивый и, насколько ему самому было известно, здоровый господин. То есть я хочу сказать, здоровье его было настолько отменным, что он о нем не задумывался. Жена Мари была хорошей супругой и хорошей хозяйкой, она точно знала круг своих забот и не выходила за его пределы. Мари отличалась приятной цветущей наружностью и при других обстоятельствах могла бы занять место за стойкой первоклассного рестораника. Подобно большинству французов ее класса она не переносила расточительства и еретиков, рассматривая последних как зряшную затрату добротного божественного материала. Она восхищалась мужем, не пытаясь понять его, и состояла с ним в той степени дружбы, какую не отыщешь в браках, в которых страстная любовь мешает душевному покою. Свой долг она видела в том, чтобы поддерживать ради мужа и дочери порядок, чистоту и экономию в доме, заботиться о своей печени и регулярно вносить духовные взносы в неприкосновенный капитал на Небесах. Эта деятельность занимала все ее время. Излишки эмоциональной энергии поглощались эпизодическими схватками с кухаркой Розой и постоянной войной с виноторговцем и бакалейщиком,

которые были плутами и свиньями, а в отдельных случаях и стервецами. Ее ближайшей подругой и, в общем-то, единственной наперсницей была сестра Гиацинта, о которой речь пойдет ниже.

Мсье Эристаль был французом из французов и в то же время кое-чем еще. Он, например, не считал грехом говорить по-французски или неестественным для француза изучать другие языки. Сам он знал немецкий, итальянский и английский. Он питал академический интерес к авангардистскому джазу и любил карикатуры в «Панче». Восхищался англичанами за их энергию и страсть к розам, лошадям и устойчивым нормам поведения. «Англичанин это бомба, — говаривал он, — но бомба с глубоко запрятанным взрывателем». Он высказал также замечание, что «почти любое обобщение относительно англичан рано или поздно оказывается неверным». И еще: «Как они не похожи на американцев!»

Он знал и любил Кола Портера, Людвиг Бемельманса и вплоть до последних лет был знаком с шестьюдесятью процентами «Музыкальных подонков». Однажды ему довелось пожать руку Луи Армстронгу, и он обратился к нему «Cher Maître Сачмо»^[1], на что маэстро отозвался: «Все лягушатники меня обожают».

Семейство Эристелей жило удобно, не предаваясь излишествам, в полном соответствии с семейным доходом, которого вполне хватало на приятную, но скромную жизнь, какой отдавали предпочтение Пипин с мадам, как и полагается добрым французам. Единственным излишеством мсье можно было счесть астрономические приборы. Его телескоп, более мощный, чем принято у любителей, стоял на основании, которое своей тяжестью гасило колебания почвы, а специальный механизм компенсировал вращение Земли. Некоторые снимки звездного неба, сделанные Пипином, появлялись в журнале «Матч», и вполне заслуженно, так как ему приписывается честь открытия в 1951 году кометы, названной Елисейской. Японский астроном-любитель в Калифорнии Уолтер Хаси доложил о ней одновременно и разделил честь открытия. Хаси с Эристалем с тех пор регулярно переписывались, обменивались фотографиями и сравнивали методики.

В обычных обстоятельствах Пипин как добрый и бдительный гражданин прочитывал за день четыре газеты. Он не питал политических пристрастий, разве что не доверял всем правительствам без исключения, а в особенности тому, которое у власти. Но и эту черту можно назвать скорее общефранцузской, чем сугубо индивидуальной.

Эристелей Бог наградил только одним ребенком — дочерью Клотильдой. Сейчас это была двадцатилетняя импульсивная, энергичная и

миловидная особа с избыточным весом. Биография ее весьма примечательна. В детстве Клотильда восставала буквально против всего. В четырнадцать лет она решила стать доктором медицины. В пятнадцать написала роман под названием «Adieu, ma Vie» [\[2\]](#), который широко разошелся по стране и по нему сделали фильм. В результате литературного и кинематографического успеха она съездила в Америку и вернулась во Францию в джинсах, ковбойских сапогах и мужской рубашке — стиль, мгновенно подхваченный миллионами подростков, которые в течение нескольких лет именовались «джинсовики» и причиняли невообразимые страдания своим родителям. Говорили, что «джинсовики» были, если возможно, еще неряшливее и грязнее, чем экзистенциалисты. Их вращательные телодвижения вкупе со зверским выражением лица — так называемый джиттербаг — заставляли не одного отца-француза в гневе потрясать кулаками.

Из области искусства Клотильда ринулась в политику. В шестнадцать с половиной лет она сделалась коммунисткой и участвовала в рекордном шестидесятидвухчасовом пикетировании завода Ситроен. Именно в этот период общения с низшими классами Клотильда встретила отца Мешана, маленького пастора мостовых, и он произвел на нее столь сильное впечатление, что она всерьез задумалась — не постричься ли ей в монахини, которым обет предписывает молчание, черный хлеб и уход за ногами бедняков. Орден этот основала святая Анна, покровительница ног.

14 февраля случилось одно небесное событие, которое самым резким образом повлияло на жизнь семьи Эристалей. Совершенно несвоевременно и непредсказуемо, еще до равноденствия, начался метеорный дождь. Пипин трудился как безумный, делая снимок за снимком, пытаясь запечатлеть сверкающее небо. Но еще до того, как он удалился в темную комнату в винном погребе рядом с конюшней, он уже знал, что его фотоаппарат не способен зафиксировать огненные снаряды в полете. Проявленные снимки подтвердили его опасения. Потихоньку чертыхаясь, он отправился в одну крупную оптическую фирму, поговорил там с управляющим и позвонил нескольким ученым коллегам. Затем неохотно побрел назад, в дом номер один по улице Мариньи, и так он был погружен в свои мысли, что не заметил национальных гвардейцев в блестящих кирасах и шлемах с красными перьями, гарцевавших перед воротами Елисейского дворца.

Когда Пипин поднимался по лестнице, мадам Эристалъ только что завершила схватку с кухаркой Розой. Она появилась в дверях кухни с победоносным видом и немного раскрасневшаяся. Вслед ей несло

недовольное ворчание поверженной Розы.

В гостиной мадам объяснила мужу:

— Представьте только, она закрыла окно на ночь, и сыр, целый килограмм сыра всю ночь задышался в духоте. И знаете, какое она придумала себе оправдание? Ей, видите ли, было холодно. Она думает о своем удобстве, а сыр должен париться. Нет, на слуг нынче нельзя положить.

— Возникло затруднительное положение, — проговорил мсье.

— Еще бы не затруднительное. Всякая дрянь, которая именует себя кухаркой...

— Мадам, метеорный дождь продолжается. Это подтверждают все. Мне совершенно необходимо обзавестись новым фотоаппаратом.

Денежные расходы лежали, безусловно, в сфере компетенции мадам. Она промолчала, но мсье почуял угрозу — глаза ее сузились, руки медленно поднялись и уперлись в бока.

Он продолжал уже менее уверенно:

— Мне надо принять решение. Никто не виноват. Можно сказать, веление исходит от самого Неба.

В голосе мадам послышался металл.

— И сколько стоит фотоаппарат, мсье?

Он назвал цену, и ее крепкая фигура сотряслась словно от внутреннего взрыва. Но она тут же волевым усилием привела себя в боевой порядок и пошла в наступление.

— В прошлом месяце, мсье, речь шла о новой... Что вы тогда купили? Затраты на пленку поистине разорительны. Смею ли я напомнить, мсье, о недавно полученном письме из Оксерра? Там нужны бондарные работы. От нас требуют, чтобы мы внесли половину стоимости.

— Мадам! Не я вызвал метеорный дождь!

— И не из-за меня сгнили бочки в Оксерре.

— У меня нет другого выхода, мадам.

Она словно превратилась в громадную зубчатую башню, и вокруг нее сгустилась тьма, предвещающая домашнюю грозу.

— Мсье — хозяин в своем доме, — отчеканила она. — Если мсье желает, чтобы метеоры навлекли банкротство на семью, то кто я такая, чтобы роптать? Пойду извинюсь перед Розой. Кило задохнувшегося сыра поистине смехотворная малость по сравнению с пятнами света на пленках. Спрашивается, а можно есть метеоры, мсье? Могут они заменить теплую одежду? Можно ли делать из ваших драгоценных метеоров винные бочки? Мсье, я оставляю вас, делайте ваш выбор.

И она удалилась тихими зловещими шагами.

Гнев боролся в Пипине Эристале с паникой. Сквозь застекленную дверь он увидел телескоп в чехле из непромокаемого шелка. И гнев победил. Твердой поступью он спустился по лестнице, решительным жестом нахлобучил на голову шляпу, взял с вешалки трость и портфель Клотильды со столика. Кипя от бешенства, он с достоинством прошествовал через двор и подождал, пока консьерж отопрет чугунные ворота. Но все же поддался на миг слабости — оглянулся и увидел мадам: она наблюдала за ним из окна кухни, а рядом с довольным видом скалилась Роза.

— Я иду к дяде Чарли, — объявил Пипин Эристаль и захлопнул за собой ворота.

Шарль Мартель был владельцем небольшой, но процветающей картинной галереи (она же антикварная лавка) на улице Сены. Внутри нее царил полумрак, картины, как и полагается, освещены были плохо, а потому казались особенно завлекательными. Он торговал неподписанными картинами и не мог бы поручиться, что та или иная, скажем, ранний Ренуар, а также хрустальными, золочеными и китайскими вещами из шелка, которые (тут он уже утверждал смело) принадлежали старинным родам Франции.

В конце галереи красный бархатный занавес скрывал одну из уютнейших и укромнейших холостяцких квартир Парижа. На стульях, покрытых бархатными подушечками, сидеть было одно наслаждение. Кровать стиля Луи-Наполеон — венец творения из позолоченного дерева — с высоким резным изголовьем и подножьем имела форму ладьи викингов. Днем покрывало и подушки из чуточку вылинявшей напрестольной пелены обращали спальню в очаровательное гнездышко, зовущее и неуловимо греховное. Лампы под зелеными абажурами рассеивали ровно столько света, сколько нужно, чтобы подчеркнуть привлекательные черты и скрыть недостатки. Кухонные приспособления — раковина и газовая горелка — прятались за китайской ширмой, чьи краски поблекли от времени и свелись к жемчужно-черным тонам и цвету топленого масла. В книжном шкафу стояли кожаные с золотом тома, которые привлекали взгляд, не требуя, однако, чтобы их прочитали.

Шарль всегда был человеком светским, учтивым, но несгибаемым, с безупречной осанкой и манерой одеваться. По сию пору, а ему уже перевалило за шестьдесят, он все еще оставался большим женолюбом. Его манера обращаться с женщинами делала дамой любую особу женского

пола, если только она не настаивала на ином. Даже теперь, когда его больше тянуло ко сну, чем к галантным похождениям, он по-прежнему так высоко держал свою репутацию, что молодые избранницы испытывали приятный трепет, будучи приглашены за красный занавес на аперитив. И к чести его надо сказать, уходили они не разочарованные. В улочку позади лавки открывалась потайная дверь, — казалось бы, мелочь, но его избранницам это придавало уверенности.

Когда хранителю старинного имени и населенного летучими мышами замка требовалось проветриться денек в Отей или купить новую подкладку к пальто с меховым воротником, куда было лучше снести хрустальную люстру из бальной залы или инкрустированный столик для игры в пикет (в прошлом собственность любовницы короля), как не в галерею дяди Шарля? Избранная клиентура понимала, что Шарль Мартель, стоит ему захотеть, всегда отыщет какой-нибудь раритет. Так, благодаря ему, кинопродюсер Вилли Читлинг весь бар на своем ранчо в Палм Спрингз обставил мебелью, отделал панелями и украсил алтарем тринадцатого века из часовни замка Вьейкюлотт. Шарль также ссужал деньги в разумных пределах. Передавали, что у него хранились долговые расписки девяти из двенадцати пэров Франции.

Шарль Мартель приходился Пипину Арнульфусу Эристу дядей и другом. Один раз он даже покинул свою сферу искусства и безделушек ради того, чтобы найти пластинки Бикс Бейдербекке для пополнения совершенной в своем роде коллекции Пипина. Он также играл роль его советчика во всех духовных и мирских вопросах.

Когда мсье Эристу ворвался в галерею на улице Сены, Шарль отметил, что племянник приехал в такси. Цель посещения, стало быть, была серьезной.

Шарль указал племяннику на бархатный занавес, а сам быстро завершил продажу шкатулки для косметики эпохи Людовика Пятнадцатого пожилой туристке, для которой практической ценности шкатулка уже не имела. Он закончил торг, не снизив цену, а, наоборот, внезапно подняв ее, и это убедило даму, что покупать надо немедленно, иначе она ее не получит вовсе. Шарль с поклоном выпроводил покупательницу из галереи, запер входную дверь и вывесил помятую карточку с надписью «Закрыто на обновление». Затем он и сам прошел за бархатный занавес и поздоровался с племянником, мерившим шагами комнату.

— Ты встревожен, дитя мое, — сказал он. — Присаживайся, присаживайся, сейчас я налью тебе немножечко коньяка от нервов.

— Я в бешенстве, — объявил Пипин, но тем не менее сел и от коньяка

не отказался.

— Мари? — осведомился дядя Шарль. — Или Клотильда?

— Мари.

— Деньги?

— Деньги.

— Сколько?

— Я пришел не занимать.

— Значит, ты пришел, чтобы пожаловаться?

— Вот именно, пожаловаться.

— Недурная идея. Это снимает всякого рода напряжение. Домой ты вернешься в исправившемся настроении, а значит, и как муж ты будешь более приемлем. Ты хочешь пожаловаться на что-то конкретное?

— В земную атмосферу совершенно непредвиденно вторгся метеорный дождь. Мой фотоаппарат не способен... Ну, словом, мне нужен новый аппарат.

— И притом дорогой, а Мари против?

— Вы отлично уяснили ситуацию. Обиженное лицо, вид оскорбленной добродетели. Она замышляет месть.

— Ты уже купил фотоаппарат?

— Нет еще.

— Но решился.

— Поймите, дядюшка, в такое время года метеорные дожди вещь исключительная. Кто знает, что там наверху происходит. Не забывайте, ведь это я, первый, обнаружил Елисейскую комету. Меня хвалит Академия. Поговаривают, что в недалеком будущем меня, возможно, изберут туда.

— Прими поздравления, дитя мое. Какая честь! Сам я, правда, не взираю на небеса со страстью, но я поощряю страсть, каков бы ни был ее объект. Ну же, начинай жаловаться, дорогой племянник. Давай. Я — Мари, а ты — это ты. Ну как, начнем с того неоспоримого факта, что источник твоих доходов — твои владения, а не ее приданое?

— Безусловно.

— Эта земля принадлежала твоему роду еще на заре человечества.

— С тех пор, как салические франки вторглись с востока.

— По сути дела, твои холмы с виноградниками — остатки королевства.

— Империи.

— Ты принадлежишь к роду, столь древнему, столь знатному, что не снисходишь до того, чтобы напоминать новой аристократии о своем происхождении, пуская в ход принадлежащие тебе по праву титулы.

— Вы прекрасно все выразили, дядя Чарли. И всего-то мне нужен новый фотоаппарат.

— Ну вот. Тебе стало лучше?

— Да, и в самом деле.

— Разреши сосудить тебя деньгами для покупки фотоаппарата, дитя мое. Ты будешь отдавать понемногу. Мари не боится небольших трат, крупные расходы — вот что выбивает ее из колеи.

— Я пришел не за деньгами.

— Ты и не просил их. Я сам предложил. Ты купишь себе фотоаппарат. Мари ты скажешь, что раздумал покупать. Разве она отличит один фотоаппарат от другого?

— Нет, разумеется. Но ведь таким образом я сдам свои позиции как глава дома.

— Напротив, дитя мое. Ты ее поставишь в положение виноватой. Она сама будет уговаривать тебя купить то одно, то другое по мелочам. И таким путем ты мало-помалу вернешь долг.

— Удивляюсь, как это вы остались неженатым.

— Мне приятнее наблюдать счастье других. Так на какую сумму выписывать чек?

После того как мсье Эристаль захлопнул за собой чугунные ворота и ринулся к стоянке такси на авеню Габриель, мадам, несмотря на маску холодного и зловещего торжества, впала в волнение и неуверенность. А в таких случаях она имела привычку навещать свою старинную подругу сестру Гиацинту. Ее монастырь находился неподалеку от Порт де Венсен — большое, низкое, правильных форм здание близ Булонского леса. Мадам переделалась, взяла кошелек и черную уличную сумку и села в метро.

Сестра Гиацинта была ее подругой с раннего детства, и они даже вместе учились в школе. Сюзанн Леско была хорошенькой девочкой, которая очень славно пела тоненьким голоском и обладала природными способностями танцовщицы и поэтому неизменно была главной участницей «живых картин» и школьных спектаклей. Из эльфа Сюзанн неизбежно выросла в сказочную королеву, потом в Пьеретту, а позднее три года подряд играла Жанну-девственницу, к полному удовлетворению автора пьесы — настоятельницы монастыря. Мари же, не умевшая ни петь, ни танцевать, не только не завидовала одаренной подруге, но восхищалась ею, и ей казалось, будто она участвует в ее победах.

При нормальном течении жизни Сюзанн вышла бы замуж и утаила от мира свои таланты и свою великолепную фигуру. Однако в результате

какой-то манипуляции Лионского банка и последовавшего самоубийства отца, служащего этой системы, Сюзанн осталась с вечно хворающей матерью на руках и младшим братом, похожим в своем черном школьном халатике на гнома. Она оказалась перед необходимостью пробивать себе дорогу в жизни собственными силами. Лишь теперь обрело смысл для Сюзанн, и еще больше для ее матери, часто слышанное мнение, что ей место на сцене.

В Комеди Франсез открытых вакансий не было, но фамилию ее записали, и на время ожидания она устроилась в Фоли-Бержер, где ее голос, грацию и высокую, совершенной формы грудь немедленно оценили и использовали. Вечные болезни матери и нескончаемые годы учения брата, в конце концов разбившегося насмерть на мотоцикле, убедили Сюзанн, что было бы экономически неразумно рисковать постоянным, хорошо оплачиваемым местом ради ненадежного высокого искусства.

Много лет еще она продолжала осчастливливать сцену в Фоли, и не только в строю прелестных обнаженных девиц, но и исполняя роли, где требовалось говорить, петь и танцевать. После двадцати лет осложнений и жалоб на болезнь мать умерла без единого симптома таковой. К этому времени Сюзанн была уже не только исполнительницей, но и балетным педагогом.

Она очень устала. Грудь ее оставалась так же высока, но ступни стали плоскими. Она вела сравнительно добродетельную жизнь, как большинство ее соотечественниц. И впрямь, молодые американцы мужского пола, получившие противоположную информацию, бывают разочарованы, когда обнаруживают, что французы народ нравственный (разумеется, по стандартам провинциального американца).

Сюзанн захотелось дать отдых ногам. Она покинула мир, о котором знала, пожалуй, чересчур даже много, и, пройдя период должного послушничества, приняла монашеский обет как сестра Гиацента в Ордене созерцания, где приходилось много сидеть.

Став монахиней, сестра Гиацента излучала такой покой и набожность, что сделалась украшением ордена, а благодаря жизненному опыту проявляла терпимость и оказывала помощь более молодым сестрам, когда у них возникали неприятности.

В продолжение всех этих лет, и в той и в другой жизни, она поддерживала дружескую связь со своей школьной подругой Мари. Даже между встречами они обменивались подробными скучными письмами, делясь жалобами и кулинарными рецептами. Мари по-прежнему обожала свою одаренную, а нынче праведную подругу. И совершенно естественно

было зайти к ней после истории с фотоаппаратом.

Очутившись в опрятной и уютной комнате для посетителей в монастыре близ Венсен, Мари призналась:

— Ума не приложу, что делать. Во всех других отношениях мсье всегда проявляет благоразумие, лучшего и желать нельзя, но как только коснется его противных звезд, он буквально сорит деньгами.

Сестра Гиацинта улыбнулась.

— Попробуй побить его, — сказала она весело.

— Как? Ах, понимаю, ты шутишь. Уверяю тебя, это очень серьезно. Бондарные работы в Оксерре...

— Но еда у вас на столе есть? Арендная плата внесена? Или, может быть, у вас отключили электричество?

— Это вопрос принципа и прецедента, — с долей холодности ответила Мари.

— Дорогая моя, — сказала монахиня, — ты пришла ко мне за советом или пожаловаться?

— Конечно, за советом. Я никогда не жалуюсь.

— Да, разумеется. — И сестра Гиацинта мягко продолжала: — Я знала многих, кто просил совета, но очень немногих, кто действительно хотел его, и ни одного, кто бы ему последовал. Но все-таки я дам тебе совет.

— Прошу тебя, — надменно проговорила Мари.

— По роду моей профессии, Мари, мне пришлось сталкиваться со многими мужчинами. И, думаю, я имею право делать обобщения. Прежде всего, мужчины — это дети, и нередко — избалованные дети.

— Вот тут я с тобой согласна.

— Те, которые действительно по-настоящему взрослеют, Мари, никуда не годятся. Мужчины либо дети, либо старики, и между этими крайностями ничего другого нет. Но в их детском неразумии и безответственности иногда кроется величие. Пойми, я знаю, что женщины безусловно умнее, но они взрослеют, сталкиваясь с реальностью, — и очень редко женщины бывают великими. Одно из немногих огорчений в моей нынешней профессии — это отсутствие мужчин с их глупостями. Все-таки контраст необходим.

— Он открыл комету, — сказала Мари. — Его хвалит Академия. Но теперь эта выдумка с фотоаппаратом. Нет, это уже слишком.

— Я спрашиваю еще раз: ты хочешь моего совета?

— Конечно.

— В таком случае — посоветуй ему купить фотоаппарат, настаивай на этом.

— Но я уже высказала свою точку зрения. Я утрачу его уважение.

— Напротив. Если ты посоветуешь ему сделать покупку, да еще предложишь купить подороже, вот увидишь, ему уже не захочется тратить деньги. В этом случае ему придется обратиться к реальности вместо того, чтобы оказывать тебе противодействие. Мужчины занятный народ.

— Я принесла тебе носовые платки, — сказала Мари.

— Какие красивые! Мари, у тебя золотые руки. Как у тебя хватает глаз заниматься такой мелкой вышивкой?

— У меня всегда было хорошее зрение, — ответила Мари.

Когда мадам вернулась домой на Мариньи, двери гостиной были распахнуты, а муж возился около телескопа с какими-то блестящими штучками.

— Я передумала, — сказала Мари. — Я поняла, что вы должны купить фотоаппарат.

— Э? — отозвался он.

— Все-таки это может способствовать вашему избранию в Академию.

— Вы очень добры, — ответил муж. — Но и я успел поразмыслить. На первом месте должно стоять самое главное. Я обойдусь тем, что у меня есть.

— Умоляю вас.

— Нет, — повторил он.

— Я настаиваю.

— Дорогая моя, давайте не будем путать, кто у нас глава семьи. Не будем брать пример с Америки, где женщины задают тон.

— Простите, — сказала Мари.

— Пустяки, мадам. А сейчас я должен подготовиться к ночи. Метеорный дождь продолжается, дорогая. Светилам нет дела до наших забот.

Выше этажом раздался грохот чего-то металлического. Мсье Эристалль с опаской посмотрел на потолок.

— Я не знал, что Клотильда дома.

— Это медный столик на площадке, — пояснила мадам, — Подвернулся ей под ноги. Придется его переставить.

— Только, ради бога, Мари, не пускайте ее на террасу, — попросил он. — Вдруг ей подвернется под ноги мой телескоп.

Клотильда лениво спускалась по лестнице, платье слегка впивалось в ее избыточные дюймы. С плеч меланхолически свисал какой-то зверек, яростно вцепившийся в свой хвост.

— Ты куда-то идешь, детка? — спросила мадам.

— Да, мама, у меня кинопроба.

— Опять?

— Приходится делать то, что захочет продюсер.

Отец быстро прикрыл собой телескоп, увидев, что дочь, входя в стеклянные двери, слегка споткнулась.

— Вот как, у вас уже есть продюсер?

— Сейчас распределяют роли для фильма по роману «Принцесса-замарашка». Понимаете, в нем рассказывается про девочку-сиротку, которая вдруг...

— ...оказывается принцессой. Американский роман.

— Ты его читал?

— Нет, детка, но знаю.

— Откуда ты знаешь, что он американский?

— Во-первых, американцы испытывают несколько преувеличенный интерес к принцессам, а во-вторых, особое пристрастие они питают к истории Синдереллы.

— Синдереллы?

— Тебе надо бы прочесть ее, детка.

— Принца будет играть Грегори Пек.

— Ну, само собой, — проговорил отец. — Вот если бы роман был французский, принцесса обнаружила бы... Осторожней, дорогая, не подходи к телескопу. Он подготовлен к ночному зрелищу.

Когда дочь их медленно спустилась в первый этаж и за ней с грохотом захлопнулись ворота, мадам сказала:

— Все-таки мне было спокойнее, когда она писала романы. Она чаще бывала дома. В каком-то смысле я буду рада, если она найдет себе приятного молодого человека из хорошей семьи.

— Но сперва ей надо побыть принцессой, — сказал отец. — Каждой девушке это надо.

— Не смейтесь над нею.

— Да я и не смеюсь. Я помню свои мечты. Они казались мне очень реальными.

— У вас хорошее настроение, мсье.

— Я необычно возбужден, и в то же время мне покойно, Мари. Целую неделю меня будут развлекать, — он вытянул палец вверх, — мои друзья там, наверху.

— И вы будете всю ночь бодрствовать и весь день спать.

— Вне всяких сомнений, — заключил мсье Эристаль.

События 19.. года во Франции следует изучать не за их уникальность, а скорее за их неизбежность. Изучение истории хотя и не дает уверенности, что события будут развиваться именно так, а не иначе, все же позволяет наметить кое-какие тенденции.

Ничего нового не было в том, что французское правительство пало из-за отсутствия вотума доверия. То, что в других странах именуется нестабильностью, во Франции есть своего рода стабильность. Лорд Коттен сказал, что «во Франции анархия так изысканна, что напоминает старый порядок» и еще: «Стабильность для француза непереносима, как тирания». Увы, лишь немногие доросли до мудрости лорда Коттена.

Великое множество страстных и пристрастных слов написано о двух недавних кризисах во Франции. Нам остается лишь окинуть процесс хладнокровным аналитическим взглядом историка.

Когда 12 февраля 19.. года мсье Рюморгу пришлось в конце концов поставить вопрос о Монако на голосование, он скорее всего знал заранее, каков будет результат. Зачем скрывать, многие из его окружения чувствовали, что он будет только рад завершению своего премьерства. Помимо того, что мсье Рюморг являлся номинальным лидером протокоммунистической партии, по традиции сдвинутой на два градуса правее центра, он был еще и специалистом по психоботанике. Приняв пост премьера, он, скрепя сердце, отказался на время от экспериментов, связанных с болью у растений, которые он долгие годы проводил в питомнике в Жуан ле Пэн. Люди, далекие от этой науки, даже не подозревают, что у профессора Рюморга есть статья под названием «Склонность к истерии и ее симптомы у красного клевера», воспроизводящая его речь в Сельскохозяйственной академии. После научной победы над недоброжелателями (а некоторые дошли до того, что объявили профессора еще более истеричным, чем его клевер) как же ему, должно быть, не хотелось занимать пост лидера партии плюс пост премьер-министра Франции. Газета «К миру через войну», хотя и стоящая в оппозиции к протокоммунистам, видимо, все-таки правильно процитировала мсье Рюморга, когда написала, что при всех недостатках нервной системы клевера легче иметь дело с ним, чем с выборными представителями французского народа.

Повод к падению правительства Рюморга сам по себе не лишен интереса, однако всенародного значения он не имел. Широко распространено мнение, что, не встань вопрос о Монако, подвернулось бы что-нибудь другое. Мсье Рюморг с честью вышел из этой передраги и

получил возможность спокойно трудиться над следующей книгой: «Наследственная шизофрения у овощей» — в обход законов Менделя.

Как бы то ни было, Франция осталась без правительства. Все хорошо помнят, что когда президент Сонет призвал христианских атеистов образовать правительство, они никак не могли столкнуться даже между собой, внутри партии. Социалисты также не набрали голосов. Христианские коммунисты не были зарегистрированы даже при поддержке Лиги налогоплательщиков. И тогда-то мсье Сонет созвал в Елисейском дворце историческую конференцию лидеров всех партий.

Здесь следует перечислить существовавшие в то время партии, ибо впоследствии некоторые исчезли или были заменены другими. Группировки, откликнувшиеся на призыв президента, перечисляются ниже не по степени влиятельности, а по чисто географическому местоположению относительно центра. В Елисейском дворце собрались:

консервативные радикалы
радикальные консерваторы,
роялисты,
правые центристы,
левые центристы,
христианские атеисты,
христианские христиане,
христианские коммунисты,
протокоммунисты,
неокоммунисты,
социалисты
и просто коммунисты.
Коммунисты распадались на
сталинистов,
троцкистов,
хрущевников
и булганианцев.

Борьба бушевала три дня. Лидеры спали тут же, в большом бальном зале на парчовых кушетках, и подкрепляли силы хлебом, сыром и алжирским вином — дары мсье президента. Зал представлял собой арену суматошной деятельности. В бальном зале Елисейского дворца зеркалами отделаны не только все стены, но и потолок, отчего казалось, будто в зале не сорок два лидера партий, а буквально тысячи. Каждый поднятый кулак превращался в пятьдесят кулаков, а твердая зеркальная поверхность отбрасывала удешевленное эхо, создавая впечатление толпы.

Мсье Рюморг, бывший премьер-министр и глава протокоммунистов, покинул собрание и отправился в Жуан ле Пэн, так как получил телеграмму от мадам Рюморг, извещавшую его, что польско-китайская свиноматка по имени Забота опоросилась.

По прошествии семи дней участники конференции не пришли ни к какому соглашению. Президент Сонет предоставил в распоряжение делегатов дворцовую ванну, но отказался взять на себя заботу о постельном белье.

Серьезность создавшегося тупикового положения нашла в конце концов отражение в парижской прессе. Юмористический еженедельник «Аллигатор» предложил закрепить эту ситуацию, ибо как только партийные лидеры выбыли из обращения, в стране исчезла угроза национального кризиса.

Несущественные, даже легковесные причины нередко приводят к важным историческим решениям. Когда дело пошло на вторую неделю, лидеры более крупных политических партий обнаружили, что голоса у них, постепенно превратившись из громких в резкие, а затем в хриплые, теперь и вовсе пропали.

И тут-то взяла слово сплоченная группа глав роялистских партий. Не имея никакой надежды войти в новое правительство, они до сих пор воздерживались от речей и таким образом сохранили голос. После восьмидневного беспорядка и шума спокойствие роялистов произвело впечатление взрыва. Граф де Террфранк вышел на кафедру и заговорил, не обращая внимания на страстный шепот радикального консерватора мсье Трифле.

Мсье граф ясным громким голосом объявил, что роялистская группировка объединила свои силы. Сам он, сказал граф, невзирая на свою изначальную и неизменную преданность Меровингам (откуда и происходит его фамилия), согласился присоединиться к сторонникам Бурбонов не от недостатка любви и уважения к великой родовой традиции, а потому что у Меровингов нет прямого и безусловного продолжателя династии. Далее он предоставил слово герцогу де Труафронт, чье предложение, сказал он, бесспорно получит поддержку не только других роялистских группировок, но и благородного и умного французского народа.

Герцог де Труафронт, которого в обычных обстоятельствах избавляли от публичных выступлений по причине расщепленного нёба или волчьей пасти — главной семейной черты, передававшейся из поколения в поколение, — вышел на трибуну и ухитрился быть не просто услышанным,

но и понятным.

Франция, сказал он, стоит на распутье. Под изорванным флагом неумытых, жадных и неумелых Франция утратила свою главенствующую роль и превратилась в ожесточенную склочную третьестепенную державу, малодушную провинцию, безуспешно пытающуюся лизать сапоги, с одной стороны, Англии и Соединенным Штатам, а с другой — красным комиссарам.

Мсье герцог до того был изумлен тем, как ему удалось все так внятно произнести, что сел на место. Пришлось напомнить ему, что он еще не дошел до главного. Тогда он снова любезно взошел на кафедру и предложил, можно даже сказать, повелел восстановить монархию, чтобы Франция поднялась как феникс из пепла Республики и озарила светом мир. К концу речи он расплакался и покинул зал. В воротах дворца он выкрикнул, обращаясь к республиканским гвардейцам: «Я провалился! Провалился!» Хотя, как всем известно теперь, никакого провала не произошло.

Воззвание герцога де Труафронт произвело на лидеров столь ошеломляющее впечатление, что они замолчали. Их словно сковало изнутри морозом. И лишь постепенно они принялись перешептываться. Они стали собираться кучками и тихо совещаться, по временам опасливо озираясь.

Мсье Деклош, фактический лидер блока коммунистов, хотя и занимавший скромное место консультанта по культуре, кажется, первым осознал все осложнения, вытекавшие из проекта де Труафронта. По его команде группировка коммунистов покинула бальный зал и собралась в президентской ванной. Но тут возникли сложности с этикетом. Должностных лиц было двое и мест тоже два. С одной стороны, мсье Дупье был, как-никак, секретарь партии, зато консультант по культуре Деклош фактически ею руководил. Возник вопрос — что важнее, стульчак или биде. Обсуждение этого каверзного вопроса продолжалось бы до бесконечности, если бы мсье Гюстав Армони не бросился самоотверженно в прорыв. Конечно, заявил он, коммунистическая партия это коммунистическая партия, но ведь и Франция это Франция.

Мсье Деклош нервно потер подбородок и сделал свой исторический выбор — занял место на биде. Однако, пытаясь предвидеть, какой резонанс вызовет поведение французской коммунистической партии, он заявил, что их кажущийся отход носит лишь локальный характер. Немецкие коммунисты, например, могут занять и противоположную позицию. Взрыв аплодисментов вдохнул в него мужество продолжать дальше.

Ход его рассуждений был таков. Естественная функция коммунистической партии — затевать революции. Любая перемена, делающая революцию более реальной, безусловно играет на руку партии. Во французской политике царит анархия. Восставать против анархии очень трудно, так как в людских умах, не знакомых с диалектикой, революция представляется анархией. И, с точки зрения непросвещенных, нет смысла заменять одну анархию другой. В то же время, продолжал мсье Деклош, монархия служит естественным магнитом для революции, что имеет историческое подтверждение. Следовательно, коммунистам только выгодно, если французская монархия будет восстановлена. Создастся положение, от которого легче будет отталкиваться и которое ускорит революцию.

При таком неожиданном повороте вмешался мсье Дупье. Он указал, что мировая общественность, возможно, будет потрясена известием, что французские коммунисты поддерживают реставрацию монархии.

Мсье Деклош заверил секретаря партии, что они не станут делать такого заявления. Французские коммунисты не примут участия в голосовании. А как только короля коронуют, они объявят, что Францию завели в тупик ложными обещаниями и нажимом империалистов. И тем временем будет идти подготовка к революции. По коротком размышлении мсье Дупье встал и горячо пожал руку мсье Деклошу — простой и вместе с тем символический жест согласия. Остальные члены партии немедленно последовали их примеру. Правда, один делегат высказал опасение, что, если коммунисты воздержатся от голосования, социалисты могут объединиться с христианскими атеистами и протокоммунистами и погубят мероприятие.

— Стало быть, надо постараться, чтобы этого не произошло, — заявил мсье Деклош, — Если социалисты сами до этого не додумаются, им надо подсказать, что король будет держать коммунистов в узде.

Заявление его вызвало аплодисменты, и сборище переместилось в бальный зал.

Тем временем происходили совещания и других делегатов. Социалисты, как выяснилось, не нуждались ни в каких подсказках. Им и так было ясно, что король будет держать коммунистов в узде. И если этот камень преткновения уберут с дороги, социалисты могут рассчитывать на постепенные перемены, за что они и ратуют.

Христианские атеисты высказали мнение, что нынешний разнобой среди партий и всеобщее смятение способствуют посягательствам никогда не испытывающей смятения Церкви. Монархия же — заклятый враг

воинствующей Церкви. Англия служит отличным примером того, как популярная монархия успешно противостоит посягательствам Рима.

Христианские христиане заняли следующую позицию: королевская фамилия всегда была недвусмысленно католической, тогда как аристократия, в особенности ее представители, сохранившиеся от старого режима, если уж не отклонились с пути во времена невзгод, вряд ли отойдут от веры, когда мечта их сбудется.

Левые центристы — группировка влиятельная, особенно когда находит общий язык с правыми центристами. Вместе эти две партии составляют так называемые Сто семейств. Хотя после второй мировой войны и американской помощи их с большим основанием можно было бы назвать Двести семейств. Эти партии представляют не только горное дело и промышленность, но также банковское дело, страхование и недвижимость. Разница лишь в том, что левые центристы одобряют пенсионное и медицинское обеспечение, характерное для американских корпораций, а правые не одобряют. Сейчас эти две партии согласились на реставрацию почти мгновенно, поскольку были уверены, что король обуздает и социалистов, и коммунистов и таким образом положит конец требованиям повысить заработную плату и укоротить рабочий день.

Лига налогоплательщиков заключила, что роялистский режим обусловит сбор налогов с правых и левых центристов, а в этом заключался главный смысл существования Лиги. Они отдавали себе отчет в том, что предполагаемая монархия не станет брать налоги с аристократии, но, как они решили, аристократов очень мало и к тому же они банкроты, так что не важно, если роялистов и вовсе освободят от налогов.

Среди политических партий установилось невиданное в истории последнего времени единство. Все группировки поддержали идею реставрации монархии по разным причинам, но каждая — по причинам, выгодным для себя. Коммунисты, верные занятой позиции, хранили угрюмое молчание.

Дебаты, вспыхнувшие в парламенте, перекинулись на страницы французских газет, которым оказалось на руку держать их в центре внимания, так как это увеличило тиражи. «Фигаро» в передовице утверждала, что для достоинства и целостности Франции было бы куда благотворнее, если бы символом страны был король, а не портняжка. Парижане в целом благосклонно отнеслись к идее реставрации, коль скоро это сулило разнообразие, а ассоциации рестораторов, парикмахеров и владельцев отелей сообразили, что американцы питают слабость к королевским особам и ожидающийся приток туризма и иностранных валют

уже достаточное оправдание для перемен. Что касается фермеров, крупных и мелких, то они традиционно находятся в оппозиции к Любому правительству у власти, а потому они автоматически за любую перемену, неважно, за хорошую или плохую. В Национальной ассамблее энтузиасты потребовали немедленного голосования.

Роялисты Франции, да, собственно говоря, и любой другой страны, где монархия была упразднена как основной принцип, никогда не падали духом. В самом деле, такова уж природа аристократии, ее высокой доблести, что она не может, не способна отказаться от надежды на свое возвращение, а вместе с этим возвращение золотых деньков, эпохи благоденствия и куртуазности. И тогда снова вернутся честь и правдивость, преданность долгу и почитание короля; слугам и крестьянам будут обеспечены покровительство и приют, их перестанут выбрасывать в хищный мир. В заслугу человеку тогда зачтется его славное прошлое, а не агрессивное и жадное настоящее. И тогда-то Его милостивое Величество король, как высший арбитр, будет осуществлять свою власть и вершить благожелательный суд над избранными. Король будет ласково направлять и поправлять почтенные семьи и сурово порицать и наказывать тех, кто попытается как-то выделиться или нарушить правила. Джентльмены будут галантны с дамами, а дамы прелестны и благосклонны к джентльменам. А всем тем, для кого эти вещи не имеют ценности, нет места в рядах дворянства.

Роялистская партия была тромбом в кровеносной системе Республики. Не будучи ни многочисленными, ни богатыми, ни красноречивыми, роялисты зато были сплочены и фанатично преданы идее. Любые возникавшие в их рядах трения носили исключительно социальный характер или касались многовекового престижа и поддержания хрупкой чести.

В то время как Национальная ассамблея с возрастающим жаром и энтузиазмом обсуждала реставрацию монархии, роялисты встретились в зале, который раньше занимал чешский клуб гимнастики и риторики, а после захвата Чехословакии Советским Союзом был покинут.

Затруднений, казалось бы, не предвиделось. Претендента от Бурбонов, законного и подготовленного на тот случай, если вдруг придется занять трон, можно было призвать в любой момент. На собрание его, к счастью, не пригласили. Присутствовали:

потомки Верцингеторикса

Меровинги

Каролинги

Капетинги
наследники герцогов Бургундских
представители Орлеанского дома
Бурбоны
потомки Бонапартов

и две крохотные группировки: отпрыски Анжуйской ветви, которых, по слухам, поддерживали англичане, и праправнуки Юлия Цезаря, гордившиеся перевязью в гербе — справа налево, доказывающей их незаконнорожденность.

Бурбоны выступали походкой владык и, когда пили за здоровье короля, улыбались характерной улыбкой Бурбонов. Едва они огласили имя своего претендента, графа Парижского, начался ад.

Потомки Бонапартов повскакали с мест, дико вращая глазами. Граф Дежур, чей прадед носил в своем ранце маршальский жезл, завопил:

— Бурбоны? Почему Бурбоны? Разве иссякла священная кровь Наполеона? Да еще в союзе с Орлеанцами? Господа, неужели мы будем жить под пятой потомков Орлеанского дома и Бурбонов? Именно тех династий, которые больше всего сделали для падения французской монархии? Неужели мы...

— Нет! — заревели анжуйцы с английским, как некоторым показалось, акцентом.

— Уж лучше Меровинги, лучше король Фенеан!^[3] — завизжали Капетинги.

Целый день и целую ночь бушевали страсти, благородные голоса охрипли, благородные сердца громко стучали. И среди всех аристократических участников сражения бездействовали только Меровинги: они сидели спокойные, безучастные, расслабленные, с довольным видом.

Наступило утро второго дня, и охватившее всех изнеможение неоспоримо показало, что роялисты точно так же неспособны выбрать короля, как и республиканцы сформировать правительство. Ночью послали за шпагами и решили дело, обойдясь без голосования. Едва ли нашелся хоть один участник, кого не украшали бы потом ссадины и порезы, свидетельствовавшие о незапятнанной чести. Одни лишь вялые Меровинги продолжали сидеть невозмутимые, без единой царапины.

В 10.37 утра 21 февраля 19.. года медленно и постепенно поднялся престарелый Хильдерик де Сон и тихо произнес шелестящим, меровинговским, но зато одним из немногих сохранившихся в этом зале, голосом:

— Мои благородные друзья, — начал он, — как вы знаете, я храню верность династии, которая не признает вашего существования!

Кто-то из Бурбонов кинулся к подставке для зонтиков, где стояли шпаги, но Хильдерик жестом остановил его.

— Воздержитесь, дорогой маркиз. Мои короли, как установлено, исчезли по причине вялости. Нам, Меровингам, корона не нужна. А потому положение позволяет нам быть третейскими судьями и советчиками, — По лицу его скользнула слабая улыбка. — Нам представляется, что годы республиканского правления наложили отпечаток на это собрание. Вы, господа, ведете себя не менее глупо, чем выборные представители еще менее осмысленных масс, но при этом без их выдержки. Я рад, что собрание наше закрытое и никто нас не видит.

Воцарилось виноватое молчание. Аристократы смущенно повесили головы, а Хильдерик продолжал:

— Во времена моих предков вопрос о престолонаследии улаживался более изысканным образом — с помощью яда, кинжала или ловких и милосердных рук душителя. Нынче мы сдались на милость голосования. Хорошо, так давайте же пользоваться им как благородные люди. И пусть тот, кто голосует чаще других, — победит.

Хильдерик умолк, отвинтил набалдашник у трости и сделал глоток коньяку, заполнявшего трость вместо находившегося там прежде лезвия.

— Не желает ли кто-нибудь прервать меня? — осведомился он учтиво. — Отлично, я продолжаю. Совершенно очевидно, что Бурбоны, Орлеанская ветвь, Бургундцы и даже младшие Капетинги могут править только с помощью старого метода децимации, то есть истребления каждого десятого. Поэтому предлагаю пойти в глубь веков. Что касается графов Анжуйских... — тут он растопырил два пальца на манер знака победы, придуманного герцогом Мальборо, но направил его вперед, что в корне меняет смысл жеста.

Бургундец подскочил и сделал попытку закричать: «А кто? Вы?», но из его надсаженной глотки вырвалось лишь жалкое блеяние.

— Нет, — ответил Хильдерик. — Я вполне довольствуюсь той же долей, какая выпала моим последним королям. Я предлагаю вернуть на трон Франции того, в ком есть священная кровь Карла Великого.

Представитель Бурбонов разразился громовым шепотом:

— Вы в своем уме? Род давно пресекся!

— Вовсе нет, — спокойно возразил Хильдерик, — Припомните, благородные господа, как ни трудно вам это сделать, ведь в те времена ваши предки еще пасли коз. Припомните, что Пипин II Эристаль пренебрег

заветами Салической правды, требовавшей раздела царства, и передал его целиком сыну Карлу, впоследствии прозванному Молот.

— Ну и что? — возмущился представитель Бурбонов, — Все равно потомков не осталось.

— У Карла Мартелла — нет. Но я прошу вас также вспомнить, что Карл был незаконным сыном. Вы, очевидно, упустили из виду, что у Пипина II было два законных сына и их-то он обошел *de jure*, но разве мог он их обойти *in esse* или *de facto*? ^[4] В Париже сегодня живет Пипин Арнульф Эристаль, приятный человек, астроном-любитель, и у него есть дядя — Шарль Мартель, владелец маленькой картинной галереи на улице Сены. Он тоже происходит от законной ветви, хотя и неправильно произносит свое имя.

— А они могут это доказать?

— Да, могут, — с любезным видом заверил высокое общество Хильдерик, — Пипин — мой старый знакомый. Он умен. Он сводит для меня приходы с расходами. Я дал ему прозвище «мажордом» ^[5], шутка неважная, но нам кажется смешной. Живет он на доходы с двух виноградников — тех, что осталась от громадных владений Эристалей и Арнульфов. Благородные господа, я имею честь предложить объединиться под властью Его милостивого Величества Пипина Арнульфа Эристаля, из рода Карла Великого.

Таким образом, выбор был сделан, хотя перешептывание длилось до позднего вечера, пока наконец изнеможенные участники не поняли, что ни до чего другого им не договориться.

Тогда они пришли к взаимному согласию. И даже попытались прокричать троекратное «ура» королю. Но удалось им только выпить за его здоровье, а затем они перешли в другой этаж, где заседала Национальная ассамблея, и объявили там имя и происхождение Пипина. Выбор был принят с облегчением и энтузиазмом, ибо наиболее сообразительным представителям французского народа уже пришло в голову, что 1789 год был не так уж давно. Но кто же может ненавидеть Эристаля... или Карла Великого?

В обычных обстоятельствах мсье Эристаль был в курсе деятельности правительства и происходящих в нем внутренних процессов. Но тут двойное волнение, вызванное метеорным дождем и приобретением в результате удачно проведенной интриги нового фотоаппарата, продержало его на террасе ночью и в винном погребе, выполнявшем роль фотолаборатории, утром, после чего, усталый, но счастливый, он

отправился спать, чтобы набраться сил к вечеру.

Мсье Эристаль оказался среди тех немногих во Франции, а пожалуй, и в мире, кто не знал, что Республике в результате голосования пришел конец и провозглашена монархия. А следовательно, он не ведал и того, что со всеобщего одобрения именно его избрали королем Франции, Пипином IV. Заметим, что Пипин Короткий, сын Карла Мартелла, умерший в 768 г. н. э., считался Пипином III.

Когда в девять часов утра ликующая делегация доставила официальную волю народа Франции в дом номер один по улице Мариньи, мсье Эристаль в халате винного цвета сидел в своем кабинете, пил горячий бескофеиновый кофе, пришедший из Америки, и собирался лечь поспать.

Он вежливо выслушал их, сняв с носа пенсне и протирая покрасневшие глаза. Сначала известие его позабавило, и он устало усмехнулся. Но когда осознал, что предложение сделано всерьез, он до глубины души возмутился. Он насадил пенсне верхом на указательный палец правой руки и сказал:

— Господа, вы, очевидно, шутите, и, извините меня, шутка ваша не слишком хорошего тона.

Его недоверчивость подлила масла в огонь, у членов делегации даже прорезался голос, и они громко потребовали, чтобы он немедленно принял корону во имя безопасности и будущности Франции.

В разгар всего этого шума Пипин откинулся на спинку стула и прикрыл глаза рукой с голубыми жилками, словно желая заслониться от нереальной сцены.

— Бывает, у человека начинаются видения, особенно когда он устал, — проговорил он. — Я хочу надеяться, господа, что, когда я открою глаза, вы исчезнете. А я приму что-нибудь от печени.

— Но, Ваше Величество...

Глаза Пипина широко раскрылись.

— Увы, — сказал он. — У меня была маленькая надежда. Обращение «Ваше Величество» вызывает тревогу. Стало быть, я должен поверить, что вы не разыгрываете меня столь затейливым способом. Да вы и не похожи на шутников. Но если вы в здравом уме, то по какому праву вы делаете мне столь нелепое предложение?

Мсье Флосс, из правых центристов, выступил вперед. В голосе его зазвучали ораторские нотки.

— Франция столкнулась с невозможностью сформировать правительство, сир. Вот уже много лет подряд как только правительству удастся выработать определенный политический курс, тут же неизменно

происходит его падение.

— Да, знаю, — подтвердил Пипин, — Возможно, именно определенности мы и боимся.

Франция нуждается в непрерывности для того, чтобы встать над партиями и фракциями, — продолжал мсье Флосс. — Взгляните на Англию! Партии там могут сменять одна другую, но монархия сохраняет свое направление. И Франция когда-то его имела. Но Франция его утратила. Мы верим, Ваше Величество, что это положение можно восстановить.

— Английские монархи закладывают первые камни у новых зданий и занимают твердую позицию насчет того, какую шляпу им надеть на бега, — мягко напомнил Пипин. — Но задумывались ли вы над тем, друзья мои, что англичане любят свое правительство и тратят массу времени на его прославление, тогда как французы, напротив, ненавидят любое свое правительство, которое находится в данный момент у власти? И я устроен так же. Таков уж французский способ относиться к своему правительству. А теперь, пока мне не дадут более подробных разъяснений, я бы хотел поспать. Подумали ли вы о трудностях, связанных с осуществлением вашего плана? Франция уже довольно давно республика. Ее установления — республиканские, ее образ мыслей — республиканский. Я, пожалуй, пойду лягу. Вы так и не сказали мне, кто послал депутацию.

— Сенат и Ассамблея с нетерпением ждут милостивого согласия Вашего Величества! — вскричал мсье Флосс, — Нас послали представители французского народа.

— Коммунисты тоже проголосуют за монархию? — вкрадчиво осведомился Эристаль.

— Они не станут выступать против, сир. Они обещали.

— А как обстоит дело с народом? Я как будто припоминаю, что в свое время толпы хлынули в Париж с вилами, после чего некоторые члены королевской семьи — к счастью, не мои родственники — не уцелели.

Сенатор Воваш, социалист, встал со стула. Тот самый Воваш, который приковал к себе внимание в 1948-м, отказавшись от взятки. Тогда же он получил почетное прозвище «Честный Жан», которое и носил смиренно до этого дня. Мсье Воваш торжественно произнес:

— Выборочный опрос мнений показал, что весь французский народ поддержит вас как один человек.

— И кого же опрашивали? — поинтересовался Пипин.

— Неважно, — ответил Честный Жан, — Разве задают столь оскорбительный вопрос в Америке, родине опросов?

— Прошу прощения, — извинился Пипин, — Наверное, я просто хочу спать, устал и огорошен. Я уже не молод...

— Пф! — польстил ему мсье Флосс.

— ...и последние дни я занимался... словом, другими делами, — Он махнул рукой вверх. — Мадам не досаждают мне новостями, когда я поглощен своими занятиями. Как видите, господа, вы застали меня врасплох.

— Вы должны короноваться в Реймсе! — вскричал мсье Флосс. Его переполняло волнение, — Мы должны следовать старинным обычаям. Франция нуждается в вас, сир. Неужто вы откажете вашему отечеству в обретении чувства надежности, которое гарантировано вашим великим происхождением?

— Моим происхождением?

— Разве вы не прямой потомок Пипина Второго?

— Ах, вот в чем дело! Да ведь с тех пор во Франции столько королевских династий перебивало у власти...

— Но вы не отрицаете вашего происхождения?

— Как я могу? Это, кажется, документально зафиксировано.

— Вы запрещаете нам действовать, сир?

— Это было бы глупо, — отозвался Пипин, — Как я могу запретить что бы то ни было Республике, даже если она забрала себе в голову уничтожить себя? Я — лишь оторванный кончик длинного хвоста большой собаки. Могу ли я вилять всей собакой?

— Франция нуждается...

— А я нуждаюсь в сне, господа. Будьте так добры, оставьте сейчас меня, и я проснусь через несколько часов с надеждой, что вы были сновидением.

Пока он спал (в прессе это получило название «исторический сон»), студенты Сорбонны маршировали по Елисейским полям, выкрикивая «Vive le Roi!» и «Saint Denis pour la France!»^[6] Четверо взобрались по фермам на Эйфелеву башню и водрузили на самой верхушке древний королевский флаг, и он победно развевался там среди измерительных ветровых приборов.

Возбужденные горожане высыпали на улицу и стали плясать и петь.

Из кооперативных складов с верховьев Сены выкатили бочки с вином и, расставив на углах улиц, принялись откупоривать.

Законодатели мод кинулись к чертежным доскам.

Скиапарелли уже через час выдал новые духи под названием «Греза короля».

Специальные выпуски «Эспес», «Корморан», «Пари Минюи», «Эры» и «Монд Дье»^[7] буквально слетели с печатных станков и были тут же расхватаны.

В витринах лавок, как по волшебству, появился королевский флаг Карла Великого.

Американский посол, получивший инструкции от своего правительства, тщетно искал, кого бы поздравить.

От волны, поднявшейся в Париже, пошли концентрические круги; они докатились до провинции, и там тоже стали зажигать праздничные костры и поднимать флаги.

И все это время король спал. Но мадам каждый час наведывалась в киоск за новыми выпусками газет и аккуратно складывала их на столик для прочтения.

Пипин, возможно, так и проспал бы всю ночь до следующего утра, если бы противовоздушные батареи, расставленные вокруг Парижа, не дали салют из двадцати одного орудия в половине третьего утра. Пять граждан было убито и тридцать два ранено откатившимися пушками. Все раненые, лежа на больничных койках, дали верноподданнические оптимистические интервью.

Артиллерийский залп разбудил Пипина. Первая мысль была: «Наверное, вернулась Клотильда. На что она опять налетела?»

Второй залп из противовоздушных орудий заставил его приподняться на локте, и он стал на шаривать другой рукой выключатель около постели.

— Мари! — позвал он. — Мари! Что происходит?

Мадам открыла дверь в спальню. В руках она держала ворох газет.

— Это королевский салют, — ответила она. — В «Эспес» написано, что стреляет сто одна пушка.

— Бог мой! Я думал, это Клотильда, — Пипин взглянул на часы, затем повысил голос, стараясь перекричать пушки: — Уже без четверти три! Где Клотильда?

Мадам ответила холодным тоном:

— Принцесса на мотороллере отправилась во главе своих верных подданных в Версаль. Она намерена пустить фонтаны.

— Значит, это был не сон! Когда министр общественных работ узнает про ее выходку, боюсь, запахнет гильотиной. Мари, эти люди, кажется, принимают свою чепуху всерьез. Я хочу поговорить с дядей Чарли.

На рассвете король и его дядя встретились в задней части галереи на улице Сены.

Пипин долго колотил в ставни дядюшкиного дома, пока сей господин, облаченный в длинную ночную рубашку и феску, не выглянул с сердитым видом, крайне раздраженный тем, что его разбудили. Какое-то время ушло на ворчание, на приготовление утреннего шоколада и натягивание штанов, после чего дядя Шарль уселся в пыльное сафьяновое кресло, поправил зеленый козырек на настольной лампе, протер очки и приготовился говорить о деле.

— Тебе надо научиться соблюдать спокойствие, Пипин, — начал он, — Я проповедую это уже не один год. Когда ты ворвался сюда со своей кометой, я высказал предположение, что звезды подождут, пока мы выпьем по чашечке шоколада. Когда у Клотильды случилось мелкое недоразумение с жандармерией из-за неуместного применения огнестрельного оружия в тире, разве я не рекомендовал соблюдать спокойствие? И, как ты помнишь, все разрешилось благополучно. Ты уплатил за несколько стеклянных абажуров, которые Клотильда расстреляла с карусели, а она продала свою биографию американскому журналу. Спокойствие, Пипин! Спокойствие! Я настаиваю на спокойствии.

— Дядюшка, они же сошли с ума.

— Нет, мой мальчик, оставь эту идею. Французы не сходят с ума просто так, если не видят в этом выгоды. Итак, ты говоришь, что делегация состояла из представителей всех партий и что упоминалось благополучие Франции?

— Они твердят, что у Франции должно быть устойчивое правительство.

— Гм, — произнес дядя Шарль, — мне всегда казалось, что этого они хотят меньше всего. Вполне возможно, Пипин, что партии действительно выбрали одно направление, но по разным причинам. Да, наверное, так и есть, а тебя, мой мальчик, они избрали на роль, по выражению американцев, ширмы.

— Что же мне делать, дядюшка? Как избежать этой... этой ширмы?

Дядя Шарль постучал очками по колену, чихнул, налил себе еще шоколаду из кастрюльки, стоявшей рядом на горелке, и медленно покачал головой.

— Будь у меня время и покой, я, быть может, и разобрался бы в политической обстановке. Но прямо так, сейчас, я не вижу для тебя никакого выхода. Разве что ты пожелаешь с достоинством погрузиться в ванну с теплой водой и вскрыть себе вены.

— Я не желаю быть королем!

— Если самоубийство тебя не привлекает, милый мальчик, утешься —

в скором времени наверняка последуют попытки убить тебя, и, кто знает, может быть, одна из попыток удастся.

— А я не могу сказать «нет», дядя Чарли? Нет, нет и еще раз нет. Почему я не могу себе этого позволить?

Дядя Шарль вздохнул.

— Пока мне приходят в голову только две причины. Позднее я придумаю еще. Во-первых, тебе скажут, что Франция в тебе нуждается. А еще никто никогда ни в одной стране не мог устоять против этого аргумента. Пусть человек этот старый, больной, глупый, усталый, циничный, умный и даже опасный для страны, но если скажут, что страна нуждается в нем и только в нем, — он согласится, даже если его придется на носилках нести к трибуне принимать присягу и соборовать одновременно. Нет, выхода для тебя я не вижу. Если тебе скажут, что Франция в тебе нуждается, — все, ты погиб. Молись только, чтобы Франция не погибла вместе с тобой.

— Но, может быть...

— Вот видишь, — прервал его дядюшка, — ты уже попался. Второй резон более тонкий, но не менее убедительный. Это — численное превосходство аристократии. Разреши, я разовью свою мысль.

Аристократия пышно цветет и размножается лучше всего при демократическом или республиканском режимах. При монархии аристократы подвергаются тщательному отбору и фильтрации и даже ликвидации по тем или иным причинам, но в республиканских климатах они плодятся, как кролики. В то время как низшие слои становятся бесплодными. Лучшее тому доказательство — Америка. Там не найдется ни одного человека, кто бы не был потомком аристократического рода, даже каждый индеец там вождь клана. В республиканской Франции аристократия лишь чуть в меньшей степени, но тоже проявила прямо-таки невероятную плодовитость.

Аристократы на тебя набросятся, как воробьи на... Не стану заканчивать сравнение. Они потребуют привилегий, о каких не слыхали со времен Людовика Безобразного, но что хуже всего, дитя мое, они захотят денег.

— Что же мне делать, дядя Чарли? — Вид у Пипина был несчастный, — Почему нельзя было подождать с этим еще одно-два поколения? А нет ли какой-нибудь боковой ветви в нашем роду, которая могла бы...

— Нет, — отрезал Шарль, — такой нет. А если бы и была, то сочетание аргумента номер один плюс мадам, плюс Клотильда все равно

тебя одолеет. И еще одно. Если бы даже все французы мужского пола были против твоего восшествия на трон, то все француженки будут всячески вынуждать тебя к этому. Они слишком долго взирали завистливым оком на тот берег Канала, высмеивая старомодность британской королевской семьи — и завидуя ей. Нет, Пипин, мой мальчик, ты влип, — заключил Шарль. — Ты — Его Величество Ширма. Советую тебе как следует покопаться в ситуации и отыскать в ней что-нибудь приятное. А теперь ты, надеюсь, извинишь меня. Сейчас придет клиент с тремя Ренуарами без подписи.

— Ну, по крайней мере, — заметил Пипин, — я буду чувствовать себя не так одиноко, зная, что и вам придется предстать перед миром во всем блеске своих титулов.

— Пресвятые угодники! — воскликнул дядя Шарль. — Я и забыл совсем!

Пипин покинул галерею как в чад. Не глядя по сторонам, он брел вверх по Сене, по левому ее берегу, мимо Нотр-Дам, мимо складов, винных хранилищ, через мосты, мимо фабрик, он брел машинально до тех пор, пока не пришел в Берси. И в продолжение всей долгой, неторопливой прогулки он, как крыса в лабораторном лабиринте, обшаривал все закоулки своего мозга в поисках возможного пути к бегству. Он исследовал все тропки, ходы и норки и везде натыкался на проволочную сетку жестоких фактов. Еще и еще тыкался он, так сказать, умственным носом в заграждение в конце заманчивого прохода — но там его ждала реальность. Он был королем, и от этого никуда было не деться.

Усталый, он забрел в кафе, сел за мраморный столик и уставился невидящим взором на азартное сражение в домино, а потом, хотя было еще далеко до полудня, заказал перно. Он осушил рюмку залпом и так быстро заказал следующую порцию, что игроки приняли его за иностранного туриста и прикусили языки.

После третьей рюмки присутствующие услышали, как он сказал: «Ну, так тому и быть. Что поделаешь». Затем опять махнул официанту. После чего обратился к рюмке.

— Так значит, вы хотите короля, друзья мои? А вы подумали об опасности? Подумали, какого духа вы, возможно, выпускаете из бутылки? — Он повернулся к игрокам: — Не окажете ли вы мне честь выпить со мной?

Они не очень охотно, но согласились. Для американца, решили они, он превосходно говорит по-французски.

Когда всем принесли перно, Пипин поднял рюмку.

— Они хотят короля! Я пью за короля! Да здравствует король! — Он

осушил рюмку. — Отлично, друзья мои, — сказал он. — Возможно, они таки получают короля — и это последнее, чего им на самом деле хочется. Именно так, они еще пожалеют, что накликали короля на свою голову.

Он встал из-за стола и направился к двери. И все отметили, что походка его была медленной и царственной.

Не так-то легко оживить монархию, как может показаться на поверхностный взгляд. Отчасти это зависит от того, какого рода монархию вы хотите иметь. Пипин склонялся к конституционной форме, и не только потому, что в душе был свободомыслящим человеком, но и потому, что уж слишком большую ответственность накладывает абсолютизм. Пипин сознавал, что чересчур ленив, чтобы затратить столько усилий для достижения успеха, и слишком труслив, чтобы принять на себя всю вину за ошибки.

Собрание всех партий, созванное для того, чтобы определить процедуру, назначило себя, по просьбе Пипина, совещательным органом. В самом начале совещания король внес на рассмотрение следующий тревожный вопрос: как отнесется к перемене американское правительство и будет ли госдепартамент оказывать ту же финансовую помощь монархии, какую оказывал Республике?

Мсье Флосс, представлявший как правых, так и левых центристов, сумел разрешить сомнения, сказав, что свойство американской внешней политики — не доверять либеральным правительствам и всячески благоволить наиболее авторитарным как, по их мнению, более ответственным.

Мсье Флосс назвал Венесуэлу, Португалию, Саудовскую Аравию, Трансиорданию, Египет, Испанию и Монако в подтверждение этой американской особенности. Он пошел еще дальше в своем утверждении, приведя в пример социалистические республики Советского Союза, а также Польшу, Чехословакию, Болгарию, Китай и Северную Корею, которые в прошлом также оказывали безусловное предпочтение диктатурам и абсолютным монархиям перед демократически выбранными правительствами.

Выяснять причины такого предпочтения нет нужды, заявил мсье Флосс. Более того, это было бы даже нескромно. Достаточно того, что такое предпочтение — исторический факт. Что касается Америки, продолжал он, то она всегда питала сентиментальную слабость к французскому трону.

Когда американские колонии оказались одиноки в своей войне за независимость, кто пришел им на помощь? Кто помог людьми, деньгами и

сырьем? Республика? Нет, Французское королевство. Кто пересек океан, чтобы служить в американских войсках? Простой народ? Нет, аристократы.

Мсье Флосс предложил, чтобы в качестве первого королевского акта Пипин попросил субсидии для своего правительства у Америки, с тем чтобы укрепить Францию в борьбе против коммунизма, и равной субсидии у коммунистических стран в интересах мира во всем мире.

Энтузиазм, с каким откликнулись на эту просьбу Соединенные Штаты и Союз Советских Социалистических Республик, показал, что мсье Флосс правильно оценил ситуацию.

Сейчас каждому известно, что не только американский конгресс дал больше денег, чем просили, но что фонд Лафайета, существующий на взносы школьников, субсидировал ремонт королевских покоев в Версале.

После первого взрыва энтузиазма государственных служащих охватила паника: почтальоны, инспекторы, мириады мелких чиновников, служители общественных туалетов, охрана национальных памятников, таможенники, инспекторы инспекторов — все они по размышлении испугались, что заработки их будут урезаны. Однако обращение короля к нации, в котором он пообещал сохранить *status quo*, всех успокоило и пробудило пылкую лояльность среди представителей иностранных концессий.

Одновременно министр национальных памятников предъявил королю счет в триста тысяч франков, в которые обошлись пущенные принцессой Клотильдой фонтаны Версаля, а также работавшие две ночи подряд прожекторы. Сама принцесса величественно отмахнулась от счета.

Пипину удалось доказать, что на балансе у него в Чейз Банке на улице Камбон имеется всего лишь сто двадцать тысяч франков. Но тут подоспела первая ссуда из Америки и разрешила проблему, ко всеобщему удовольствию.

Как ни сложно было воссоздать монархию, коронация в Реймсе оказалась делом еще более непростым. Шарль был прав, говоря об увеличении численности аристократии во времена Республики. Мало того, что они расплодились сверх всякой меры, они еще никак не могли прийти к соглашению относительно формы коронации. Все признали, что она должна быть старинной и традиционной, но встал вопрос — какой именно?

Жизненно заинтересованные группировки настаивали, чтобы коронацию отложили до лета. Портных завалили заказами на придворные платья. Керамической промышленности требовалось время, чтобы изготовить миллионы чашек, тарелок, пепельниц и декоративных пластинок с изображением не только королевского герба, но и профилей

короля и королевы. Летом сезонный приток туристов по крайней мере обеспечил бы покрытие расходов на это мероприятие.

Детали, которым прежде не придавали значения, приобрели первостепенную важность. Вновь назначенные члены протокола, герольдмейстеры, постельничие, фрейлины метались взад и вперед, а в кабинетах королевских историков ночи напролет горел свет.

Музеи перерыли в поисках карет, костюмов, флагов. Библиотеки перевернули вверх дном. Пришлось перечеканить монеты. Нашлось занятие для каждого художника, кисть и палитра не знали отдыха, перекрашивая щиты и эмблемы гербов. Плодовитость аристократии оказалась столь высока, что все щиты понадобилось делить наново. С общего согласия черную перевязь незаконнорожденных упразднили, ибо она придала бы утомительное однообразие геральдическим фигурам на гербах ныне здравствующих и умалила бы достоинство мемориальных табличек с изображением герба на домах умерших.

Каретные мастера, полжизни прозябавшие без работы, были извлечены на свет из своего старческого уединения и принялись намачивать рассохшиеся спицы и ободья колес у парадных карет и руководить заменой пружин в сиденьях.

Оружейникам пришлось вспомнить искусство полировки и смазки латных рукавиц, наголенников, забрал и шлемов, так как многие молодые пэры желали присутствовать на коронации непременно в полном вооружении, независимо от сезона.

Нейлоновая промышленность ввела на заводах дополнительную смену, чтобы обеспечить спрос на бархат и искусственный горностай, не боящийся моли.

Дело застопорилось, когда дошло до короны — ‘ее не существовало. Однако Ван Клиф и Арпельс, Хэрри Уинстон и Тиффани объединили свои ресурсы, мастеров и драгоценные камни и соорудили корону в три фута высотой, так густо усаженную драгоценностями, что к спинке трона пришлось приделать подставку, чтобы корона своей тяжестью не сломала шею монарху. Корону несли четыре священника. Когда после коронации ее разломали и отдельные камни оценили, она дала двенадцать миллионов долларов прибыли, а создавшие ее фирмы получили право устроить выставку королевского оружия и пользоваться званием «Творца короны французского короля».

Помимо разных государственных дел, в том числе финансовых, помимо тонкостей международных отношений и протокола переход от Республики к монархии повлек за собой тысячи мелочей, которые,

возможно, избегли внимания рядовых граждан.

В Париже возникли школы, призванные восстановить утраченное искусство хороших манер: школа умения ходить (с тростью и без), школа поклона, целования руки, школа обмахивания веером, умения нанести оскорбление, школа чести. Классы фехтования вдруг оказались переполнены. Старый генерал Виктор Гонзель, последний в мире авторитет по части пользования пистолетом, заряжаемым с дула, ежедневно давал инструкции полсотне новоиспеченных придворных.

И на все эти приготовления Пипин взирал в смятении и ужасе. Из-за делегации, явившейся с предложением сформировать роту лейб-гвардейцев, вооруженных алебардами, он пропустил затмение Луны. Галдеж расшумевшихся членов Ордена королевских карликов вынудил его искать спасения в конце галереи дяди Шарля.

— В Фоли-Бержер начался конкурс на королевскую любовницу, — пожаловался он. — Дядя Чарли, в мои молодые годы, если уж никак было не обойтись, я следовал нашей национальной практике, хотя это было и дорогое удовольствие, а через какое-то время вообще приедалось. А сейчас? Знаете ли вы, что в Париже собрались желающие из всех стран мира? Нет, дядюшка, я на это не пойду. Поверите ли, даже Мари пристаёт ко мне с этим. Проклятье, вы когда-нибудь слышали, дядюшка, что несут эти девицы?

— Путем различных уловок мне всегда удавалось этого избежать. Дитя мое, в каких-то вещах ты сумеешь утвердить свою королевскую власть, но если ты думаешь, что можешь быть королем Франции и не иметь любовницы, которая своими сумасбродствами и очаровательной безответственностью способствовала бы просвещению умов, то ты очень ошибаешься.

— Но королевские любовницы, почти все без исключения, ввергали нацию в неприятности.

— Разумеется, мой мальчик, разумеется. Это входит в игру. Неужели твоя астрономия заслонила от тебя всякое чувство меры и знание истории?

— Я лучше обзаведусь министром, — С ожесточением объявил Пипин. — Подберу себе какого-нибудь Мазарини или Ришелье, и пусть сами разбираются с моими любовницами.

— Ты обнаружишь, что всякий стоящий кардинал займет в этом вопросе твердую позицию, — возразил дядя Шарль. — Он будет настаивать на любовнице. Посуди сам: для короля не иметь любовницы — все равно что ходить голым. Французский народ этого не потерпит.

— У меня нет никакой частной жизни, — продолжал возмущаться

Пипин, — Меня еще не короновали, а уже не дают ни минуты покоя. И, должен сказать, вы не относитесь всерьез к обязательствам, которые налагает на вас происхождение. Мне доложили, что вы обнаружили целый чердак неподписанных Буше.

— Надо же как-то жить, — запротестовал дядя. — И не думай, что я тебя бросил. Я много размышлял о твоих делах, Пипин. И сейчас попрошу у тебя абсолютного внимания. В Америке глава исполнительной власти, считающий свои функции несовместимыми со своими интересами, находит оригинальный и практичный выход из положения. Он передает часть своих функций одному из крупных рекламных агентств. Как известно, рекламные компании с их огромным штатом и с их — как это говорится? — ноу-хау способны осуществлять связь с общественностью, налаживать организацию производства, поддерживать корреспонденцию, обеспечивать информацию и ведать устройством деловых встреч. Если такому агентству под силу взять на себя поддержку президентов и политических партий, то почему б ему не оказывать поддержку королям? Только подумай, какова их квалификация! В области иностранных сношений их политика не зависит от равнодушного государственного чиновника, а основывается на принципах высшей взаимовыгоды в сделке с означенным лицом. И кто будет деликатнее и мудрее агентства, чьи доходы обусловлены его деликатностью и мудростью? Если бы возможно было заключить такой контракт, Пипин, ты бы мог вернуться к твоему телескопу. Рекламное агентство, взяло бы на себя всё и к тому же проследило, чтобы в прессу поступали только нужные сообщения. Послушай, оно бы занялось даже карьерой твоей любовницы!

— Все это звучит идеально, — проговорил Пипин.

— О, это еще не все, мой мальчик. Возьми такую простую вещь, как речь по телевидению. Нетрудно догадаться, что тебе как королю Франции придется выступить перед телезрителями.

— И что в таких случаях делает агентство?

— Скажем, президент должен произнести речь. Ничто не предоставляется на волю случая. Президента подготавливает специалист ораторского искусства, учит его произношению и эмоциональному накалу. Его тренируют, учат, как привлекать к себе внимание.

— Как это умеет Мерилин Монро?

— М-да, примерно. Но и это еще не все. Его затем гримируют мастера из Вестмор Бразерс, лучшие из лучших. И он не просто говорит речь. Нет, не тут-то было. У него есть режиссеры, сцена выступления поставлена, отрепетирована. Она доводится до великолепной кульминации. И это

правильно. Если бы человек просто говорил, он, может, и был бы искренен, но он не производил бы впечатления искренности. Естественно — ведь писал-то речь не он, понимаешь? Писали специалисты. Президент из-за обилия дел иной раз даже прочесть речь до репетиции не успевает. А что, если...

— Что?

— Есть у тебя собака?

— У Мари есть кошка.

— Хорошо, неважно, оставим. Во Франции, возможно, это не имеет такого значения.

— Как вы думаете, дядя Чарли, возьмется за эту работу какое-нибудь агентство? — с жадностью спросил Пипин, — Представит ли это для них интерес?

— Я наведу деликатные справки, дитя мое. Во всяком случае, вреда от моих расспросов не будет. Даже если для них это не слишком выгодно в денежном отношении, всякое почтенное агентство сочтет для себя престижным представлять короля Франции. Если не ошибаюсь, им это очень важно для популярности, а не для непосредственной выгоды. Я все узнаю, Пипин. Нам остается только надеяться.

— И я надеюсь изо всех сил, — проговорил король.

Весна в Париже стояла традиционно превосходная. Производство сплошь королевских и сплошь французских вещей вынудило фабрики работать и в ночную смену тоже. Эра добрых чувств и надежности послужила оправданием для понижения заработной платы.

Как и следовало ожидать, мадам отнеслась к перемене в своем положении реалистически и энергично принялась за работу. Для нее случившаяся перемена была равносильна переезду с одной квартиры на другую — разумеется, в более крупном масштабе, но проблемы в целом оставались те же. Мадам составляла списки дел. Ее раздражало, что муж недостаточно серьезно относится к своим обязанностям.

— Вы все время сидите, — упрекала она его, — хотя любому ясно — дел непочатый край.

— Да, я знаю, — отвечал Пипин знакомым ей тоном, который означал, что он не слушает.

— Просто сидите и читаете.

— Я знаю, дорогая.

— Что вы нашли такое важное, чтобы читать именно сейчас?

— Что вы сказали?

— Я сказала — что вы читаете?

— Историю.

— Историю? Именно сейчас?

— Я просматриваю хронику моего рода, а также кое-что по истории родов, которые правили после нас.

— Мне всегда казалось, — ядовитым тоном заметила мадам, — что французские короли, хотя и не блистали талантами, тем не менее жили припеваючи. Конечно, за некоторым исключением.

— Как раз исключения меня и интересуют, дорогая. Я размышляю о Людовике XVI. Он был добрый человек. Во всяком случае, его намерения и побуждения были добрыми.

— Может быть, он был просто глуп, — предположила Мари.

— Возможно, — согласился Пипин. — Но я понимаю его, хотя мы с ним происходим не из одного рода. В какой-то степени мы похожи. Я пытаюсь уяснить, в чем его ошибки. Я бы очень не хотел попасться в те же ловушки.

— Вы вот все грезите наяву, а уделите ли вы хоть одну минуту вашей дочери?

— А что она опять натворила? — осведомился Пипин.

Трудно отрицать, что Клотильда вела весьма необычное существование. Когда в пятнадцать лет она написала бестселлер «Прощай, жизнь», знакомства с ней домогались самые знаменитые и сложные умы нашего времени. Книга вызвала одобрение редуccionистов, ресурреccionистов, протонистов, нон-эксистенциалистов, квантистов, а сама сущность книги была такова, что сотни психоаналитиков жаждали покопаться в подсознании Клотильды. У нее был постоянный столик в кафе «Три блохи», где она устраивала приемы и свободно отвечала на вопросы относительно религии, философии, политики и эстетики. За этим же столиком она начала писать второй роман; закончить его она так и не закончила, но название уже придумала: «Le Printemps des Mortes»^[8].

Ее почитатели основали школу клотильдизма, которую осудило духовенство и которая привела к тому, что шестьдесят восемь подростков в экстазе покончили с собой, прыгнув с Триумфальной арки.

За ее занятиями политикой и религией последовал символический брак с белым быком из Булонского леса. Ее знаменитые дуэли, в результате которых она ранила трех пожилых академиков и сама получила укол шпагой в правую ягодицу, приобрели отрицательную огласку — и все это еще до того, как ей исполнилось двадцать. В статье, напечатанной в

журнале «Souffrance» ^[9], она писала, что карьера не оставила ей времени на детство.

Затем наступила фаза, когда все дни она стала проводить в кино, а вечерами до глубокой ночи обсуждала достоинства Грегори Пека, Таба Хантера, Марлона Брандо и Фрэнка Синатры. Мэрилин Монро она считала чересчур цветущей, Лоллобриджиду — коровой. Она побывала в Риме, где сыграла в трех версиях «Войны и мира» и в двух «Кво вадис?», но рецензии в газетах повергли ее в такое отчаяние, что титул принцессы подоспел как раз кстати. В этой сфере конкуренция была не такая жестокая.

Клотильда начала думать о себе во множественном числе, говорить «наш народ», «наше положение», «наш долг». За первым августейшим жестом, а именно включением фонтанов в Версале, последовала тщательная разработка дорогого ее сердцу проекта, отчасти имевшего некоторые параллели в истории. Она выделила недалеко от Версаля участок земли, который должен был именоваться Пти Голливуд. Там надлежало построить небольшие домики, загоны для скота, амбары. Там железные клейма не вынимались бы никогда из костров. Индейские лошади, дико выкатывая глаза, налетали бы на загородки. В Пти Голливуд навевались бы Рой Роджерс, Алан Ладд, Хут Гибсон, Гэри Купер — молчаливые и сильные. Они чувствовали бы себя там как дома. Клотильда в кожаной юбке и черной рубашке ходила бы между гостями и разносила самогон в маленьких стаканчиках. Если бы началась перестрелка (ну как избежать перестрелки там, где собираются необузданные немногословные мужчины?), то принцесса — тут как тут — останавливала бы кровь и облегчала своей августейшей рукой муки страдальца, молча сносящего терзающую его боль. Такова была суть лишь одного из замыслов Клотильды.

Именно в это время она стала брать к себе в постель старого игрушечного мишку. Именно в это время она безумно влюбилась в Тода Джонсона.

Клотильда встретила его в посольстве, куда пришла с юным Жоржем де Марин, иначе говоря, графом де Марин. Этот надутый семнадцатилетний юнец отлично знал, будучи членом одного с ней клуба поклонников Таба Хантера, что тот непременно появится в течение вечера в посольстве.

Тод Джонсон сидел рядом с Клотильдой на банкетке, обращенной к танцевальной площадке. Она заметила его — и дыхание ее участилось; некоторое время она наблюдала за ним — и сердце ее колотилось; наконец, под нитье скрипок она наклонилась к нему и спросила:

— Вы американец?

— Точно так.

— Тогда будьте осторожны. Вам все время будут наливать шампанское, пока вы их не остановите.

— Спасибо за совет, — ответил Тод, — уже наливали. А вы француженка?

— Конечно.

— Я думал, тут французы не бывают.

Жорж злобно пнул под столом Клотильду, лицо ее покраснело от боли.

— Надеюсь, вы не рассердитесь, — сказал Тод, — Я уж сам представляюсь — Тод Джонсон.

— Я знаю, в Америке так принято, — сказала Клотильда, — Я там была. Разрешите представить вам графа де Марин. Теперь, — обратилась она к Жоржу, — представь ты меня. У них так полагается.

Жорж с хитрым видом прищурил глаза.

— Мадемуазель Клотильда Эристаль, — монотонным голосом сказал он.

— Что-то вроде имя знакомое, — заметил Тод. — Вы, случайно, не актриса?

Клотильда опустила ресницы.

— Нет, мсье, разве что все люди актеры.

— Хорошо сказано, — одобрил Тод. — Вы здорово говорите по-английски.

— Говорит ли мсье по-французски? — опять произнес Жорж монотонным голосом, считая свой тон оскорбительным.

— На принстонском французском. Вопросы задавать могу, но ответов не понимаю. Но я учусь. Сейчас уже разбираю отдельные слова, не то что несколько недель назад.

— Вы долго пробудете в Париже?

— Определенных планов у меня нет. Разрешите, я закажу шампанского?

— Если вы их потом остановите. Не позволяйте себя надувать, как будто вы какой-то аргентинец.

Вот так это все началось.

Тод Джонсон был идеальный молодой американец — высокий, волосы ежиком, голубоглазый, хорошо одетый, с хорошим, по принятым стандартам, образованием. Отец его, Х. У. Джонсон, яичный король из Петалумы, Калифорния, был известным обладателем белых леггорнов, в

количестве тридцати миллионов двухсот штук. Еще более удачным можно считать то, что Х. У. выбился из бедняков и создал свое куриное королевство благодаря собственным усилиям.

Как вы сами убедитесь, Тод Джонсон, будучи очень богат, ничуть не страдал от своей родословной. После шестимесячного пребывания в Европе, имевшего целью встряхнуться, ему предстояло вернуться в родную Петалуму, начать куриное дело с самого низу и, в конце концов, поднявшись на самый верх, перенять его у отца.

Лишь после нескольких встреч с Клотильдой он поведал ей о своем отце и куриной империи. А Клотильда к тому моменту до такой степени горела и таяла от любви, что забыла познакомить его с их семейными событиями. Клотильда-романистка, суетная девица, коммунистка, принцесса, перестала существовать. В свои двадцать лет она втюрилась, как пятнадцатилетняя девчонка. Она только и делала, что вздыхала, в животе у нее не проходило неприятное ощущение тяжести, и она впала в такое безразличное, отсутствующее состояние, что мадам решила применить старое простонародное средство, которое, правда, уложило дочь в постель, но зато избавило от необходимости звать психиатра. Чтобы оправиться после этого жестокого средства, телу Клотильды с такой силой пришлось бороться за свое выздоровление, что душе предоставили справляться самой. И душа, как это бывает в таких случаях, справилась вполне успешно. Любовь осталась, зато Клотильда получила опять возможность нормально дышать.

В 19.. году все американские рекламные агентства оказались чудовищно загружены. ББД&О были по макушку заняты переписыванием Конституции Соединенных Штатов, а также поисками рынка сбыта для нового понтонного гольфмобиля. Райкер, Данлап, Ходжсон и партнеры взялись бы за французскую работу осенью, но сейчас никак не могли снять своих ведущих сотрудников с рекламы «нудент» — средства для выращивания зубов.

Товарищество Мерчисон занималось трансатлантическим нефтепроводом. В прессе он назывался ТАНП и представлял собой двадцатичетырехдюймовую магистраль, проходящую под океаном из Саудовской Аравии в Нью-Джерси. Каждые 50 миль на протяжении всего пути были отмечены нефтекачалками. Все бы ничего, если бы не постоянное вмешательство сенатора Бангера, демократа из Нью-Мехико, который то и дело приставал с вопросом — почему персонал и материалы армии и флота используются частной корпорацией? Товариществу

Мерчисон предстояло провести в Вашингтоне почти всю весну и лето.

Будь у любого из этих агентств развязаны руки, коронация французского короля прошла бы значительно глаже.

Кто мог бы описать всю драматичность, пышность и великолепие, а также, увы, неразбериху во время коронации в Реймсе 15 июля? Количество слов в газетных сообщениях достигало нескольких миллионов. Цветные фотографии заполняли первую страницу всех газет с тиражом свыше 20 тысяч.

На первой странице нью-йоркской «Дейли ньюс» красовался заголовок, составленный из букв четырехдюймовой высоты: «*Лягушатники коронуют Пипа*».

Все видные журналисты и комментаторы Америки присутствовали на коронации.

Конрад Хилтон воспользовался случаем и открыл в Версале отель «Хилтон».

Заранее были раскуплены биографии всех французских аристократов.

Луэлла Парсонс поместила на первой полосе вопрос: «Приедет ли Клотильда в Голливуд?».

Читателю стоило бы посмотреть старые выпуски газет с отчетами о великом дне в Реймсе и Париже: собор, набитый битком до самых дверей, выкрики билетных спекулянтов, прилавки с керамикой, миниатюрные сувенирные гильотины.

Сама коронация явила собой торжество беспорядка. В последнюю минуту выяснилось, что не позаботились о лошадях для королевского экипажа. Этот пробел восполнили скотобойни Парижа, хотя этот их жест оставил некоторые районы города на три дня без мяса. Мисс Франция в виде Жанны д'Арк стояла возле трона со знаменем в одной руке и обнаженным мечом в другой, пока наконец от жары и веса доспехов не потеряла сознания. С металлическим грохотом кухонной утвари она рухнула на пол во время королевской присяги. Ее проворно подняли шестеро служителей алтаря и прислонили к готической колонне, где она и стояла, всеми забытая, до позднего вечера.

Коммунисты чисто механически, по привычке, написали краской на стенах собора «Наполеон, гоу хоум», но к этому промаху по части истории и хороших манер все отнеслись добродушно.

Коронация закончилась к одиннадцати утра. После чего толпы зевак ринулись назад в Париж, чтобы поспеть к параду, который должен был двинуться от площади Согласия к Триумфальной арке. Процессия была назначена на два часа, но началась в пять.

Окна вдоль Елисейских полей были распроданы заранее. Места на краю тротуара шли по пять тысяч франков. Обладатели стремянок получили возможность продлить себе отпуск на целую неделю, а то и дольше.

Шествие было искусно организовано таким образом, что представляло и прошлое, и настоящее. Впереди двигались парадные экипажи пэров Франции, украшенные золотым листом и кувыркающимися ангелами; затем — батарея тяжелой артиллерии, которую везли тягачи; потом отряд арбалетчиков в камзолах с разрезами и в шляпах с перьями; затем полк драгун в блестящих кирасах; дальше тяжелые танки и бронетранспортеры, а за ними организация молодых аристократов в доспехах. Далее следовал батальон парашютистов, вооруженных автоматами и ведущих за собой королевских министров в парадных мундирах, а под конец шагал взвод мушкетеров в кружевах, штанах до колен, в шелковых чулках и башмаках на высоких каблуках и с большими пряжками. Мушкетеры шествовали величественно, используя мушкетные подпорки как посохи.

После всех проскрипела королевская карета. Пипин IV, похожий на узел пурпурного бархата и горноста, и королева, также в горностах сидящая рядом, любезно принимали приветствия лояльных зевак и с не меньшей учтивостью отвечали на свистки критиканов. Там, где улица Мариньи пересекает Елисейские поля, какой-то сумасшедший недоброжелатель выстрелил в короля из пистолета, используя при этом перископ, чтобы целиться поверх голов. Он убил королевскую лошадь. Один мушкетер из арьергарда тут же перерезал построшки и любезно впрягся вместо нее. Карета двинулась дальше.

За эту услугу мушкетер Рауль де Потуар потребовал от короля и получил пожизненную пенсию.

А процессия все шла и шла — оркестры, посланники, актеры, ветераны, крестьяне в простых деревенских нарядах из дейлона, лидеры партий и лояльных фракций...

Когда наконец королевская карета достигла Триумфальной арки, улицы вокруг площади Согласия были еще забиты желающими присоединиться к параду. Впрочем, все это нашло отражение в государственных архивах и не имеющих себе равных газетных репортажах.

В тот момент, когда королевская карета остановилась около Триумфальной арки, королева Мари повернула голову к королю — и обнаружила, что он исчез! Подобрал полы королевской мантии, он скрылся, незамеченным в толпе.

Ну и рассердилась же королева, увидев его позже на террасе, где он

сидел около телескопа и полировал окуляр.

— Хорошую же вы сыграли шутку! — воскликнула она, — В жизни не испытывала такой неловкости. Что теперь напишут в газетах? Вы станете посмешищем во всем мире. И что скажут англичане? Нет, я знаю. Они ничего не скажут, просто посмотрят на вас, и вы увидите по их глазам, что они вспоминают, как стояла и сидела их королева. Стояла и сидела тринадцать часов подряд и ни разу даже не вышла, чтобы... Пипин, перестанете вы наконец протирать ваше дурацкое стекло?

— Помолчите, — мягко сказал Пипин.

— Прошу прощения?.

— Я вас прощаю, дорогая, но помолчите.

— Что-то я не понимаю! — вскричала Мари. — Какое право вы имеете говорить мне «помолчите»? Кто вы такой, по-вашему?

— Король, — ответил Пипин. Мари это как-то не приходило в голову. — Забавно, продолжал он. — Я и в самом деле король.

И это была до такой степени правда, что пораженная Мари уставилась на него широко открытыми глазами.

— Да, сир, — проговорила она и умолкла.

— Не так-то легко начинать быть королем, — добавил он в виде извинения.

Король ходил взад-вперед по комнатке Шарля Мартеля.

— Вы не подходите к телефону, — упрекал он его. — Не обращаете внимания на пневматическую почту. Я вижу вон там, на бюсте Наполеона, три моих нераспечатанных письма, присланных с посыльным. Как вы это объясните, сударь?

— Не будь таким невыносимо величественным, — огрызнулся дядя Шарль, — Я не осмеливаюсь даже нос высунуть на улицу. Я не открывал ставни со дня коронации.

— На которой вы не присутствовали, — вставил король.

— Я не посмел там показаться. Я доведен до отчаяния. Потомки старой аристократии возомнили, будто я пользуюсь твоей особой благосклонностью. Я рад, что могу сказать правду — что я с тобой не вижу... Каждый день перед моей лавкой выстраивается очередь. За тобой сейчас кто-нибудь следовал?

— Следовал? Меня эскортировали! Меня уже неделю ни на минуту не оставляют одного. Они ловят момент, когда я просыпаюсь. Помогают мне одеваться. Торчат у меня в спальне. Входят ко мне в ванную. Когда я разбиваю яйцо, губы их напряженно сжимаются. Когда я подношу ложку ко

рту, глаза их неотступно следуют за ней. А вы, видите ли, доведены до отчаяния...

— Ты теперь их собственность, — объяснил дядя Шарль. — Ты, мой дорогой племянник, обязательное приложение к своему народу, он имеет неотъемлемое на тебя право.

— Не понимаю, как я позволил себя в это втянуть, — посетовал Пипин. — Я не хотел переезжать в Версаль. Но меня никто не спрашивал. Перевезли и все. Там сквозняки, дядя Чарли. Кровати ужасающие. Полы скрипят. Что вы там смешиваете?

— Мартини. Меня научил их делать юный друг Клотильды, американец. Первый глоток имеет отвратительный вкус, но постепенно он тебе покажется восхитительным. Отчасти он обладает гипнотическими свойствами морфия. Попробуй! Тут лед, пусть он тебя не пугает.

— Какой ужас, — сказал король и осушил стаканчик до дна, — Смешайте-ка мне еще. — Он облизал губы, — Я забыл, что у короля всегда гости, причем постоянно проживающие гости. У меня в Версале квартируют две сотни аристократов.

— Ну, места там на всех хватит.

— Места — да, но больше ничего. Они спят на полу в залах. Они разламывают мебель на дрова и топят камин, чтобы согреться.

— В августе месяце?

— Версаль не согреется, если даже его перевести в ад. Скажите, а что сюда входит? Джин — я могу разобрать, а что еще?

— Вермут. Капелька вермута. Как только вкус начнет казаться тебе восхитительным, значит, пить хватит. Попробуй вот этот. Ты нервничаешь, дитя мое.

— Нервничаю? Еще бы! Дядя Чарли, не сомневаюсь, что где-то во Франции есть платежеспособные аристократы, но только не среди моих гостей. Видно, слух прошел под мостами, под угольными тачками и за решетками подземки. Меня окружают люди, которых, не будь они такого знатного происхождения, называли бы бродягами. Но они бродяги высокородные. Они величественно прогуливаются по паркам. Прикладывают кружевные платочки к губам. Говорят прямо по Корнелю. Но они нечестные, дядя Чарли. Они воруют.

— Что значит — воруют?

— Дядюшка, ни один курятник в радиусе десяти миль, ни одну клетку с кроликами нельзя считать в безопасности, когда они поблизости. Фермеры приносят мне на них жалобы, а мои гости только улыбаются и отмахиваются кружевными платочками, которые стащили в Прентан. Мне

и там уже жаловались. Во всех универмагах Парижа созданы специальные наряды полиции для охраны прилавков от аристократов. Мне страшно, дядя Чарли. Говорят, крестьяне начали точить косы.

— Не исключено, что тебе придется изменить позицию короля, дорогой племянник. Придерживаться более твердой линии. Ты, конечно же, понимаешь: то, что для людей обыкновенных выглядит воровством, для родовитых — их древнее право. Уверен ли ты, что надо пить еще? Лицо у тебя немного разгорелось.

— Как вы это называете?

— Мартини.

— Итальянского происхождения?

— Нет. Пипин, я не хочу тебя выгонять, но считаю долгом предупредить: сейчас придет Клотильда со своим новым другом. Для удобства у меня имеется задняя дверь. Если хочешь уйти незамеченным...

— Что за друг?

— Американец. Может статься, его заинтересуют некоторые этюды.

— Дядя Чарли!

— Надо как-то жить, племянник. Никаких королевских доходов мне не назначено. Кстати, есть такие?

— Что-то не слыхал. Есть, правда, новый американский заем, но Тайный совет не выпускает его из рук. Знаете, Тайный совет очень напоминает мне недавнее республиканское правительство.

— Что же тут удивительного? Люди там те же. Задняя дверь выходит в переулок...

— Значит, вы собираетесь использовать свое положение, чтобы надуть американца? Дядя Чарли, благородно ли это?

— В сущности, да. Мы с ним все обдумали. Я ничего не утверждаю. Нравится картина — он покупает. Я только говорю: «Это вполне мог бы написать Буше». И действительно, мог. Чего только не бывает.

— Но вы же дядя короля! Обманывать простолюдина, да еще американского... это все равно что... все равно что стрелять в птиц, высиживающих птенцов. Англичане это не одобрили бы.

— Англичане выработали свои методы сочетать аристократизм с коммерцией. У них более богатый и более свежий опыт, чем у нас, но мы научимся. А пока... что плохого, если я попрактикуюсь на богатом американце?

— А он богат?

— То, что у американцев называется «денег куры не клюют». Кстати, его отец — яичный король в местечке Петалума.

— Ну, хотя бы вы не обираете простой народ.

— Ни в коем случае, дитя мое. В Америке простолюдином становишься, только если ты полностью неплатежеспособен.

— Дядя Чарли, если вы составите еще один... как вы его называете? Я, пожалуй, останусь и познакомлюсь с этим яичным принцем. И Клотильда серьезно относится к этой... дружбе?

— От всей души надеюсь, что серьезно. У отца, Х. У. Джонсона, двести тридцать миллиардов кур.

— Боже милостивый! — воскликнул Пипин, — Слава Богу, Клотильда не повторяет ошибки небезызвестной английской принцессы, которая отдала сердце простолюдину. Благодарю вас, дядя Чарли. Знаете, у вас начинает неплохо получаться. Последний намного вкуснее.

Тод Джонсон был не более знатного рода, чем первоначальный Карл Мартелл. В 1932 году бакалея Джонсона в Петалуме, штат Калифорния, получив толчок, сообщенный ей так называемой Великой депрессией, незаметно прекратила свое существование. В 1933-м Х. У. Джонсон, отец Тода, попал в федеральные списки по безработице и был назначен на дорожные работы.

Х. У. Джонсон не возлагал вину за свое разорение на президента Гувера, но никогда не простил президенту Рузвельту того, что тот кормил его.

Когда, за неимением рефрижераторов, организация помощи безработным раздала живых кур, мистер Джонсон, прежде чем съесть, продержал их некоторое время на заднем дворе. И его поразило, что такие безмозглые птицы сами нашли себе пропитание на поросшем сорняком клочке земли позади его дома.

Все два года, пока он работал в бригаде дорожных рабочих, Хэнк Джонсон размышлял о курах. Когда умерла его бабушка и оставила ему три тысячи долларов, он немедленно купил десять тысяч цыплят. Авантюра провалилась, большая часть первой партии цыплят околела от какой-то болезни, от которой у них высохли перья и почернели гребешки. Но Джонсон был не из тех, кто отчаивается. Заинтересовать его было трудно, но уж если он чем-то заинтересовался, сбить его было еще труднее. Он написал в департамент сельского хозяйства и попросил брошюру о курах. Из брошюры он почерпнул много сведений о том, как разводить кур. Не говоря уже о болезнях, прочел он там, куры остаются непозволительной роскошью, пока вы не заведете 50 000 штук. Тут вы уже можете покрыть свои расходы. Имея 100 000 кур, можете надеяться на небольшую прибыль.

После полумиллиона — можете рассчитывать достичь каких-то высот.

Не стоит вдаваться в организационные планы Джонсона. Они включали мелкие вложения, сделанные кое-кем из соседей и всеми без исключения родственниками, которых он уговорил вложить деньги в исходные 200 000 цыплят.

Когда полмиллиона птиц обеспечили прибыль, деньги были возвращены с благодарностью и небольшим вознаграждением. С тех пор Х. У. Джонсон крепко стоял на своих ногах.

Тоду исполнилось три года, когда в клетках начал гулять первый миллион. Х. У. к тому времени уже получил правительственную дотацию на корм и продавал яйца и цыплят на жарку для армии и флота.

Тод учился в петалумских частных школах. В старших классах он вступил в сельскохозяйственный клуб и узнал там довольно много о курах: их поведении, болезнях, привычках. А также успел проникнуться отвращением к их глупости, мерзкому запаху и нечистоплотности.

К тому времени, как он закончил школу, для него и вообще отпала необходимость интересоваться птицами, на которых зиждилось богатство семьи. Фирма Х. У. Джонсон превратилась уже в фабрику. Куриные тушки и миллионы яиц непрерывно сходили с конвейера. До контор Джонсона не долетал куриный запах, да и самих кур там уже никто не видел. Поместье Джонсонов располагалось на прелестном холме чуть подальше загородного клуба. Энергию свою и способности старший Джонсон больше применял к цифрам, чем собственно к белым леггорнам. Единицей теперь стала уже не одна кура, а 50 000 кур. Компания превратилась в корпорацию, где держателями акций были Х. У. Джонсон, миссис Х. У. Джонсон, Тод Джонсон и юная мисс Хейзи Джонсон, красивая девушка, которая уже трижды завоевывала титул яичной королевы на петалумском птицеводческом карнавале.

Теперь семье по американским правилам пришло время вырасти в династию.

Когда Тод поступал в Принстон, акции были обеспечены сотней миллионов кур. Не следует, однако, думать, что акции отражали только куриное поголовье. Корпорация продавала также корма, проволоку, брудеры, инкубаторы, холодильные установки и вообще все оборудование, которое мелкому предпринимателю необходимо приобрести, прежде чем начать путь к банкротству.

Х. У. Джонсон нес свой титул яичного короля, можно сказать, с изяществом, хотя и был настоящим воротилой. Он откупил свою старую бакалейную лавку и основал в ней музей. Единственной его агрессивной

чертой была ненависть к демократической партии, для чего он имел свои основания. В остальном он был человек отзывчивый, щедрый, с широким кругозором. На лужайке перед домом у него бродили павлины, а также имелся искусственный пруд с белыми утками.

Тод тем временем успел поучиться понемногу в четырех университетах: в Принстоне — ради умения одеваться; в Гарварде — для приобретения акцента; в Йейле — для выработки убеждений и в университете Виргинии — для хороших манер. Он вышел оттуда подготовленным к жизни во всем, кроме искусства и заграничных путешествий. Знание первого он приобрел в Нью-Йорке, где развился его вкус к модерну в джазе, а поездка по Европе во время реставрации французской монархии довершала его образование.

Его дружба с Клотильдой росла с быстротой шампиньонов в подвалах Парижа; цвела, как цветут герани в цветочных ящиках при уличных кафе. Клотильда заботливо растила хрупкое растение, не позволяя ему отклоняться дальше гостиницы «Фуке», с одной стороны, и отеля «Георг Пятый» — с другой, ибо в этом районе сугубо американский облик Тода проходил незамеченным. Не хотелось также принцессе испытывать неловкость, какая возникла бы при встречах с французами. Роман пошел крещендо за обедом в «Селекте», когда Тод, пригнувшись над столиком и с трудом оторвав взгляд от ее бюста, хрипло сказал:

— И лакомый же ты кусочек, беби, честное слово, лакомый.

Клотильда поняла, что это объяснение в любви. Позднее, разглядывая свою упитанную фигуру в высоком зеркале, она простонала:

— Да уж, кусочек, ничего не скажешь.

Она представила своего нового друга дяде Шарлю как возможного мужа, а Шарль отнесся к нему как к возможному покупателю.

— Может быть, вас заинтересует партия картин, о которых мне только что рассказали. Они как раз выплыли на свет, их прятали во время оккупации.

— Дядя... пожалуйста! — вмешалась Клотильда.

— Я не больно разбираюсь в живописи, сэр, — отозвался Тод.

— Ничего, научитесь, — возразил повеселевший Шарль Мартель. А позже, позвонив в парижское отделение Чейз Банка, он сказал Клотильде:

— Мне твой молодой человек нравится. В нем что-то есть. Приводи его еще.

— Обещайте, что не будете продавать ему картины! — взмолилась принцесса.

— Дорогая моя, — ответил Шарль внучатой племяннице, — я

деликатно навел кое-какие справки. Неужели надо лишать твоего молодого человека красоты и искусства только потому, что он богат? Попробуй представить себе, сколько это — двести тридцать миллионов кур. Если взять за приблизительную длину куры двадцать сантиметров, то они составят... дай прикинуть... сорок шесть миллионов метров, что равняется сорока шести тысячам километров. Стало быть, куриная цепочка может обогнуть земной шар по экватору. Представляешь?

— А зачем им надо огибать земной шар? — спросила Клотильда.

— Прошу прощения? — переспросил Шарль, — А, ну да. Будь добра, попроси твоего друга показать еще разок, как смешивать мартини. Я еще не постиг всей премудрости.

Клотильда удивилась, застав в задней комнатке галереи своего отца, но сказала:

— Сир, разрешите представить вам мистера Тода Джонсона. Мистер Тод Джонсон, это мой отец, — она зарделась, — король.

— Рад с вами познакомиться, мистер Король, — отозвался Тод.

— Не мистер, *просто* король, — деликатно поправил дядя Шарль.

— Как это? — не понял Тод.

— Il n'est pas Monsieur King. И est Le Roi.^[10]

— Нет, кроме шуток?! — воскликнул Тод.

— Он очень демократичен, — пояснил дядя Шарль.

— Я голосовал за демократический список, — объяснил Тод. — Мой старикан, в смысле отец, убил бы меня, если б знал. Сам он человек Тафта.

Тут впервые подал голос Пипин:

— Поправьте меня, если я не прав. Мне кажется, я слышал, что мсье Тафт умер?

— Для отца это дела не меняет. Погодите, дайте разобраться. Какой именно король?

— Не понимаю, — сказал Пипин.

— Ну, в том смысле, что... ну, вот моего отца называют яичный король, Бенни Гудмен — король свинга, ну, и прочее.

— Вы знакомы с Бенни Гудменом? — восхитился Пипин.

— Вообще-то нет, но сидел так близко от его кларнета, что мне прямо ухо сплющило.

— Какое счастье, — сказал король. — У меня есть запись его концерта в Карнеги-холл.

— Вообще-то, я любитель авангардистского джаза, — добавил Тод.

— И в каком-то смысле вы правы, — одобрил Пипин. — Это

направление — добротное, творческое, но согласитесь, мсье принц, ведь Гудмен классик, во всяком случае, когда ему удастся попасть в струю.

— Послушайте, — заметил Тод, — вы здорово говорите для...

Пипин хихикнул.

— Вы хотели сказать «для короля» или «для лягушатника»?

— Да, а как насчет короля? — вспомнил Тод. — Вы не морочите мне голову, сэр?

— Нет, я действительно король Франции. Но не я выбирал себе эту профессию.

— Король! Как бы не так!

— А вот так!

Где вы научились такому английскому, сэр?

— Я несколько лет подряд подписывался на «Даунбит», знаете такой журнал, который пишет о современном джазе.

— Тогда понятно, — Тод обернулся к Клотильде. — Беби, он мне жутко нравится. Он у тебя молоток.

Дядя Шарль откашлялся.

— Не желает ли мсье Тод посмотреть картины, о которых я говорил? Их, очевидно, прятали во время французской оккупации. Две из них приписывают кисти Буше.

— Что значит — приписывают? — осведомился Тод. — Они разве не подписаны?

— В том-то и дело, что нет. Но есть множество примет — краски, техника мазка...

— Я выскажусь откровенно, — сказал Тод. — Я думал купить подарок отцу. Понимаете, мне охота подольше не браться за фамильный бизнес. А для этого придется попросить у отца денег. Вот я и подумал, а может быть, хороший подарок умаслит его немного. Провести мне его не удастся, он сразу смекнет, к чему я клоню. Но, может, и не будет брыкаться. Он не против, если его дурачат, только он должен знать об этом.

— Эти картины... — начал дядя Шарль.

— Вы сказали — Буше. Я его припоминаю из курса «Введение в искусствоведение». Предположим, я куплю Буше без подписи. Знаете, что будет? Отец пригласит эксперта, он шагу без них не ступит. И, предположим, этот Буше — подделка. Понимаете, в каком я окажусь положении? Как будто я сознательно хотел облапошить родного отца.

— А подпись спасла бы положение?

— Возможно. Но не наверняка. Отец у меня не пентюх.

— Тогда лучше посмотреть что-нибудь другое, — предложил дядя

Шарль. — Я знаю, где достать очень славного Матисса с подписью. Есть еще «Женская головка» Руо, просто великолепная. А может быть, вам хочется посмотреть несметное количество картин Паскена? Он скоро будет в большой цене.

— Мне хочется посмотреть всё, — ответил Тод. — Кролик говорит, у вас что-то не ладится с мартини?

— Да, вкус не совсем тот, что у вас.

— А вы достаточно кладете льда? Маккриндлер говорил мне, что хороший мартини только холодный. Давайте я вам смешаю порцию. Вы тоже выпьете, сэр?

— Спасибо. Мне бы хотелось поговорить с вами о вашем отце, короле.

— Яичном короле.

— Ну да. Давно он этим занимается?

— Со времен депрессии. Тогда он дошел до черты падения, а потом пошел в гору. Это было еще до моего рождения.

— Значит, он создавал свое королевство постепенно, в процессе жизни?

— Можно и так сказать, сэр. В его деле равных ему нет.

— И все это во владении вашего отца?

— Нет, владеет этим корпорация, но это примерно одно и то же, если контрольный пакет принадлежит вам.

— Мой юный друг, я надеюсь, вы навестите меня, и как можно скорее. Мне не терпится обсудить с вами королевские дела.

— Где вы живете, сэр? Кролик мне ни за что не хотела сказать. Я уж решил, что она стыдится.

— Не исключаю. Я живу в Версальском дворце.

— Вот так номер! — воскликнул Тод. — То-то будет скандал, когда мой старик узнает!

Будто знаменуя возвращение короля на трон, во Франции воцарилось благодатное лето — теплое, но не жаркое, прохладное, но не холодное.

Летние ливни дождались, пока цветки винограда обмениваются пылью и дадут плотные гроздья, а тогда уже нежная влага поторопила рост. Земля даровала сладость, а теплый воздух — благородство вкуса. Еще не созрела ни одна виноградина, а все почувствовали, что, если природа не устроит какой-нибудь каверзы, год обещает быть урожайным, из тех, каких не упомнят старики с той поры, как они были молодыми.

И пшеничные колосья тоже были полные и желтые. Масло приобрело неземную нежность благодаря особенно сочной траве. Трюфеля теснились

под землей. Гуси до отвала набивали себе зоб, печенка у них чуть не лопалась. Фермеры, как водится, жаловались, но даже жалобы их носили жизнерадостный оттенок.

Из-за океана повалили туристы, и все как один богатые и благодарные за услуги, и — хотите верьте, хотите нет — даже носильщики заулыбались. На лицах водителей такси заиграла добродушная улыбка, и слышали, как кто-то из них проронил, что, мол, всеобщего краха в этом году, может, еще и не произойдет, хотя повторить это заявление не пожелал.

А как обстояло дело с политическими группировками, нынче прочно обосновавшимися в Тайном совете? Даже для них наступила эра дружелюбия. Христианские христиане видели церкви полными. Христианские атеисты видели их пустыми.

Социалисты радостно писали собственную конституцию для Франции.

Коммунисты были заняты по горло, объясняя друг другу про изменение линии партии, явно приближавшее народовластие, — тонкое обстоятельство, которое следовало еще истолковать и использовать. Коллективное руководство в Кремле не просто поздравило французскую корону, но и предложило громадный заем.

Алексей Крупов, пишущий в «Правде», доказал как дважды два, что Ленин, вне всякого сомнения, предвидел такую акцию со стороны французов и одобрил ее как шаг на пути к конечной социализации.

Объяснение это обязало французских коммунистов не только терпеть монархию, но и поддерживать ее.

Лига налогоплательщиков погрузилась в состояние блаженства, поскольку американский и русский займы позволили ей совсем не платить налоги. Немногочисленные пессимисты предрекали, что еще придет день расплаты, но над ними издевались, называя мрачными пророками, и выставляли на осмеяние в карикатурах почти во всей французской прессе.

Ротари-клуб, объединяющий бизнесменов, разросся до таких размеров, что приобрел силу и влияние целой партии.

Домовладельцы выдвинули свой проект получения правительственной субсидии и решили поднять квартирную плату до максимального уровня.

Правые и левые центристы до такой степени уверовали в будущее, что без обиняков предложили повышение цен с одновременным понижением заработной платы. И что же? Никаких бунтов не последовало, так что большинство убедилось, что у коммунистов и в самом деле вырваны ядовитые зубы.

Такому стабильному правительству Америка с радостью предоставляла все новые и новые займы. Изобильный поток американских

денег заодно укрепил роялистские партии в Португалии, Испании и Италии.

Англия сурово наблюдала.

В Версале аристократы беззаботно пререкались из-за списка наград, в котором стояло четыре тысячи имен, а в это время секретный комитет составлял план передачи земель Франции ее старинным и законным владельцам.

Как заметила Мари, речь все время шла исключительно о короле. Король то, король сё. И никто не узнает, каково пришлось королеве. Мари сбивалась с ног. Но разве может это понять мужчина? У Мари, конечно, были фрейлины, но попробуй попроси фрейлину что-нибудь сделать и посмотришь, что получится. И слуг, как выяснилось, не хватало, а которые были, так те считались государственными служащими; они принимались спорить по каждому поводу, вместо того чтобы взять в руки пыльную тряпку, а потом еще жаловались тайному советнику, через которого получили назначение.

Вообразите себе на один миг эту гигантскую мусорную корзину — Версаль. Разве под силу человеку поддерживать в нем чистоту? Залы, лестницы, люстры, углы, стенные панели — все всасывало пыль. В самом замке не было даже порядочного водопровода, хотя к фонтанам и прудам с рыбками были проложены миллионы труб.

Кухни отстояли на мили от жилых комнат, и попробуйте заставьте современную прислугу отнести накрытый салфеткой поднос из кухни в королевские покои. Не мог же король принимать пищу в парадной столовой, туда сразу набежало бы обедать две сотни гостей, а королевская семья и так еле сводила концы с концами. Занимаясь дележом королевских денег, никто ни разу не подумал о королеве. Она с утра до вечера бегала бегом, но домашние дела по-прежнему ее обгоняли. Всеобщая расточительность сама по себе уже могла свести с ума добропорядочную француженку.

А чего стоили проживающие во дворце аристократы... Их поклоны, шарканье ножкой, величественные манеры вызывали у Мари тошноту. Они вечно спрашивали ее мнения, но никогда не выслушивали его, в особенности, когда она просила их (и заметьте, вежливо просила) погасить свет, выходя из комнаты, не разбрасывать грязную одежду, вымыть после себя ванну. Но это еще не главное. Они игнорировали ее вежливые просьбы не ломать мебель на дрова для топки каминов или не опорожнять ночные горшки прямо на клумбы. Мари просто представить себе не могла, как эти люди ведут себя, когда они дома.

А что думал по этому поводу король? Что думал! Король витал в облаках еще пуще, чем когда изображал из себя астронома.

От Клотильды помощи ждать не приходилось. Клотильда была влюблена, и не так, как должны влюбляться благовоспитанные французские девушки, а на щенячий лад, как какая-нибудь американка, учащаяся в Сорбонне. И она стала такая величественная, забывала стелить постель, забывала стирать свои трусики и лифчики.

И самое худшее, что Мари не с кем было поболтать, некому пожаловаться, не с кем посплетничать.

Известно, что каждой женщине время от времени требуется общество другой женщины в качестве отдушины, клапана, чтобы снимать излишнее напряжение. Женщине недоступны мужские способы выпуска пара — скажем, убийство мелких и крупных животных, зрительское соучастие в избиении на ринге. Бегство в тайное царство абстракций ей заказано. Церковь и исповедник в какой-то мере снимают напряжение, но иногда этого все-таки недостаточно.

Мари нуждалась в женской исповедальне. Ее здравый смысл восставал против фрейлин и несносного аристократического корпуса. Как королева она опасалась своих приятельниц из прежней жизни на Мариньи, которые непременно попытались бы использовать свое мнимое влияние в интересах мужей.

Королева Мари мысленно перебрала подруг — и остановилась на своей старой школьной подруге Сюзанн Леско.

Сестра Гиацинта была идеальной компаньонкой для королевы. Ее орден в виде исключения отпустил ее из монастыря и разрешил переселиться во дворец. Во-первых, это сулило монастырю некоторые выгоды, а во-вторых, приятно сознавать, что их дражайшая королева находится в хороших руках. Сестру Гиацинту перевезли в Версаль и отвели ей в качестве кельи славную комнатку, выходящую окнами на самшитовую изгородь и пруд с карпами, — всего в нескольких шагах от королевских покоев.

Никто никогда точно не узнает, в какой степени сестра Гиацинта способствовала миру и спокойствию во Франции. Вот пример.

Королева крепко закрыла за собой дверь, уперла руки в бока и задышала, так плотно прижимая ноздри, что они побелели.

— Сюзанн, я не потерплю здесь этой грязнули, герцогини П. ни одной минуты... Невыносимая, наглая потаскуха. Знаешь, что она мне сказала?

— Тише, Мари, — сказала сестра Гиацинта, — тише, дорогая.

— Что значит — тише? Я не желаю терпеть...

— Конечно, нет, дорогая. Протяни мне сигарету, будь добра.

— Как мне поступить? — вскричала королева.

Сестра Гиацинта защемила сигарету шпилькой, чтобы не пачкать табаком пальцы, и выпустила дым, вытянув губы трубочкой, как будто собиралась свистнуть.

— А ты спроси герцогиню, что слышно про Гоги.

— Про кого?

— Про Гоги, — повторила сестра Гиацинта. — Выл такой канатоходец, очень красивый, но вспыльчивый. Многие артисты бывают вспыльчивыми.

— Ха! — сказала Мари. — Понятно. И спрошу! Тогда посмотрим, какое выражение будет на ее исполосованной физиономии. Она, видно, делала пластическую операцию?

— Ты имеешь в виду шрамы? Нет, пластическая операция ни при чем. Я же говорю, Гоги был очень вспыльчивый.

Мари двинулась к двери, глаза ее сияли. Обшаривая взглядом длинные коридоры, она бормотала себе под нос: «Милейшая герцогиня, что последнее время слышно про Гоги?»

А вот другой случай:

— Сюзанн, король продолжает упрямяться и не желает слышать о любовнице. Мне это надоело. Тайный совет обратился ко мне за помощью. Не могла бы ты поговорить с королем?

— У меня есть на примете как раз то, что надо, — ответила сестра Гиацинта, — Внучатая племянница нашей настоятельницы. Тихая, воспитанная, немного приземиста, но, Мари, как она вышивает! Она бы тебе очень пригодилась.

— Он не захочет на нее и смотреть. Даже обсуждать не пожелает.

— Видеть ее ему не обязательно. Даже лучше, чтобы он ее не видел.

Или вот еще:

— Прямо не знаю, что делать с Клотильдой. Она стала такой неряшливой, апатичной. Всюду разбрасывает одежду, так эгоистична, невнимательна.

— У нас в монастыре тоже возникают такие проблемы, милочка, особенно с молодыми девушками, они смешивают другие влечения с религиозными.

— И как ты поступаешь?

— Подхожу и спокойно защемляю ей пальцами нос.

— И что это дает?

— Я овладеваю ее вниманием.

Королеве не пришлось раскаиваться в том, что она пригласила во дворец подругу. А капризные аристократы начали нервничать — они почувствовали присутствие какой-то силы, какого-то неумолимого влияния, которое невозможно игнорировать и от которого не отделаешься насмешкой.

Мари прислала сестре Гиацинте подарок на день рождения — лучшего парижского массажиста для ежедневного массажа ног. Она заказала также высокую ширму с двумя дырками внизу, чтобы Сюзанн просовывала туда ноги до щиколоток.

— Прямо не знаю, что бы я без нее делала, — как-то заметила вслух королева.

— Что вы сказали? — переспросил король.

Став королем, Пипин долго не мог прийти в себя от потрясения. Он твердил в изумлении и ужасе: «Я — король и даже не знаю, что требуется от короля». Он погрузился в чтение истории своих предков. «Но они-то хотели быть королями, — говорил он себе. — По крайней мере, большинство из них. А некоторым и этого было мало. Я попался. Если бы я хоть мог проникнуться идеей миссии, божественности замысла...»

Он опять отправился к дяде.

— Прав ли я, предполагая, что вы предпочли бы не состоять со мной в родстве? — спросил он.

— Ты воспринимаешь все слишком серьезно, — ответил дядя Шарль.

— Легко говорить.

— Да, я знаю. Прости, что я так сказал. Я — твой верный подданный.

— Ну, а случись восстание?

— Что тебе важнее — правда или верность?

— Не знаю, скорее всего и то, и другое.

— Не буду скрывать от тебя. То, что я твой дядя, необычайно благотворно повлияло на мои дела. Клиенты так и идут, особенно туристы.

— Стало быть, ваша лояльность сопряжена с доходом. Утратили бы вы вашу лояльность, если бы понесли ущерб?

Дядя Шарль зашел за ширму и вынес бутылку коньяку.

С водой? — спросил он.

— Насколько коньяк хороший?

— Я предлагаю с водой... Так вот. Ты хочешь выворачивать камни и думаешь найти там что-то полезное. На добродетель можно рассчитывать вплоть до того момента, когда дойдет до дела. Я надеюсь, что мне удастся остаться с тобой до самой смерти. Но я надеюсь также, что у меня хватит здравого смысла присоединиться к оппозиции за несколько мгновений до

того, как всем станет ясно, что она победит.

— Вы очень откровенны, дядюшка.

— Не расскажешь ли, что тебя на самом деле тревожит?

Пипин глотнул коньяку, разбавленного водой, и неуверенно проговорил:

— Функция короля — править. Чтобы править, надо иметь власть. Чтобы иметь власть, надо ее взять...

— Продолжай, дитя мое.

— Люди, которые навязали мне корону, не имели намерения отдать мне что бы то ни было.

— О, ты, я вижу, кое-чему уже научился. И становишься циником, если пользоваться языком тех, кто боится реальности. Ты почувствовал, что ты колесо, которое не крутится, ты растение, которое не дает цветов.

— Что-то в этом духе. Король без власти — это нонсенс. Король, обладающий властью, — это мерзость.

— Извини, — прервал его дядя Шарль, — Сыр привлек мышей.

Он вышел в лавку.

— Что вам угодно? — услышал Пипин, — Да, она очаровательна. Если бы я сказал, кто ее автор, как я подозреваю... Но нет. Я обязан сказать, что не знаю. Обратите внимание на мазок, на парящую композицию. А сюжет... костюм... Что? Что вот это такое? Так, привезено с кучей рухляди из подвалов одного замка. Я не подвергал ее экспертизе. Конечно, вы можете ее купить, но будет ли это благоразумно? Мне пришлось бы запросить с вас двести тысяч франков, потому что промывка и экспертиза обойдутся мне как раз в эту сумму. Подумайте еще! Вот, например, Руо, тут нет никаких сомнений... — Последовали тихие переговоры, затем опять громкий голос дяди Шарля. — Дайте я смахну пыль. Я вам говорю, я сам еще ее не рассматривал.

Через короткое время дядя вернулся, потирая руки.

— Мне стыдно за вас, — сказал король.

Шарль Мартель подошел к груде пыльных необрамленных полотен, лежавших в углу.

— Надо заменить, — сказал он. — Я изо всех сил стараюсь их расхолодить. Быть может, меня больше мучили бы угрызения совести, если бы я не знал совершенно точно — они воображают, что обманывают меня. — Он унес пыльное полотно в лавку.

— А-а, Клотильда, входи, — послышался его голос. — Твой отец здесь. Тут Клотильда и яичный принц! — крикнул он Пипину.

Все трое прошли за красную бархатную драпировку, заменявшую

дверь, и в воздухе повисло легкое облачко пыли.

— Добрый вечер, сэр, — поздоровался Тод, — Он меня обучает ремеслу. Мы собираемся открыть галереи в Далласе и Цинциннати, и еще одну в Беверли Хиллз.

— Какой позор! — не выдержал король.

— Я пытаюсь их отговаривать, но они так просят... — начал было дядя Шарль.

— Очень ловко придумано, — перебил король, — А кто их хитроумно подстрекает к этому?

— Мне кажется, вы не совсем правы, — вмешался Тод, — Первая заповедь торговли — создать спрос, вторая — его удовлетворить. Представьте себе, какого количества предметов не появилось бы на свет, если бы людям не намекнули, что они в них нуждаются. Сколько лекарств, косметики, дезодорантов... Можете ли вы заявить во всеуслышание, сэр, что машина — вещь неэкономичная, излишняя, что она обязывает своих владельцев пользоваться ею, даже когда им это не нужно? Нет, сказать это людям, которые все равно хотят ее иметь, вы не можете. Хотя они не хуже вас все про это знают.

— Но где-то надо все-таки провести границу, — возразил Пипин. — А рассказывал вам мой прекрасный дядюшка, почему украли Мону Лизу?

— Постой, постой, дорогой племянник!

Однако Пипин продолжал:

— Обычно он начинает так: «Не стану упоминать имен, но я слышал...» Слышал, видите ли!

— Мне эта кража всегда казалась бессмыслицей, — заметил Тод, — Ведь Мону Лизу украли из Лувра. Так? А спустя год вернули назад. Они что же, вернули подделку?

— Нет, нет, — запротестовал король, — В Лувре подлинник.

Клотильда надула губы.

— Обязательно говорить о делах?

— Погоди, Кролик, мне интересно.

— Продолжайте, дядюшка, — произнес король, — это ваша история. И ваше...

— Не могу сказать, что я это одобрял, — перебил Шарль Мартель, — но никто из честных людей не пострадал.

— Ну так расскажите ему поскорей, и покончим с этим, — вставила Клотильда.

— Не стану упоминать имен, но я слышал, что пока Мона Лиза... хм, отсутствовала, восемь Мон Лиз было куплено очень богатыми людьми.

— Где?

— Ну, где водятся очень богатые люди? В Бразилии, Аргентине, Техасе, Нью-Йорке, Голливуде...

— А почему вернули оригинал?

— Понимаете, коль скоро картину вернули, вора... э-э-э, перестали искать...

— Ага! — проговорил Тод, — А как насчет тех, кто купил подделки?

— Когда вы покупаете украденный шедевр, — ответил дядя Шарль с благочестивым видом, — вы совершаете преступление. И хотя сокровище приходится прятать, покупатели все-таки находятся. Если уже после того, как покупка состоялась, они обнаружат, что сокровище всего лишь, скажем, копия, они едва ли станут предавать это огласке. Говорят, некоторые богачи в таких случаях предпочитают сознательный обман. Я и сам не сомневаюсь, что не найдется ни одного человека, кто бы добровольно признался, что его оставили в дураках.

Тод засмеялся.

— Тогда как, если быть честным...

— Именно, — подтвердил дядя Шарль.

— Почему же тогда король против?

— Он очень чувствителен.

Тод перевел взгляд на короля.

Пипин медленно проговорил:

— Я думаю, что все люди остаются честными, пока дело не коснется корысти. — Я думаю, многие становятся уязвимы, как только у них появляется корыстный интерес. Я верю, что есть люди, которые остаются честными, несмотря на корыстный интерес. И мне кажется предосудительным выискивать у людей слабые места и играть на них.

— Не будет ли у вас сложностей на посту короля? — осведомился Тод.

— Уже есть, — мрачно ответила Клотильда. — Он не только хочет сам быть выше всего, выше всех человеческих слабостей, но и от семьи того же требует. Он хочет, чтобы все были хорошими, а людям вовсе не свойственно быть хорошими...

— Сейчас же замолчите, мисс, — остановил ее Пипин. — Я не желаю этого слышать. Да, люди по природе хорошие — до тех пор, пока им это удастся. Каждому человеку хочется быть хорошим. Поэтому-то меня и возмущает, когда им мешают или отнимают такую возможность.

— Перед тем как они пришли, — мстительно сказал дядя Шарль, — ты рассуждал о власти. Ты утверждал, если не ошибаюсь, что король без власти — пшик. А если так, дорогой племянник, то что ты думаешь о

тезисе, что власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно?

— Развращает не власть, — возразил король, — а страх. Видимо, страх потерять власть.

— Но не рождает ли власть в подданных импульс, который неизбежно пробуждает страх в обладателе власти? Может ли власть обойтись без неизбежного страха, который приводит к развращению? Может ли существовать власть без страха?

— О, Господи, — сказал Пипин, — если бы я знал!

— Если ты возьмешь власть в свои руки, — не отставал дядя Шарль, — не думаешь ли ты, что те же люди, которые сделали тебя королем, восстанут против тебя?

Король вскинул руки.

— И вы еще советуете мне расслабиться! Для вас все это — отвлеченные идеи. А для меня... Я их поглощаю с пищей, одеваюсь в них, вдыхаю и вижу во сне. Дядя Чарли, для меня это не интеллектуальные упражнения, а сплошная мука.

— Бедное дитя! Я не хотел тебя мучить. погоди, сейчас я принесу еще одну бутылку. На сей раз разбавлять водой не будем.

Тод наблюдал за королем: с каждым глотком румянец на его щеках становился ярче, напряжение спадало. Перестали дрожать руки и губы. Тело расслабилось, и он предался объятиям бархатных кресел.

— Благодарю, — сказал он дяде Шарлю, — Коньяк изысканный.

— Еще бы. Он ждал своего часа со времен Гентского соглашения. Не желаешь ли еще? Заметь, я не предлагаю его этим невеждам.

Тод Джонсон взял руку Клотильды, лежащую у нее на коленях, и зажал в своих ладонях.

— Меня берут сомнения, — начал он смущенно. — Вы знаете, мы с вашей дочерью встречаемся. Она мне нравится. При обычных обстоятельствах я бы на всё... В смысле, поступил бы как хочу. Но... понимаете, сэр, вы мне тоже нравитесь, вот я и... ну, в общем, я хочу сперва спросить у вас...

Пипин улыбнулся.

— Благодарю вас. По-моему, жестоко, что король никому не должен нравиться и королю не позволено, чтобы ему кто-то нравился. Вас мучают сомнения оттого, что Клотильда — дочь короля, так я понимаю?

— Да, так. Сами знаете, какая в Англии поднялась заваруха из-за такой же истории. Я не хочу ей причинять неприятности... но и себе не хочу.

— Ты что же, Тодди, — разгневанно вмешалась Клотильда, — собираешься припустить тягу?

— Я не совсем понял, — заметил Пипин. — О какой тяге речь?

Тод засмеялся.

— Она проходит курс по Берлицу, изучает американский сленг. Видно, ее преподаватели сами что-то напутали. Она хочет сказать — не собираюсь ли я сматывать удочки?

— Распроститься, — добавил в виде пояснения дядя Шарль.

— Ну и как? Собираетесь? — дружелюбно спросил король.

— Сам еще не знаю. Вот я и хочу вас кое о чем спросить. Я тут немножко почитал. Французские короли всегда ведь соблюдали Салический закон, верно? А по Салическому закону женщины не наследуют трон. Верно? В таком случае для государства не очень-то важно, за кого выйдет особа королевской крови. Так или нет?

Пипин одобрительно кивнул.

— Прочли вы правильно. Все верно. Но в одном пункте вы ошибаетесь. Хотя к Салическому закону это не имеет отношения. Женщин из знатных домов всегда использовали в качестве своего рода магнита для других знатных домов, вместе с их землями, имуществом и титулами.

— Вроде катализатора для слияния корпораций, — вставил Тод.

— Салический закон вовсе не закон, — вмешался дядя Шарль. — Это просто обычай, принесенный германцами. Забудьте о нем.

— Дядюшка, если верить вашему толкованию, наши предки тоже были германцы — Эристаль, Арнульф. — Пипин обернулся к Тоду, — Мой юный друг, я не знаю, каково будет решение о престолонаследии. Клотильда — мой единственный ребенок. Я не собираюсь разводиться с женой ради наследника, а жена моя уже... Ну, вы понимаете. Вполне вероятно, что под нажимом общественности Клотильде придется стать нерестилищем королей. Обычай, в особенности бессмысленный обычай, как правило, сильнее закона. Не согласитесь ли вы повременить с... тягой, пока мы не решили этот вопрос? Кстати, о какой тяге речь — печной или механической?

— Будь я проклят, если я знаю, — ответил Тод, — Единственные люди, которых интересует значение сленговых слов, как раз те, которые сами их не употребляют. Вы хотите сказать, сэр, чтобы я тут еще немного пошивался?

— Совершенно верно. Видите ли, вторая функция привлекательных родовитых дам состояла в том, чтобы приносить деньги в семью.

— Если это вы про Петалуму, сэр, то забудьте. Насколько я знаю моего отца, он свяжет деньги и отдаст попечительскому совету.

— Неважно, — вмешался дядя Шарль, — его репутация все равно

делает из вас довольно завидного искателя руки принцессы. Больше всего на свете французы не любят оставаться в дураках. А брак с богатым человеком — независимо от изъянов этого брака — во Франции никогда не считался глупым.

— Ясно. Вы мне придумываете оправдания. Спасибо. Получается, будто я вроде как уже член семьи, по крайней мере на срок. Поэтому я и решил сначала поспрашивать. Вы, конечно, король и старше меня, но вы еще не напрактиковались. Королевская власть штука отличная, но если вы будете делать неправильные ходы, все может взорваться к черту.

— Это уже случалось в прошлом, — согласился Пипин, — и даже не так давно.

— Вот об этом-то мне и хотелось поговорить с вами. Раз уж я в вашей семье хожу, так сказать, в подмастерьях.

— Вот еще! Опять политика! — возмутилась Клотильда, — Вы зануды. Тоска!

Тод коротко рассмеялся.

— Пожалуй, она права. Говорят, американцы обсуждают секс в конторе, а бизнес в постели. Пойду свожу ее проветриться. Но потом я бы хотел побеседовать с вами.

— С радостью, — отозвался Пипин. — Приедете ко мне в Версаль?

— Я уже там был. Нахлебников полным-полно. Я вот что предлагаю, сэр. Почему бы вам не зайти ко мне в отель «Георг Пятый»?

— Один из недостатков моей должности в том, что я не могу идти, куда хочу. Надо уведомить администрацию, тайную полицию, конфиденциально сообщить в газеты... Ваш номер подвергнут обыску, а на крышах домов напротив расставят шпиков. Не очень-то весело быть королем.

— Только не в «Георге Пятом», — убежденно возразил Тод, — Французов там сроду не бывало. Сейчас там проживают Ава Гарднер с Х. С. Х. Келли. На вас и внимания никто не обратит. Это, может, самое укромное местечко во Франции для французского короля.

— Возможно, — согласился Пипин, — Я уже подумываю, не ходить ли мне в переодетом виде?

— О, Боже, — заметил дядя Шарль, — у тебя ничего не получится. Ты начисто лишен актерских способностей.

Королева подвинула стул поближе к шезлонгу, в котором сидела сестра Гиацинта, погруженная в благочестивую задумчивость.

— Я тебе всегда говорила, что Пипин занят своими мыслями, — сказала Мари, — Он был рассеян, когда возился со своим телескопом, но

сейчас стал еще хуже. Шагает взад и вперед, заложив руки за спину, и бормочет что-то себе под нос. Когда я заговариваю с ним, он не слышит. И какой-то он ужасно несчастный. Что-то его грызет. Поговорила бы ты с ним, Сюзанн. Говорят, ты всегда умела обращаться с мужчинами.

— Говорят, — согласилась сестра Гиацинта, — Но, может быть, это и преувеличено. Что мне ему сказать?

— Узнай, что его тревожит.

— Может быть, просто необходимость быть королем?

— Ерунда, — отрезала Мари. — Всякому лестно быть королем.

Мари привела мужа в келью сестры Гиацинты.

— Вот моя очень старая подруга, — сказала Мари. И тут же нашлась. — Ой! — воскликнула она. — Я кое-что забыла. Простите, я сейчас вернусь. — И она вышла.

Король мельком взглянул на монахиню.

— Садитесь, сир.

— Я не очень-то исправно соблюдал свой долг по отношению к церкви, с самого детства, — проговорил он.

— Я тоже. Двадцать лет я провела на подмостках музыкального театра.

— То-то ваше лицо показалось мне знакомым.

— В этой одежде? Я польщена, мсье. Немногие глядели на мое лицо.

Пипин решил проявить галантность.

— Сколько же красоты скрывается...

— Под этим одеянием? Благодарю вас. Я училась в школе с мадам. Возможно, вы слышали от нее имя мадемуазель Леско? Вряд ли она упоминала о моей бывшей профессии. Мари принадлежит к тем счастливым людям, для которых то, чего они не одобряют, просто не существует. Я завидую этому свойству.

— Моя жена замечательная женщина во многих отношениях, но она не отличается тонкостью. Очень часто я не знаю, что она затевает, но сразу догадываюсь, когда она что-то затевает.

Сюзанн откинула назад голову и прикрыла глаза.

— Вы недоумеваете, зачем она привела вас сюда и оставила здесь?

— Да, признаюсь, я задаю себе именно этот вопрос.

— Она чувствует, что вас что-то тревожит, вы не находите себе места.

— Меня довольно часто что-нибудь тревожит, и я почти всегда не нахожу себе места. До сих пор ее это не волновало. Она воздействовала на меня с помощью соусов и вкуснейших сладких блюд.

— Да, это распространенное домашнее средство у жен. Ну, и наверное, это излечивало вас, или вы уверяли, что излечивало?

— Надеюсь, мне удавалось ее убедить, сестра.

— Вы очень снисходительны, мсье. Не могли бы вы сказать мне причину теперешней вашей тревоги? А я бы уж как-нибудь приспособила это для Мари. Она беспокоится за вас.

— Я бы рад вам помочь, — ответил король, — но многих причин я и сам не знаю. Я не просил, чтобы меня делали королем, меня выбрали, как срывают ягоду с куста, и я оказался в положении, которому есть много прецедентов, и почти все скверные, и все, без исключения, кончались неудачей.

— А вы не можете, как ягода, отдаться на волю обстоятельств? Пусть все идет как идет.

— Не могу. В том-то и беда мужчин, что они хотят делать хорошо даже то, чего им вообще не хочется делать. Вы не поверите, сестра, но когда-то мне хотелось уметь хорошо танцевать. Такая нелепость.

— Вы боитесь, что наделаете ошибок?

— Дорогая сестра, наша дорога вымощена ошибками. Даже лучшие из королей терпели фиаско.

— Мне жаль вас.

— Не жалейте меня. Дядя сказал, что у меня есть выход — перерезать себе запястья. Но я им не воспользовался.

— Бывали короли, — напомнила сестра Гиацинта, — которые все дела отдавали в чужие руки — кабинету министров, совету, словом, команде, и жили в свое удовольствие.

— Я думаю, сестра, это происходило уже после того, как они отчаялись. На короля оказывается сильнейшее давление, его заставляют быть королем. Задача короля — править, а задача правления — повышать благосостояние королевства.

— Это ловушка, — сказала сестра Гиацинта. — Как и вообще делание добра — это ловушка. Там, где речь идет о добродетели, очень трудно сказать себе правду, мсье. Бывают два вида добродетели. Один — это страстное честолюбие, а другой — просто желание покоя, проистекающее из желания никому не причинять хлопот.

— Вы умеете думать, сестра, — сказал король, и по блеску, появившемуся в его глазах, она поняла, что завладела его вниманием.

— И у меня была похожая проблема, — продолжала она. — После того, как я двадцать лет простояла на сцене в обнаженном виде, будя, как я надеюсь, мечты у одиноких мужчин, я постриглась в монахини. Мне очень легко было приписать себе порыв к святости, но я-то знаю, что я просто очень устала.

— Вы честны.

— Не знаю. Признавшись себе, что побуждение мое отнюдь не было чистым, я вдруг нашла в себе доброту и понимание, к которым даже сама не могу придраться, хотя они просто продукт изначальной лени — после того, как я сняла бремя с моих ног, я сняла с себя заботу о моей добродетели.

— А как же ритуалы — опускаться на колени, вставать с колен, повторять магические религиозные формулы?

— Очень скоро это становится не труднее, чем дышать. Легче сделать, чем не делать.

Король встал, почесал локти, обошел вокруг стула, потом опять сел.

— Прыжок получается большой, — сказал он, — от грешницы... к святой.

Сестра Гиацинта засмеялась.

— Трудно обособить грех в себе самом, — заметила она. — В других его различить легче, но когда речь идет о себе, то находится оправдание — мы оправдываем его необходимостью или добрыми намерениями. Только не говорите этого Мари...

— Простите? О, нет, мне бы это и в голову не пришло.

— Мари — жена. Это совсем другое дело.

— Она очень добра ко мне.

Сестра Гиацинта уставилась на него с изумлением.

— Надо думать, вы говорите так из учтивости, а не по искреннему убеждению.

— Не понимаю, что вы имеете в виду.

— В женщинах нет доброты, — сказала монахиня, — Любовь — да, но это вещь субъективная. Если бы я вышла замуж, быть может, мне и удалось бы убедить себя в обратном. — Она пристально посмотрела на него. — Что в вашей жизни вы считаете лучшим событием, сир?

— Какое это имеет...

— Если вы мне сумеете это сказать, то я, возможно, сумею сказать, чего вам не хватает сейчас, о чем вы так горюете.

— Что ж, пожалуй., пожалуй, это случилось, когда я увидел в телескоп комету и понял, что я первый в мире вижу ее. Меня это исполнило... исполнило благоговейного трепета.

— Они не имели права делать вас королем, — сказала она. — Король лишь повторяет старые чужие ошибки, а если это ему известно наперед... Да, теперь я понимаю, сир, но не могу вам помочь. Вены вы себе не вскрыли, и теперь слишком поздно. Комета. Да, понимаю...

— Вы мне нравитесь, сестра, — сказал король, — Вы разрешите мне время от времени посещать вас?

— Если бы я была уверена, что ваше чувство носит чисто интеллектуальный характер...

— Но, сестра...

— То я запретила бы вам приходить, — продолжала сестра Гиацинта, и смех ее навел на мысль о дамской гардеробной за кулисами. — Вы хороший человек, сир, а хорошие мужчины притягивают женщин, как сыр мышей.

Чуть ли не больше всего на короля давило полное отсутствие уединения. За ним ходили по пятам, ему прислуживали, его охраняли, на него глазели. Он уже подумывал, не прибегнуть ли ему к переодеваниям на манер Гарун-аль-Рашида. Порой он просто запирался у себя в комнате, чтобы хоть ненадолго скрыться от глаз и голосов окружающих людей.

Приблизительно в это время он случайно сделал счастливое открытие. Королева, сочтя необходимым произвести уборку у него в кабинете, попросила его прогуляться, пока она метет и вытирает пыль. И он, как был в вельветовой куртке, уже слегка потертой на локтях, и в давно не глаженных фланелевых брюках и сандалетах, сунул в портфель какие-то бумаги и вышел в парк, думая заняться своими королевскими делами. Однако едва он успел присесть на парапет пруда с рыбками, как к нему подошел садовник.

— Мсье, здесь сидеть нельзя, — сказал он.

Король побрел дальше и устроился в тени на ступенях парадной лестницы. Немедленно жандарм тронул его за локоть.

— Экскурсии проводятся с двух до пяти, мсье. Будьте добры, ступайте ко входу и ждите там гида.

Пипин воззрился на него в удивлении. Потом собрал бумаги и пошел ко входу. Там он уплатил за экскурсию с гидом. Он покупал открытки и заглядывал вместе с толпой в комнаты за протянутые бархатные канаты.

Повсюду он видел слуг, и аристократов, и министров, но ни один из них не бросил и взгляда на человека в старой вельветовой куртке и сандалетах. Даже королева, с озабоченным видом пробежавшая мимо, не заметила его. Экскурсия проводила ее взглядом.

В восторге Пипин вышел вместе с туристами на улицу и сел в заказной автобус, идущий в Париж. У него было легко на сердце. Для проверки он прогулялся по Елисейским полям — никто не обратил на него внимания.

Он сел за столик в «Селекте», заказал перно с водой и посидел

немного, разглядывая прохожих. Он прислушивался к разговорам туристов, и ощущение свободы росло в нем, как растут крылья.

Он позволил себе удовольствие вступить в безобидный спор с корреспондентом журнала «Лайф».

— Наверно, король просто еще не успел вычистить всех коммунистов, — заявил тот.

Пипин хмыкнул, попросил у него сигарету и пошел пешком по Елисейским полям, мимо гостиницы «Фуке», на улицу Георга Пятого, мимо отеля «Принц Галльский» и прямо ко входу в отель «Георг Пятый». Как только он вошел в вестибюль, его остановил служащий.

— Вам что-то надо?

— Мне надо видеть мистера Тода Джонсона.

— Вы хотите что-то передать? Тогда оставьте...

— У меня его портфель. Он просил вручить лично ему.

— Портье... — начал служащий, не отрывая глаз от сандалет.

— Позвоните, мсье, будьте добры, в номер мистера Тода Джонсона. Передайте, что мистер Кинг принес ему портфель из галереи дяди Чарли.

Тод ждал Пипина в дверях своего номера. Он дал на чай недоверчивому провожатому, после чего хлопнул короля по спине.

— Ну, чтоб меня! — произнес он.

— Здорово, верно? Меня впустили с большим трудом.

— Один мой приятель, — сказал Тод, — утверждает, что если хочешь скрыться, устройся официантом в хороший ресторан. Никто никогда не обращает внимания на официанта. Садитесь, сэр. Налить вам чего-нибудь?

— Да, как его? Мар... мар...

— Мартини?

— Совершенно верно, — обрадовался король. — Знаете, меня сегодня один иностранец чуть не арестовал за оскорбление монарха.

— А вас не будут искать, сэр?

— Наверное, будут. Но во всяком случае не будут искать здесь. Вы сами говорили, что французы сюда не заходят... Должен сказать, мой друг, этот вкуснее того, который готовит дядя.

— Он не решается класть достаточно льда, — объяснил Тод.

— Один из моих караульных выставил меня из моего парка, — довольным тоном сообщил король.

— Люди, наверно, видят то, что ожидают увидеть. Они не ожидают видеть короля без короны и с лысиной на макушке. Вы сами это придумали, сэр?

— О, нет! Чистая случайность. Понимаете, Мари хотела прибрать в

моем кабинете. А садовник прогнал меня от пруда с рыбками...

— И вы не чувствуете себя оскорбленным?

— Оскорбленным? Да я просто счастлив.

— Знаете, некоторые голливудские знаменитости нацепляют темные очки, нахлобучивают поглубже шляпы. Но при этом очень расстраиваются, если их не узнают. Есть такой владелец трех наших крупнейших журналов. Он ненавидит паблисити, но почему-то все время умудряется попадать на фотографии. Или возьмите моего отца...

— Вот как раз о вашем отце я и хотел поговорить, — прервал его Пипин.

— Сегодня утром от него пришло длинное письмо. Он не одобряет того, что я ухаживаю за Кроликом — принцессой то есть.

— Вот как?

— Да. Он сноб. Понимаете, он выбился из низов, а нет больших снобов, чем те, кто выбился из низов. Про них говорят, что они уважают одного Господа Бога. Вот второе поколение может уже немного расслабиться и вести себя демократично. Письмо занятное.

Его интересует, что тут у вас происходит. Просит передать вам, что у вас есть шанс, если вы будете делать правильные ходы. Только он не думает, что вы сможете.

— Как по-вашему, он не согласился бы приехать, чтобы давать мне советы?

— Ну нет! Он сноб. Он может явиться позднее и навести критику. И получить с этого дивиденды.

Тод налил королю мартини.

— Я пришел, чтобы задать вам несколько вопросов. Правда ли, что ваш отец сперва сам выращивал кур?

— А как же. Недаром он их теперь ненавидит.

— Правда ли, что многие главы ваших крупнейших корпораций начинали снизу? Я, кажется, припоминаю...

— А как же, Кнудсен был рабочим, стоял у пудлинговой печи; Бен Фэрлес работал кочегаром, если не ошибаюсь. Да я мог бы назвать сколько угодно имен — Чарли Уилсон, например, да сколько угодно!

— Значит, они знают свое дело на всех уровнях?

— Точно, — подтвердил Тод. — Но не воображайте, будто это делает их демократами. Совсем наоборот.

— Никогда не мог понять Америки, — король вздохнул.

— Мы и сами себя не понимаем, сэр. У нас, получается, два правительства, и одно, так сказать, перекрывает другое. С одной стороны,

выборное правительство. Демократы или республиканцы, большой разницы нет. А с другой — корпорации.

— И они уживаются вместе?

— Как когда. Я и сам в этом не очень разбираюсь. Понимаете, выборное правительство делает вид, что оно демократическое, а на самом деле оно автократическое. Корпорационные правительства притворяются автократическими, но всех других обвиняют в социализме. Они ненавидят социализм.

— Да, я слышал, — кивнул Пипин.

— Но вот что забавно, сэр. Возьмите, к примеру, крупную американскую корпорацию, скажем, Дженерал Моторе, или Дюпон, или ЮС Стил. Больше всего на свете они боятся социализма, а в то же время они сами и есть настоящие социалистические государства.

Король выпрямился.

— Не понял? — сказал он.

— Смотрите сами, сэр. У них имеется медицинское обслуживание служащих и их семей, страхование от несчастных случаев, пенсионные пособия, оплаченные отпуска и даже места для проведения отпуска. И уже через год работник начинает получать гарантированную оплату. Служащие корпорации участвуют, ну, буквально во всем, даже в решении того, какой краской должны быть выкрашены стены фабрики. По существу, у них уже социализм, причем такой, что СССР с его социализмом может умыться. Из-за наших корпораций правительство США выглядит абсолютной монархией. Да если бы правительство Соединенных Штатов позволило себе хоть одну десятую того, что позволяет себе Дженерал Моторе, то Дженерал Моторе поднял бы вооруженное восстание. Во всем этом заключен парадокс, сэр.

Пипин покачал головой. Он поднялся, подошел к окну и посмотрел вниз на засаженную деревьями улицу Георга Пятого.

— А вы можете объяснить, почему они себя так ведут? — спросил он.

Тод Джонсон налил на глазок джину в высокий миксер, капнул туда вермута и стал быстро трясти миксер, встряхивая гремящие кубики льда.

— Да, поведение весьма странное, — ответил он, — но в высшей степени разумное. Выжать лимон, сэр?

— Да, пожалуйста. Но все-таки почему?

— Во всяком случае, не от доброго сердца, сэр. Просто кто-то обнаружил, что таким путем можно произвести и продать больше товаров. Раньше они боролись со своими рабочими. Это обходилось дорого. И больные работники тоже обходятся дорого. Думаете, моему отцу нравится

пичкать кур витаминами, рыбьим жиром и минералами и держать их в тепле и холе? Тысячу раз нет! Но так они кладут больше яиц. Возникло это все не сразу, и процесс далеко не закончен, но разве не странно, сэр, что из недр самой автократической системы в мире вырастает единственный работающий социализм? Слышал бы меня сейчас отец! Он бы мне шею свернул. Он-то думает, что сам принимает решения.

— А на самом деле кто?

— Обстоятельства и разного рода давление. Если бы отец не поддавался давлению обстоятельств, он теперь не возглавлял бы дело, — Тод осторожно разлил martini по стаканам, — Я сейчас закажу сэндвичи, сэр. Эти штуки с ног валят, если ничего не есть.

Король пригубил martini.

— Перемены эти дались, вероятно, не так легко?

— Какое там легко! Понадобилось лет эдак сто отчаянной борьбы, и сейчас она еще не кончилась. — Тод негромко засмеялся. — Знаете, сэр, по-моему, папаше прямо не терпится приложить руку к вашей монархии. Он мне девять страниц написал, и всё сплошные вопросы, которые поручает задать вам. Но когда мой отец задает вопрос, он сам на него и отвечает.

Король проговорил сонным голосом:

— Пожалуй, я подожду, когда принесут сэндвичи, а тогда уже выслушаю вопросы. Как у вас идут дела... с Кроликом? Так вы ее зовете?

— По-всякому, сэр. Я ее люблю, но, бывает, она такую важную из себя особу строит, что руки чешутся ее отшлепать.

— Она рано повзрослела, — сказал Пипин. — К восемнадцати она прожила уже несколько жизней.

— Знаю, знаю. В четырнадцать-пятнадцать лет у нее не было нормального отрочества, вот оно теперь к ней и возвращается. От девчонки она переходит к миссис Астор,^[11] а потом обратно.

— Я, по существу, ученый, — слова у Пипина звучали несколько неразборчиво, — а ученый обязан уметь наблюдать. При этом, молодой человек, артистическая, творческая сторона ученого заставляет его выдвигать гипотезы. Наблюдая Клотильду и ее друзей, я сформулировал гипотезу зрелости. — Замедленная тщательная речь выдавала легкое опьянение. — Напиток очень крепкий, — заметил он.

— Дело не в крепости, а в присущем ему коварстве, — возразил Тод. — Смотрите-ка, король, я заговорил, как вы. Так что насчет зрелости?

Глаза у Пипина на момент закрылись, но тут же он приоткрыл их и затряс головой, как будто в уши ему залилась вода.

— Человеческий эмбрион вынашивается головой вниз, — серьезно проговорил он. — Но неверно думать, что после рождения он сразу принимает вертикальное положение вниз ногами. Обратите внимание на ноги детей и молодежи, когда они находятся в покое. Ноги у них почти всегда выше головы. Как ни старайся растущий мальчик, и особенно девочка, они просто не в состоянии держать ноги внизу. Привычка эта въедается надолго. Требуется восемнадцать-двадцать лет, чтобы ноги наконец признали землю своей нормальной опорой. Моя теория заключается в том, что судить о степени взрослости позволяет положение ног относительно земли.

Тод засмеялся.

— У меня есть сестра... — начал он.

Король внезапно встал.

— Пожалуйста, — выдавил он, — пожалуйста, отведите меня...

Тод подскочил к нему и взял под руку.

— Сюда, сэр, — сказал он. — Разрешите, я помогу. Осторожней, тут небольшая ступенька, сэр.

Занялся рассвет, когда король проснулся на одной из двух кроватей в спальне Тода. Он с удивлением обвел глазами комнату.

— Ой suis-je? [\[12\]](#) — жалобно спросил он.

— Все в порядке, король, — отозвался Тод с соседней постели, — Как вы себя чувствуете?

— Чувствую? — переспросил король, — Как будто... неплохо.

— Я вас накачал аспирином и V_1 , — пояснил Тод. — Иногда это помогает от похмелья.

Король резко сел на постели.

— Бог мой! Мари! Она поднимет на ноги полицию.

— Не волнуйтесь, — успокоил его Тод. — Я позвонил Кролику.

— Что вы ей сказали?

— Сказал, что вы напились.

— А Мари?

— Не беспокойтесь, сэр. Принцесса сообщила Ее Величеству, что Ваше Величество проводит сверхсекретное совещание министров. Дело международной важности.

— Вы славный малый. Надо бы сделать вас министром.

— У меня своих проблем хватает. Вы когда-нибудь пили «кровавую Мэри»?

— Что это такое?

— Во Франции название переделали. У вас это называют Marie Blessee.

— Раненая Мари, — перевел король. — Но что это такое?

— Доверьтесь мне, сэр. Это такой эликсир, смахивает на анализ крови. — Он снял телефонную трубку. — Луи? Тод Джонсон ici. Quatre Marie Blessee, s'il vous plait. Vite. Oui, quatre. Tres bien. Merci bien [\[13\]](#).

— Вы ужасно произносите по-французски, — заметил король.

— Я знаю. Не удивлюсь, если Луи пришлет четырех раненых девиц. У вас, король, в Нью-Йорке тоже возникли бы затруднения с языком, — с досадой добавил он.

— Но я умею говорить по-английски.

— Зато американцы не умеют, — Тод подошел к двери и принял поднос с коктейлями.

К девяти утра король полностью взбодрился и даже чуть больше, чем следовало.

— Пора возвращаться, — сказал он.

— Погуляйте как следует, сэр. Может, вам больше не удастся вырваться.

— Опасайтесь моего дяди Чарли, — предупредил Пипин, — По временам я чувствую, что он не вполне...

— Безусловно, сэр. Но знаете, он ведь не продал мне ни одной картины. Он очарован моим сопротивлением. Он от меня в восторге. Ну как, сэр, вам лучше? Способны вы теперь выслушать отцовские вопросы?

Король вздохнул.

— Придется. Как бы мне хотелось хоть ненадолго забыть о троне. Уж лучше быть корпорацией. У вас все пижамы шелковые, мой друг?

— Нет, просто на вас моя светская пижама. Я сплю в тенниске, в ней свободнее. Отец говорит, что вы должны все сломать. Он всегда говорит, что сначала надо все сломать. Дальше. Что вы будете продавать, кто собирается покупать и есть ли у них деньги?

— Продавать?

— Ну да. Вот мы продаем яйца, молодой и корм.

— Что же может продавать правительство? Ведь оно — правительство.

— Это понятно, но должно же оно что-то продавать, иначе к чему оно?

Король нахмурился.

— Это не приходило мне в голову. Ну хорошо, скажем, спокойствие, порядок... возможно, прогресс, счастье.

— Толково, — одобрил Тод. — Еще мой отец хочет знать, есть ли у вас

для этого капитал и организация?

— У меня есть трон.

— Кое-какой актив, конечно, у трона имеется, но и балласт тоже. Возьмите, к примеру, эту банду нахлебников у вас во дворце. Вам нужно от них избавиться. Они сожрут прибыль.

— Но они же аристократия, фундамент трона.

— Термиты они в фундаменте, вот они кто. Вот если бы вы имели амортизационный фонд, вы могли бы послать их на пенсию. Ясно одно — работать их не заставишь.

— Никаким способом!

— А за что они вообще стали аристократами?

— За службу трону. Духовную, военную и финансовую.

— Вот! Видите? Те ребята, в свое время были не дураки. Ну, духовная сейчас обеспечена, военная уже не в ваших руках, а вот финансовая... ее можно бы использовать.

— Большая часть аристократии в результате невзгод...

— Разорилась, — закончил Тод. — Так давайте выпустим их на пастбище и соберем урожай.

— Не понимаю.

— Послушайте, король, я берусь продавать титулы в Техасе и Беверли Хиллз за любую сумму. Я знаю людей, которые толстенную пачку до последнего доллара отдадут за аристократический титул.

— Это неправильно.

— Что значит — неправильно? А как ваши ребята их получили? В Англии до сих пор так происходит. Не обязательно иметь винокуренный завод, чтобы заседать в палате лордов, но если он у тебя есть — тем лучше.

— Но в их случае речь идет о традиции, друг мой.

— Герцогство Даллас... — продолжал Тод. — Да десяток миллиардеров ухватятся за него обеими руками. Я мог бы пустить его на закрытый аукцион. Одна опасность — вдруг граф Форт Уорт объявит войну герцогу Далласскому. Ух, разве не красота? Так и вижу, как наши дамы задирают друг перед другом нос. Сейчас-то им удастся козырять только нефтяными скважинами и кондиционированным воздухом.

— Вы все шутите, мой друг.

— Нисколько! Выпейте, король, и я закажу еще по одной. Эти штуки не такие коварные, как мартини.

— А не надо сперва позавтракать?

— Завтрак тут, в них самих — здоровый полезный томатный сок. А в вустерском соусе есть печенка.

— Ну, в таком случае... — уступил король.

— Так как? Можно пустить слушок тихо, как выпускают акции, без лишнего шума.

— Мне помнится, — сказал король, — у вас есть законы, запрещающие вашим гражданам присваивать себе титулы.

Забудьте. Если уж наши нефтяные магнаты и скотопромышленники ухитряются обойти налоговые законы и законы о коммунальных платежах, то с каким-то захудалым законишком против титулов они как-нибудь справятся. Мы могли бы гарантировать рыцарское звание каждому конгрессмену, который будет голосовать «за». Но высокие титулы — вот где золотая жила.

— Мне приходилось встречать техасцев, — сказал король. — Они очень демократичны на вид, говорят о себе не иначе как «я простой деревенский парень».

— Да, король, и обычно эти простые деревенские парни имеют полмиллиона акров земли, три самолета, яхту и дом в Каннах. Но зачем нам ограничивать себя Техасом? Чем хуже Лос-Анджелес? А поработав там, можно перейти к Бразилии, Аргентине — поле действий, в сущности, неограниченно.

— Что-то все это отдает моим дядюшкой, — заметил король.

— Не скрою, я с ним это обсуждал. Это пахнет деньгами, король, и большими. Я все берусь устроить.

Король молчал так долго, что Тод взгляделся в него с тревогой.

— Вам опять плохо, сэр?

Пипин смотрел прямо перед собой, и хотя глаза его слегка косили, подбородок был решительно выставлен вперед и осанка была царственной.

— Вы забываете, друг мой, что призвание короля заботиться о благосостоянии своего народа — всего народа.

— Я знаю, — согласился Тод, — Но отец правильно рассуждает: вы должны располагать капиталом и организацией. Люди, которые вас посадили на трон, делали это не за здорово живешь. Рано или поздно вам придется с ними сразиться или с ними объединиться.

— А как же простая честность, простая логика? Разве их недостаточно?

— Они никогда не срабатывали, — возразил Тод. — Мне неприятно напоминать Вам о вашей собственной истории. Но Людовик XIV был мот. Он разорил страну. Все время воевал. Опустошил сокровищницу и уничтожил целое поколение молодежи, но он был король-Солнце и его обожали, хотя Франция сидела на мели. Потом появился Людовик XVI. Вот

он был простой и честный. Ввел контроль за рентабельностью народного хозяйства, собирал ассамблеи, старался слушать и вникать. Вообще старался вовсю, а его... — Тод провел ладонью по горлу.

Голова Пипина свесилась на грудь, и он печально проговорил:

— Зачем им понадобилось делать меня королем?

— Извините, — сказал Тод, — кажется, я вас не очень-то утешил. Но уж если человек заполучил трон, очень скоро ему захочется его использовать.

— Я хочу только покоя. И телескоп.

— Погодите, еще захочется, — повторил Тод, — Со всеми так бывает. Послушайте, я вас плохо принимаю. Давайте-ка побродим по городу, посмотрим, как живет другая половина человечества.

— Мне надо возвращаться.

— Но вам, может, больше не удастся вырваться. И, кроме того, вы просто обязаны общаться с вашим народом.

— Ну, если вы так ставите вопрос...

— Я вам одолжу кое-какую одежонку, — подбодрил его Тод. — Никто вас не узнает.

— Хотите взять с собой Клотильду?

— Нет, сегодня мы с вами обойдемся без женщин.

В половине четвертого утра лейтенант лейб-гвардии Эмиль Самофракийский, стоявший на часах у ворот Версальского дворца, насторожился: он услышал за воротами какой-то шум. В сумраке он различил двух мужчин, которые, трогательно поддерживая друг друга, направлялись прямо к воротам. При этом они распевали:

Allons, enfants de la Patrie [\[14\]](#),
Мгновенье славы настает!
Вперед, вперед, с утра до ночи
Мартышка флаг хвостом несет!

Лейтенант преградил им путь и кликнул стражу. Но эти двое, выставив вперед зонтики, кинулись на него с криками «к Бастилии!».

Рапорт лейтенанта гласил: «Один из них утверждал, что он наследный принц Петалумы, а другой продолжал бормотать „бя-бя-бя!“; оба препровождены к коменданту дворца на допрос».

Явившись на дежурство на следующий вечер, лейтенант обнаружил,

что из журнала исчез рапорт, а вместо него стоит: «Три часа ночи тридцать минут. В королевстве всё спокойно». Под этим красовалась подпись коменданта.

В ушах у лейтенанта долго еще звучало «бя-бя-бя!».

Тем временем Франция наслаждалась таким покоем, процветанием и благосостоянием, что газеты стали именовать этот период Платиновым веком. В нью-йоркском «Дейли ньюс» Пипина называли «атомный король». «Ридерс дайджест» перепечатал три статьи (которые сам же заказал) — одну из «Сатердей ивнинг пост» под названием «Пересмотр королевской власти», вторую из журнала «Лейдиз хэум» — «Славное настоящее» и третью из ежемесячника «Америкэн лиджен» — «Король против коммунизма».

Ситроен объявил о создании новой серии.

Кристиан Диор ввел модель с сильно завышенной талией и самым тугим лифом со времен Монтескье.

Итальянские модельеры из зависти объявили, будто у этой модели грудь выглядит как зоб. Джина Лоллобриджида, неизменно сохраняющая верность Италии, заявила в аэропорту Айдлвилд, следуя в Голливуд, что отказывается быть заслоненной собственным бюстом. Но критика эта была замешана на зависти к Платиновому веку во Франции.

Англия дымила и выжидала.

Советское закупочное агентство заказало четыре цистерны французских духов.

Америку лихорадило от возбуждения. Бонвит Теллер назвал целый этаж L'Etage Royal.^[15]

На Францию опустилась благосклонная осень. Она двинулась вверх по Сене, затем вверх по Луаре, охватила Дардонь, взобралась на Юру и заплескалась о склоны Альп. Удалось собрать огромный урожай пшеницы, виноград висел теплый, крупный, умиротворенный. Даже трюфели и те проявили щедрость — черные, жирные, они буквально рвались из почвы, насыщенной известью. На севере коровы бродили по пастбищам, тучные от жирного молока, а урожая яблок наконец-то должно было хватить на сидр, который так любят англичане.

Еще никогда за всю историю туристы не были так щедры и скромны, а их французские хозяева самодовольно неприветливы.

Международные связи достигли высот братства. Наиболее консервативные крестьяне приобрели новые плисовые штаны. Красные реки бордо хлынули из-под виноградных прессов. Овцы давали молоко,

буквально созданное для сыра.

Вакации кончились, партии и фракции собрались в Париже для того, чтобы окончательно выработать кодекс Пипина, после чего в ноябре принять его.

Христианские атеисты внесли пункт, облагающий церковные богослужения налогом на развлечения. Христианские христиане подготовили закон об обязательном посещении мессы.

Правые и левые центристы действовали сообща, рука об руку.

Коммунисты и социалисты завели новую привычку: при встрече приподнимать шляпу.

Мсье Деклош, консультант по культуре и фактический лидер коммунистической партии Франции, выразил словами то, что думали все партии. На секретном фракционном совещании он наметил целый ряд ловушек и капканов, расставленных столь искусно, что любой шаг короля должен был неминуемо повлечь за собой катастрофу.

Франция находилась на вершине процветания. Туристы спали на клумбах возле лучших отелей.

Но если так, то чем объяснить появление на горизонте маленького облачка в середине сентября, которое потемнело и разрослось в первые недели октября и к ноябрю закрыло небо, как грозовая туча?

Принято объяснять исторические события уже после их свершения, с точки зрения того или иного специалиста, занимающегося историей. Так, экономист обращается к экономике, политик к политике, а биолог прибегает к помощи цветочной пыльцы или паразитов. Очень редко, а то и никогда, историки ищут причины событий просто в самочувствии народа. Разве не факт, что в Соединенных Штатах периоды наибольшего спокойствия и процветания совпадают с периодами наибольшей тревоги и беспокойства? И разве не факт, что именно в эти недели, когда Франция наслаждалась благами, среди всех классов повеяло беспокойством, нервозностью, страхом?

Если вам это покажется необъяснимым, то вспомните, как в дивный солнечный день человек говорит соседу: «Наверно, завтра пойдет дождь». Или как холодной промозглой зимой всеобщая молва сулит жаркое засушливое лето. Кто не слышал, как фермер, взирая на свой обильный урожай, предрекает: «Покупателей не будет»?

Не думаю, чтобы историку требовалось особенно копаться в этом явлении. Таково уж людское свойство — не доверять удаче. В дурные времена мы с головой уходим в старания защитить себя. Мы к этому готовы. Но перед удачей род людской беспомощен. Сперва она нас

озадачивает, потом пугает, затем сердит, а под конец губит. Наше главное убеждение выразил один великий, но малоинтеллектуальный игрок в бейсбол: «Уж так выходит в жизни — семь за и пять против».

Крестьянин, подсчитывающий доходы, успевал при этом подумать, сколько же он потерял на продаже оптовику. Розничный торговец потихоньку проклинал оптовика, едва тот поворачивался спиной.

И эта атмосфера подозрительности не оставалась на индивидуальном уровне. Например, комитет внешней политики в сенате Соединенных Штатов, услышав про закупку русскими четырех цистерн французских духов, потребовал у разведывательного управления раздобыть пробы и передать их в руки квалифицированных ученых с целью выявить, какие вредные наступательные свойства — взрывчатые, ядовитые или гипнотические — таятся в «Quatre-Vingt Fleurs» [\[16\]](#) или в новейшем одеколоне «L'Eau d'Eau» [\[17\]](#).

Со своей стороны, русские агенты тайно обследовали партию пластмассовых вертолетов, предназначенных для парижских магазинов игрушек.

Отряд французских бойскаутов, упражнявшихся с дубинками, был сфотографирован подводными флотами четырех держав, и снимки отосланы в соответствующие страны для анализа.

Самыми затравленными почувствовали себя спелеологи, когда поняли, что и в самых укромнейших пещерах им не скрыться от наблюдающих глаз.

Подозрительное отношение к Франции нарастало во всем мире. А в самой Франции наблюдались порывы нервозности. Добавление Люксембургом к своей постоянной армии восьми солдат послужило причиной поспешного совещания на Ке д'Орсе.

В провинции люди нервно поглядывали в сторону Парижа. В Париже прошел слух, что в провинции растет беспокойство.

Участились вооруженные грабежи. Стремительно пошла вверх детская преступность.

Когда 17 сентября полиция обнаружила в подвале на острове Сен-Луи тайный коммунистический склад оружия, по Франции прокатилась волна паники. Полиция почему-то не сочла нужным всенародно объяснить, что оружие там спрятала Коммуна в 1871 году и что капсульные ружья и архаичные штыки не только устарели, но и безнадежно заржавели.

А что делал король, пока разрасталось и сгущалось зловещее облако?

Существует общее мнение, что вскоре после коронации король заметно переменился. Впрочем, этого следовало ожидать или, во всяком случае, это можно было предугадать.

Проведем параллель. Представим себе породу охотничьих собак, предположим, пойнтеров. На протяжении тысячи генераций производился отбор, их обучали, натаскивали, вырабатывая охотничьи качества. Затем, представьте себе морганатический брак и последующее смешение крови до тех пор, пока, наконец, не получился продукт этого смешения, выставленный в витрине лавки домашних животных. Его держат в городской квартире, выводят на поводке дважды в день на прогулку, и он семенит, опустив нос, принюхиваясь к автомобильной шине, к мусорному баку, к пожарному гидранту. Его нос привык к запаху духов, бензина, нафталина. Когти ему подстригают, шерсть пропахла хвойным мылом, пищу его составляют собачьи консервы.

Становясь взрослым, такой пес приучается приносить от входной двери утреннюю газету, сидеть, лежать, давать лапу, просить, приносить хозяину шлепанцы. Пес делается дисциплинированным, держится подальше от подноса с закусками, сдерживает позывы мочевого пузыря. Из птиц ему знакомы лишь жирные, переваливающиеся с боку на бок голуби да необузданные уличные воробьи. Единственный дозволенный ему вид любви — ухмылка встречной болонки.

Предположим теперь, что в расцвете жизни этого пса, отпрыска благородных кровей, берут на пикник за город, в приятное местечко на берегу ручья. И в борьбе с песком, муравьями, ветром, взметывающим скатерть, о собаке на время забывают.

А нос его между тем чует влажную близость проточной воды, он идет к берегу ручья, жадно лакает чистую, без бактерицидных препаратов влагу. Его переполняет какое-то атавистическое чувство. Он осторожно ступает по тропинке, принюхивается к листьям, темным стволам, к траве. Он замирает около следа, оставленного кроликом. Свежий ветерок ерошит ему шерсть.

Им внезапно овладевает возбуждение, экстаз, сродни воспоминанию, заполняющий все внутри. Нос улавливает запах — незнакомый, но хранимый памятью. Пес вздрагивает, скулит, затем неуверенно начинает двигаться туда, куда его влечет колдовская сила.

Его охватывает нечто гипнотическое. Плечи слегка пригибаются вперед. Тонкий хвост выпрямляется. Одна лапа медленно подтягивается к другой. Шея вытягивается вперед, пока нос, голова, хребет и хвост не выстраиваются в одну линию. Правая передняя лапа приподнимается. Пес

застывает на месте. Он не дышит. Тело его словно игла компаса или ружье, нацеленное на выводок куропаток, спрятавшихся в подлеске.

В феврале 19... в небольшом доме на улице Мариньи жил тихий любознательный господин, жил с дочерью и приятной женой, имел террасу, телескоп, галоши, зонтик и неизменный портфель. У него был свой зубной врач, страховка, небольшой капитал в Лионском кредитном банке. Виноградники в Оксерре...

И вдруг, без всякого предупреждения, этого маленького человека сделали королем. Кто из нас, в ком не течет королевская кровь, может знать, что произошло, когда в Реймсе на его голову надели корону? И остался ли Париж для короля таким же, каким он был для любителя-астронома? И как звучало теперь слово «Франция» в ушах короля? И слово «народ»?

Странно, если бы древний механизм не сработал. Быть может, сам король и не ведал, что с ним творится. Быть может, он, как пойнтер, просто реагировал на забытые раздражители. Неоспоримо одно — королевская власть создала короля.

И как только он сделался королем, он стал одинок — отделен от всех и одинок, — такова участь королей. Словом, короля сотворила монархия.

Дядя Шарль побывал в Версале всего один раз за свою жизнь — в раннем детстве. В черном халатике с белым воротничком он промаршировал в неровной цепочке таких же школьников по коридорам и спальням, бальным залам и погребам этого национального памятника, как велел министр народного образования.

С тех пор в душе Шарля жили ненависть и отвращение к королевскому дворцу, от которых он так и не избавился. Потрескавшиеся крашеные панели, скрипящий паркет, бархатные кисти портьер, сквозняки в залах вспоминались ему как некий кошмар.

Вот почему король так удивился, когда дядя Шарль явился во дворец, да еще не один, а в сопровождении Тода Джонсона.

Шарль оглядел крашеные стены. Полы вскрикивали от боли под его подошвами. Окно было завешено одеялом от холодного осеннего ветра, в огромном камине горели поленья. Позолоченные часы все так же занимали мраморные столики и все так же жесткие стулья с прямыми спинками стояли вдоль стены, как помнилось Шарлю.

Он сказал:

— Дитя мое, мне надо с тобой поговорить.

— Я прочел в парижском «Геральд трибюн», что у вас есть любовница, сэр. Так пишет сам Арт Бухвальд, — вмешался Тод.

Король поднял брови.

Дядя Шарль поспешно продолжал:

— Я обучаю Тода моему делу. Он открывает филиал в Беверли Хиллз.

— Им там можно продать что угодно, лишь бы цена была высокая, — вставил Тод. — А где вы держите вашу любовницу, сэр?

— Кое-каких перемен мне удалось добиться, — ответив король, — но в вопросе о любовнице пришлось пойти на уступку. Нажим общественного мнения был чересчур силен. Мне говорили, что она славная женщина. И вполне на своем месте.

— Вам говорили, сэр? Разве вы ее не видели?

— Нет, не видел. Королева настаивает, чтобы как-нибудь на днях я пригласил ее на аперитив. Все говорят, что она мила, со вкусом одевается, скромна и не вульгарна. Конечно, это чистая проформа, но в таком деле соблюдать формальности очень важно. Особенно, если строишь свои планы.

— Вот-вот, — подхватил дядя Шарль, — Планы. Этого-то я и боялся. Поэтому я и приехал.

— Что вы имеете в виду? — вкрадчиво осведомился король.

— Послушай, дитя мое. Неужели ты думаешь, что твой секрет действительно является секретом? Да весь Париж, вся Франция уже знают.

— Что знают?

— Дорогой племянник, неужели ты думаешь, что блуза мастерового и фальшивые усы хороший маскарад? Ты думаешь, когда ты пришел наниматься на работу в Ситроен и простоял целый день у ворот, беседуя с рабочими, ты остался неузнанным? А когда ты обходил все старые здания на левом берегу, делая вид, будто ты инспектор, и простукивал трубы — неужели ты воображаешь, что тебя хоть один человек принял за инспектора?

— Я поражен, — сказал король, — На мне была фуражка, значок.

— Но мало того! — воскликнул дядя Шарль, — Ты посетил виноградники, притворяясь, будто ты виноградарь. Ты свел с ума рыночных торговцев своими расспросами: «Почем вы покупаете морковь?» — передразнил Шарль, — «Почем продаете? Сколько платит за нее оптовик фермеру?» А рабочих ты спрашивал: «Сколько вы платите за квартиру? Какая у вас заработная плата? Сколько вы платите в профсоюз? Какие получаете пособия? Во сколько вам обходится еда и квартирная плата в неделю?» Тогда ты, кажется, выдавал себя за репортера из «Юманите».

— У меня было журналистское удостоверение, — запротестовал король.

— Пипин! — твердым голосом провозгласил дядя Шарль. — Что ты затеял? Я тебя предупреждаю! Народ волнуется.

Король принялся было шагать взад-вперед по комнате, но пронзительный скрип инкрустированного паркета остановил его. Он снял пенсне и нацепил его на указательный палец левой руки.

— Я пытался учиться. Так много надо всего сделать. Знаете ли вы, дядя Чарли, что двадцать процентов арендуемых зданий Парижа представляют собой опасность для здоровья людей и даже для жизни? Только на прошлой неделе семью на Монмартре чуть не задавил обвалившийся потолок. Знаете ли вы, что оптовик берет тридцать процентов от продажной цены моркови, а розничный торговец берет сорок? Известно ли вам, сколько после этого остается фермеру, который вырастил эту морковь?

— Остановись! — закричал дядя Шарль. — Сейчас же остановись! Ты играешь с огнем. Ты что же, хочешь, чтобы опять строились баррикады на улицах? Чтобы в Париже запылали пожары? Откуда ты взял, что надо сократить число комиссаров полиции?

— Девять из десяти ничего не делают, — возразил король.

— Ах, дитя мое! Бедное бестолковое дитя. Ты хочешь угодить в старую ловушку? Изучай историю Англии. Когда теперешний Виндзорский герцог был королем, он один раз спустился в угольную шахту, всего один раз, но это произвело такое потрясение, что привело не только к парламентским дебатам, но чуть ли не к падению правительства. Пипин, дорогой мой, я приказываю тебе все прекратить!

Король сел в небольшое кресло, и оно тут же стало тронном.

— Я не просил, чтобы меня делали королем, — сказал он. — Но теперь я король, и я вижу, что мою любимую богатую, плодородную Францию раздирают на части эгоистичные группки, обирают жадные предприниматели, обманывают партии. Я выяснил, что имеется шестьсот способов избежать налогов, если вы достаточно богаты, и шестьдесят пять способов поднять квартирную плату даже в тех районах, где арендная плата контролируется администрацией. Богатства Франции, которые должны бы как-то распределяться, буквально пожираются. Все грабят друг друга до тех пор, пока не наступает уровень, когда грабить уже нечего. Новых домов не строят, а старые разваливаются. На благодатной земле кормятся жирные личинки.

— Пипин, прекрати!

— Я — король, дядя Чарли. Пожалуйста, не забывай. Я теперь знаю, почему неразбериху в правительстве не только терпят, но поощряют. Я

узнал. Потому что вконец запутавшийся народ не способен предъявлять четкие требования. Знаете ли вы, как французский рабочий или крестьянин говорит о правительстве? «Они». «Они делают то-то». «Они, они, они». Нечто безымянное, неопределенное, существующее в другом измерении и поэтому неприступное. И вот гнев вырождается, превращаясь; воркотню. Возможно ли добиваться улучшений от того, кого не существует? А что сказать об интеллектуалах, об этих высушенных умах? Писатели прошлого выжгли слово «Франция» прямо на земном шаре. А что они делают сейчас? Сидят себе, скрючившись от страданий, и создают философию отчаяния. А художники, за немногим исключением, изображают апатию и раздираемую низкими страстями анархию.

Дядя Шарль, сидевший на кончике парчового стула, подперев голову руками, начал раскачиваться из стороны в сторону, точно плакальщик на похоронах.

Тод Джонсон стоял у камина, грея спину.

— Есть у вас капитал и организация, чтобы изменить все это? — спокойно спросил он.

— Ничего у него нет, — простонал дядя Шарль. — Ни одного человека, ни одного су.

— У меня есть корона, — сказал Пипин.

— Тебя гильотинируют. Не думай, что о гильотине уже забыли. Не успеешь ты начать, как уже потерпишь крах. Они тебя уничтожат.

— Вот и вы говорите так же, — заметил Пипин. — «Они, они», безымянные «они». А по-моему, если даже король знает заранее, что проиграет, он все равно должен пытаться что-то делать.

— Да нет же, дитя мое, нет. Сколько угодно королей сидели сложа руки и ничего...

— Не верю, — прервал король. — Убежден, что сначала они пытались что-то делать, что бы там о них ни говорили. Наверняка пытались, каждый пытался.

— А что, если попробовать войну? — предложил Шарль.

Король фыркнул.

— Я знаю, дядюшка, у вас на уме только мое благоденствие.

— Пойдем, Тод, — сказал Шарль Мартель. — Пошли отсюда к черту.

— Мне надо поговорить с Тодом, — остановил их Пипин. — Доброй ночи, милый дядя. Можете спуститься по угловой лестнице, тогда вы минуете аристократов. Потихоньку пройдете садом. Караульного гвардейца угостите сигаретой.

Когда дядя удалился, Пипин приподнял край одеяла и приник к стеклу.

Холодная темнота была полна звуков: квакали лягушки, в прудах булькали и плескались карпы. Король разглядел, как его несчастный дядя идет по тропинке, а в руку его вцепился пожилой аристократ, который горячо втолковывает ему что-то прямо в ухо.

Вздохнув, король опустил одеяло на место и повернулся лицом к Тоду.

— Какой пессимист, — сказал он. — Так и не женился. Всегда уверял, что к тому времени, как он узнавал женщину достаточно хорошо, чтобы жениться, ему уже этого не хотелось.

— Ловкач, — проговорил Тод. — Но, знаете, он ведь не захотел по-настоящему расширять свое дело. Мне пришлось дать слово, что хлопот у него не прибавится.

Король прижал одеяло к стеклу.

— Рамы сели, — сказал он. — Мари не одобряет одеяло, но я мерзну.

— А что, если поставить пластик? — предложил Тод. — Вместо замазки.

— Подремонтировать старую систему на современный лад? — заметил Пипин. — Отчасти поэтому я и попросил вас задержаться. Боюсь, я несколько смутно помню нашу последнюю встречу.

— Сэр, я...

— Ничего, это было очень приятно и помогло мне. Вы, кажется, прочли мне лекцию об американских корпорациях.

— Я не очень-то в них разбираюсь, но поскольку наша семья — корпорация, то, естественно...

— Понимаю. Значит, форма правления у вас — демократия, основывающаяся на принципе взаимозависимости и взаимоограничения законодательной, исполнительной и судебной власти?

— Так, сэр.

— Внутри этой системы заключены крупные корпорации, которые сами являются своего рода правительством. Правильно?

— Тут вы меня обскакали, сэр, но в общем все правильно. Вы неплохо это все обмозговали.

— Благодарю. Не скрою, я много думал. Прав ли я, считая, что корпорация обладает, так сказать, гибкостью, которой нет у вашего правительства? В том смысле, что внутри корпорации можно произвести изменение курса быстро и эффективно, просто по приказу председателя правления, не советуясь со всеми акционерами? Исходя из того, что изменение совершается ради их же блага и к их выгоде? Так ли это?

Тод посмотрел на монарха с задумчивым видом.

— Понимаю, к чему вы гнете, сэр.

— Какова была бы в таком случае процедура?

— Вы думаете, как председателю правления вам удалось бы зайти дальше, чем как королю?

— Я задаю вам, вероятно, главный для меня вопрос.

— Тогда дайте подумать, сэр. Если изменение готовится значительное, председатель обязан представить его на рассмотрение членов правления, и если они согласны, отдаст приказ. Но если мнения разойдутся, придется обращаться к держателям акций.

— Об этом не может быть и речи, — вздохнул король, — Среди моих подданных не найдется и двух с одинаковым мнением.

— Видите ли, сэр, — продолжал Тод, — каждый член правления представляет какую-то долю акционерного капитала. Если выходит склока, члены правления просят полномочий у акционеров, те голосуют, и тот, кто получает больше всего голосов, берет контроль в свои руки. Затем приходится обратиться за согласием в профсоюзы, если от них поступает жалоба.

— О, Господи! Даже если программа подходящая?

— Да, сэр. В особенности в этом случае.

Король вздохнул.

— Видимо, корпорация не очень отличается от правительства.

— Нет, немного отличается. Это зависит от того, в чьих руках капитал. Весь акционерный капитал нашей корпорации принадлежит нашей семье. А вспоминаете, мы с вами говорили о продаже титулов в Америке?

— Сквозь туман.

— На этом деле можно сколотить состояние! — с энтузиазмом воскликнул Тод. — Знаете, сэр, ведь это могло бы решить проблему полномочий. Что, если вы передадите это дело в мои руки? Я выручу не меньше сотни тысяч долларов за одно только несчастное рыцарское звание. Ручаюсь, что герцогский титул я продам за любую сумму, какую ни попрошу.

Король поднял руку.

— Погодите, — остановил его Тод, — послушайте еще. Я могу включить в патент пункт, по которому полномочия находятся у вас. Уверяю вас, это лучше, чем раздел акций. Я могу заручиться поддержкой Наймана и Маркуса. Это будет почище, чем мисс Рейнголд^[18] церемония вручения ежегодных кинопремий и водная феерия вместе взятые.

— А не это называется у вас «рассредоточить капитал»?

— Нет, нет. Это гораздо лучше. Больше похоже на новый выпуск акций, на новое финансирование. Может, Билли Роуз согласится быть

продюсером. Он как раз ищет что-нибудь такое, с размахом.

Король втянул голову в плечи, поежился, потом хмыкнул.

— Я, Пипин Четвертый, король Франции, как выясняется, могу разговаривать только с богатым молодым туристом и пожилой монахиней, бывшей хористкой.

— Правда ли то, что говорил дядя Шарль? Вы действительно ходили всюду переодетым, сэр?

— Я совершил ошибку, — ответил король, — Когда я навещал вас в гостинице, меня никто не узнал. Но разные кепи, усы и значки были ошибкой.

— Зачем вы это делали, сэр?

— Я решил, что неплохо бы побольше узнать о Франции. Заметили вы — в воздухе повеяло холодом?

— Да, пожалуй. Много разговоров.

— Знаю, — сказал король, — Своими ушами слышал.

— Одна вещь меня расстраивает, — пожаловался Тод, — Мой отец...

— Заболел?

— Можно и так сказать. Он подхватил герцогскую лихорадку. Кто бы подумал? Именно отец...

— Может быть, она сидит во всех нас, Тод?

— Нет, вы понимаете — именно отец...

— Почему же, понимаю... отчасти, — ответил король.

По мере того как осенние дни становились короче, все чаще и чаще у короля просили и даже требовали частных аудиенций. В таких случаях он сидел за столом в комнате, которую когда-то задумывали и отделявали для другого короля, а двое-трое представителей фракции или группы лиц вели с ним конфиденциальные беседы. И каждая депутация пребывала в уверенности, что король на их стороне. Они никогда не являлись поодиночке. У Пипина мелькнула мысль, что они не доверяют друг другу. Каждый из представителей имел в виду благо Франции, но, как выяснялось, конечное благо Франции покоилось, в первую очередь, на благе фракции или отдельных ее представителей.

Таким-то путем король узнавал, что уготовано Франции, какие зреют вокруг замыслы. Он сидел и молча слушал, как социалисты объясняют, почему коммунистов надо поставить вне закона, а центристы со всей очевидностью доказывают, что только если укреплять и защищать финансовый каркас Франции, на низшие слои населения снизойдет экономическое процветание.

Религиозники и антирелигиозники приводили каждый свои неопровержимые доводы.

А король молча слушал. И каждая беседа повергала его в угнетенное состояние духа.

Он часто укрывался в спасительных воспоминаниях о своей террасе на улице Марины. Он мысленно видел и ощущал темное безмолвное небо и медленно крутящиеся туманности.

Внешне он был спокоен и приветлив. Порой он кивал, и собеседники принимали это за согласие, тогда как это означало лишь то, что король постигает премудрости правления и королевской власти.

Он примирился с одиночеством, однако не мог удержаться от лихорадочных поисков решения, выхода. Но он нигде не находил их.

Едва сходили со сцены парламентарии, тут же появлялись посланники дружественных государств. Сидя в своем кабинете с крашеными стенами, Пипин вежливо выслушивал искусные, с государственным размахом замыслы других наций — как использовать Францию, каждая — в своих целях. И опять Пипин кивал, и душу его окутывала мрачная пелена подавленности.

15 ноября различные партии, которые должны были быть представлены в конституционном Конвенте, обратились к монарху с просьбой назначить дату созыва на 5 декабря. Король дал милостивое согласие, и распоряжение было обнародовано.

По вечерам Пипин взял привычку вести записи в линованных тетрадочках, в которые прежде он заносил небесные явления.

Мадам Мари тревожило состояние мужа.

— Он такой безучастный, такой отрешенный, — делилась она с сестрой Гиацинтой, — Но отрешенный по-другому, не так, как раньше. Вчера он меня спросил, нравится ли мне быть королевой. Представляешь? Нравится!

— И что ты ответила?

— Сказала правду. Что мне некогда над этим задумываться. Я просто делаю каждодневную работу.

— Ну, а нравилось тебе не быть королевой?

— Пожалуй, тогда было проще. — согласилась королева. — Но большой разницы нет. Чистоту и порядок поддерживать надо в любом доме одинаково, а муж есть муж — что король, что астроном. Но мсье очень грустный.

Настала пора, когда каждый день начинался с промозглого утра и только к полудню появлялось радующее душу солнце. С каштанов и

платанов осыпались листья, и метлы уличных метельщиков так и летали.

Король вернулся к первоначальной маскировке, иначе говоря, к себе прежнему. В вельветовой куртке и сандалетах он садился на мотороллер и разъезжал по округе. После второго падения он добавил к своему костюму защитный шлем.

Как-то раз он заехал в маленький городок Гамбе, знаменитый своим прекрасным, хотя отчасти разрушенным, замком де Невиль. Пипин расположился возле сильно заросшего крепостного рва, чтобы съесть взятый из дому завтрак. Он ел и наблюдал за стариком, который шарил в грязной воде граблями.

Наконец старик нащупал нечто твердое и массивное и стал вытаскивать это на берег. Это нечто оказалось замшелым бюстом Пана — с рожками и гирляндой на шее. И только когда старик попытался взгромоздить Пана на гранитный пьедестал на краю рва, король пришел к нему на помощь. Вдвоем они втащили тяжелый бюст на постамент, а потом отступили, любуясь им и обтирая о штаны зеленые склизкие пальцы.

— Мне нравится, чтоб он смотрел больше на восток, — проговорил старик.

Они чуть-чуть повернули бюст. Пипин достал носовой платок и оттирал покрытое слоем ила лицо Пана, пока не показались сардонически усмехавшиеся губы и хитрые распухшие глаза.

— Как он попал в ров? — поинтересовался король.

— Столкнул кто-то. Его часто сталкивают, бывает, раза два-три в году.

— Но зачем?

Старик поднял плечи и развел руками.

— Кто их знает. Некоторые любят сталкивать в ров. И нелегко ведь. Но просто есть такие, которые любят сталкивать. Видите, там, подальше, еще подставки? Там мраморная ваза стояла, и мальчик с раковиной, и Леда. Они тут, в воде.

— Интересно, зачем они их сбрасывают? От злости, как вы думаете?

— Кто знает? Сталкивают — и все. По ночам прокрадываются.

— И вы всякий раз их вытаскиваете?

— Этот год я подзадержался. Работы больно много, да и ревматизм.

— А почему вы не прикрепите статуи к пьедесталам?

— Ну как же вы не понимаете, — терпеливо объяснил старик, — они же тогда вместе с подставками будут спихивать. А у меня на это силенок, скорей всего, уже не хватит.

— Вы хозяин этих мест?

— Нет. Я тут живу поблизости.

— Тогда почему вы их вытаскиваете?

Старик смотрел на короля с озадаченным видом, подыскивая ответ.

— Ну, не знаю. Скорей всего, просто есть люди, которые все вытаскивают. Вытаскивают, и все тут. Скорей всего, и я такой.

Король разглядывал зеленого скользкого Пана.

Старик продолжал с беспомощным видом:

— Просто люди делают разное. Скорей всего, — добавил он, как будто эта мысль впервые пришла ему в голову, — вот так вот все и делается.

— Хорошее или плохое? — спросил король.

— Не понимаю я, — беспомощно сказал старик. — Ну, просто есть люди... и люди что-то делают.

Король часто заходил к сестре Гиацинте. Иногда спокойно рассказать о событиях дня, а иногда просто помолчать. И сестра Гиацинта, обладавшая более богатым, чем Мари, хотя и другим опытом, знала, когда надо поболтать, а когда разделить с ним целебное молчание.

Однажды она сказала:

— Интересно, что подумала бы настоятельница, если бы узнала, что, за исключением одной мелочи, я выполняю функции любовницы короля? Все-таки вам надо повидать вашу любовницу, сир. Она чувствует себя лишней. Ей пришлось выдержать борьбу со своей совестью, чтобы стать вашей любовницей, а борьба оказалась напрасной. Вы с ней ни одного слова не сказали, а уж о том, чтобы соблазнить, и речи нет.

— Позже, — ответил король, — Позже я, может быть, приглашу ее на чай. Как ее зовут? Напомните еще раз.

Вернувшись из Гамбе, король без всякого предупреждения явился к сестре Гиацинте и застал ее в разгаре массажа. Он видел лишь розовые подошвы и щиколотки, торчащие сквозь дырки в ширме.

— Он уже кончает, сир, — раздался ее голос из-за ширмы.

Массажист поклонился королю и продолжал трудиться над розовыми подушечками пальцев, издавая мяукающие звуки, что-то любовно и почтительно приговаривая и поощряюще похлопывая и пощипывая своды стоп.

— Улучшение наблюдается, — произнес он профессиональным тоном. И добавил, обращаясь к королю: — Вглядитесь, сир, месяц назад нельзя было подсунуть тончайший листок под плюсну. А сейчас, сир, даже неопытный глаз увидит вогнутость.

— Только не вздумайте вылечить их совсем, а то меня заставят пользоваться ими! — крикнула сестра Гиацинта.

— Для нее важнее всего ее ноги, — оскорбленным тоном проговорил массажист. — А мне приходится думать о моей профессии и репутации.

Когда он ушел, сложив и убрав ширму, она сказала:

— А знаете, ведь этот самодовольный паршивец и впрямь вылечил мне ноги, я с ужасом об этом думаю.

— Держите это в секрете, сестра, — посоветовал король.

— У вас покраснело лицо, сир. Вы загорали?

— Я ездил на мотороллере по округе, сестра.

Она засмеялась.

— Хотела бы я увидеть на мотороллере короля-Солнце. Времена меняются — вы на мотороллере, а ваши министры, вероятно, спорят, в чем лимузине больше лошадиных сил.

— Откуда вы знаете?

— Догадываюсь, сир. Например, я догадываюсь, что у вас затруднения, серьезные затруднения, и вы пришли, чтобы я помогла вам разрешить их.

— Вы очень умны, — заметил король.

— Однако недостаточно умна для того, чтобы покинуть кордебалет до того, как сплющились мои стопы.

— Но зато после того, как вы ушли, вы сделали огромный шаг к Богу.

— Вы очень любезны, мсье. Не исключено, что моя близость к Богу всего лишь побочный результат. Я сделала огромный шаг, потому что споткнулась. Готовы вы рассказать, в чем ваша проблема?

— Сперва мне надо сформулировать ее, сестра. В целом ее можно было бы выразить вопросом: «Что мне делать?»

— Проблема не такая уж новая, — задумчиво протянула она. — Обычно она сводится к тому, что человек поступает в соответствии с тем, что он такое. Так что прежде всего надо установить именно это, а дальше амплитуда действий не так уж велика.

— Насколько легче разбираться в других людях, — заметил Пипин.

— После того, как я оставила превосходную школу, где дружила с Мари, и поступила в Фоли, меня стала смущать проблема потери невинности. Вскоре я обнаружила, что проблема не в потере, а в правильном выборе времени. Мой выбор времени был сделан опрометчиво, и в результате пришлось терять невинность несколько раз, ну а дальше это уже не имело значения. Но ведь я-то была всего лишь одна из многочисленных обнаженных девиц на сцене, а не король.

— В данный момент я тоже чувствую себя обнаженным, — сказал король.

— Что естественно. Требуется время и некоторая притупленность чувств. Представьте себе, совсем немного лет спустя я уже чувствовала себя гораздо обнаженнее в одежде, чем без нее.

— Сестра, мне ждать некогда, — отрывисто произнес король.

— Да, знаю. Простите.

— Что я должен делать?

— Не знаю, что вы должны делать, сир, но, кажется, знаю, как вы поступите.

— Вы догадываетесь, в чем мои затруднения?

— Не видеть этого может только тот, кто не хочет видеть. Вы поступите так, как найдете нужным.

— Так и старик сказал. Но он-то всего-навсего вытаскивает статуи из грязи. Если же я совершу ошибку, пострадают другие — Мари, Клотильда, даже Франция. Что бы вы сказали, сестра, если бы доброе деяние привело к взрыву?

— Я бы сказала, что доброе деяние может быть неразумным, но оно не может принести только зло. Мне кажется, что предшествующая история человечества построена на добрых деяниях, которые приводили к взрыву. О да! Многих убило, или ранило, или разорило, но кое-что доброе все-таки осталось. Мне бы хотелось... — Она запнулась. — Почему бы и не сказать? Мне бы хотелось, чтобы на мне сейчас не было монашеского платья.

— Почему, сестра?

— Потому что тогда я могла бы дать вам одно из немногих утешений, какие один человек способен даровать другому.

— Благодарю вас, сестра.

— Благодарите Сюзанн, а не Гиацинту. Поверьте, когда-то Сюзанн не опасалась ни за свои ноги, ни за свою душу. У Сюзанн хватило бы отваги... и любви.

Рано утром Пипин сел на мотороллер и покатил в Гамбе. В кармане он вез бутылку вина.

Он оставил мотороллер у дороги и зашагал через заросший парк, вдыхая еле уловимый запах близящихся холодов. Время от времени он обрывал с кустов шиповника оранжевые плоды, схваченные первым заморозком. Порывы ветра сбрасывали ему на голову и плечи скрученные потемневшие листья с раскачивающихся ветвей.

Вдруг он услышал слабые крики, доносившиеся со стороны рва, и ускорил шаг. Выскочив из-за деревьев на опушку, он увидел, что трое здоровенных парней, хохоча, борются со стариком. С бюстом Пана на руках они двигались ко рву, а старик беспомощно тянул их за полы курток и

бранился.

Пипин перешел на бег и врезался прямо в группу дерущихся. Здоровяки разом бросились на разъяренного короля, и через минуту все четверо, сцепившись, катались по земле, нанося друг другу удары. Живой клубок подкатился к краю рва и плюхнулся в темную воду. Но драка продолжалась и там, пока парни наконец не окунули окровавленного короля с головой и не подержали его как следует под водой. Когда король перестал отбиваться, они в панике выкарабкались по скользкому склону на берег и исчезли в осеннем лесу.

Пипин постепенно пришел в себя. Старик приподнял ему голову над водой.

— Кажется, я в порядке, — выговорил король.

— По виду не скажешь! Чистые разбойники. Я их знаю. Я пойду к их родителям. В суд подам.

— Раз уж я все равно мокрый, давайте поищем на дне вазу, Леду и мальчика с раковиной.

— Вот еще. Вазу я вчера достал. Вы пойдете ко мне, обсушитесь и согреетесь. У меня есть полбутылки коньяку.

Пипин вылез на берег. Он был, как Пан, покрыт зеленой слизью, под глазом красовался синяк, с разбитых губ стекала струйка крови.

В лачуге, стоявшей под деревьями на краю леса, новый знакомец развел огонь, помог королю снять мокрую одежду, обтер его губкой, обмакивая ее в ведро с теплой водой, и обтер чистой ветошью.

— Вы будто с котами дрались, — сказал старик. — Ну-ка, выпейте глоток. А теперь закутайтесь в одеяло. Я повешу ваши вещи над печкой.

Пипин засунул руку в карман промокшей вельветовой куртки и вытащил бутылку вина.

— Я принес ее в подарок, — пояснил он.

Старик отодвинул бутылку на расстояние вытянутой руки и прищурился, вглядываясь в этикетку.

— Ого, вино... для крещения... для венчания. Вот уж не знаю, будет ли у меня когда еще повод откупорить его.

— Пустяки, — сказал Пипин. — Откупоривайте сейчас. Я помогу вам распить бутылку.

— Прямо сейчас? Еще и девяти нет.

— Открывайте, — приказал король и поправил на плечах одеяло.

Старик осторожно вытянул пробку.

— С чего это вам пришло в голову дарить его мне?

— Наверное, чтобы выпить за тех, кто старается вытаскивать.

— А-а, как я — статуи?

— Или как я. Пейте, пейте!

Старик попробовал и причмокнул губами.

— Вот это вино... — сказал он. Потом вытер губы рукавом, словно боясь, как бы не закрался посторонний вкус.

— Вчера ночью мне пришло в голову, что хорошо бы задать вам один вопрос. Что вы думаете о короле?

— Каком короле?

— Теперешнем, Пипине Четвертом, монархе Франции Божьей милостью.

— А-а, про этого. — Старик взглянул на него с подозрением. — А зачем это вам? Вино вином, а неприятностей мне не надо. С чего вам вдруг вздумалось думать про это ночью?

— Так, размышлял. Просто вопрос. Никаких неприятностей. Откуда им взяться?

— Мало ли откуда.

— Налейте стаканчик и скажите — что вы о нем думаете.

— Я тут живу у себя в Гамбе, политикой не интересуюсь. Что я могу знать о короле? Наверно, король как король. Есть короли, а есть не короли, только...

— Что?

— Так ведь королей-то больше не бывает. Короли? Да они вроде больших ящериц, больших, как дом. Они кончились. Исчезли. Как это? Вывелись.

Вымерли?

Вот, вот, вымерли. Им вроде как и места больше не было.

— Но во Франции ведь сейчас король.

— Ну, это как детская игра, вместо рождественского деда. Он вроде и есть, но когда состаришься, так больше в него не веришь. Он — так... сказка, вот он что.

— А как вы думаете, будут еще короли?

— Почему я знаю. И чего вы ко мне пристали? Подумаешь, будто вы его родственник. — Он кинул взгляд на висевшую над печкой одежду, — Но вы с королем не в родстве.

— А вы догадаетесь, если появится король настоящий, не сказочный?

— Скорей всего.

— Как вы это поймете?

— Ну, он ехал бы верхом прямо по посевам... Или, случись беспорядки, он бы перевешал тьму народу... Или, может, сказал бы: «Тут у

вас пропасть всякой дряни, я вам тут наведу порядок...» — Старик умолк. — Нет, пожалуй, все не похоже. Полно богачей, которые так поступают, но все ж таки они не короли. Пожалуй, есть только один способ узнать наверняка.

— Какой?

— А вот отрубят ему голову гильотиной, тогда будет ясно, что он был король. Наверно, так.

Пипин встал, шагнул к печке и снял с веревки одежду, от которой шел пар.

— Еще не высохло!

— Я знаю, но мне пора.

— Небось сообщите обо мне кому следует?

— Нет, — ответил король, — Вы ответили на мой вопрос. И клянусь, я сделаю все, что могу! Нельзя мириться с тем, чтобы тебя считали вымершим. Может быть, я сделаю все плохо, но сделаю.

— Про что вы там? Вроде не так уж вы много и выпили.

Пипин натянул на себя влажную одежду.

— Я пришлю вам еще вина, — пообещал он. — Я ваш должник.

— За что?

— За то, что вы мне сказали. Чтобы человеку отрубили голову, он должен это заслужить. Чтобы быть достойным гильотины... или креста, надо быть вором... или... Благодарю вас, Вытаскивающий из воды.

Король вышел из лачуги и быстро зашагал через лес к рощице у дороги, где его ждал припрятанный мотороллер.

В королевских покоях Мари протирала лимонным маслом полированный столик.

— Сколько раз я должна повторять, что стакан не ставят прямо на стол.

Король обнял ее и привлек к себе.

— Что вы делаете? Пипин, вы мокрый! Пипин, что у вас с лицом? А с глазом? Что произошло?

— Я споткнулся о парапет и свалился в пруд.

— Когда вы научитесь смотреть себе под ноги? Пипин, кто-нибудь войдет! Мсье! Они никогда не стучатся.

Все министры, делегаты, аристократы и академики сходились в одном — открытие Конвента должно происходить со всей торжественностью. Слишком многие, недавно получившие звания и награды, не имели еще случая продемонстрировать свои мантии и перья, шляпы, ордена, розетки и

галуны. Королю было предложено присутствовать на открытии при всем параде и произнести короткую изящную речь. На образец ему дали целый ворох речей, построенных на осторожных высказываниях британских королей.

Король Франции должен был объявить, что принимает любовь и поддержку своих подданных, упомянуть о собственной любви к подданным, а также к французскому королевству, отдать должное славному прошлому и выразить надежду на славное будущее. Затем он удалится и предоставит делегатам вырабатывать конституцию, вернее, кодекс Пипина.

На это Пипин дал согласие, но дальше разгорелась двухчасовая перепалка из-за костюма. Комитет был многочисленный, члены его упорно не соглашались сесть, хотя монарх и предлагал им. К тому же двое пожилых аристократов ни за что не снимали шляп, чем создавали большое неудобство. Право не снимать шляпу в присутствии короля даровал их предкам Франциск I.

— У меня было впечатление, господа, — ядовитым тоном сказал Пипин IV, — что предстоящее собрание имеет целью создать конституцию, то есть свод законов, касающихся обычных сторон жизни обычных людей. С какой стати мы должны превращать наше собрание в костюмированный прием, какие дают в Венеции южно-американские миллионеры? Почему бы нам всем не надеть обычную современную одежду?

Последовала схватка между социалистом и аристократом за то, чтобы получить слово, победил социалист, причем не кто иной, как Честный Жан Воваш, ныне граф Катрша. Судя по согласному киванию присутствующих, граф говорил за весь комитет.

— Ваше величество, — начал он, — ничего обычного в законах нет. Напротив, закон вещь мистическая и, по мнению большинства, родственен религии. И так же как служители церковного права находят облачение необходимым, так же думают и служители гражданского права. Заметьте, сир, наши судьи восседают в суде в мантиях и шапочках. Вспомните английских судей — они не только находят непременно для себя надевать мантию и парик в любую жару, но еще и держать букеты цветов, в свое время предназначенных заглушать людские запахи, но не отвергнутых и теперь, в менее пахучие времена. А в Америке, сир, в этой раздражающе демократической стране, где правительству запрещена всякая специальная парадная одежда и где глава государства обязан быть одет хуже всех, — даже там, мне передавали, обычные люди, чувствуя себя обкраденными, вступают в тайные организации, где носят короны, мантии, горностаи и, исполняя древние ритуалы, произносят обрядовые слова, что утоляет их

потребность в торжественности, хотя они и не понимают того, что говорят.

Нет, ваше величество, простой народ не хочет простоты, мало того, он не допустит ее.

Я прошу вас вспомнить, как Луи Филипп, так называемый король-буржуа, дерзнул ходить по улицам в обычной одежде, да еще носить зонтик. Возмущенный народ изгнал его из Франции.

И, наконец, сир, на открытии Конвента будет присутствовать весь цвет Франции, жены будут сидеть на галереях. Куплены новые мантии, диадемы. Немыслимо отказать им в праве надеть их. Все это может показаться мелочами, но на самом деле исполнено значения и важности. И если на такое собрание явится король в двубортном костюме, в вязаном шелковом галстуке и с портфелем, то возможная реакция присутствующих приводит меня в содрогание. Такого короля, я предчувствую, ошикают и прогонят с трона.

Весь комитет закивал как один человек, и когда Честный Жан кончил, членов комитета еле удержали от аплодисментов.

За ним на трибуну вышел почтенный академик, чье имя и чья мудрость являются притчей во языцех во всем мире.

— Я хочу поддержать мсье графа, — заявил великий Учитель, — и осмелюсь пойти немного дальше. Королю дозволено все, что ему угодно, кроме одного: его величество не может позволить себе быть смешным. Это — единственное, что неизбежно погубило бы его. В молодости, сир, мне посчастливилось обучаться под руководством одного в высшей степени ученого мужа, умудренного при этом богатым жизненным опытом. Однажды он сказал мне следующее: «Если бы величайший ум на свете был призван высказать свое мнение перед пятьюдесятью величайшими, после него, умами по вопросу такой великой важности, что от этого зависело бы само существование Земли, но при этом великий муж в своей глубокомысленной рассеянности забыл бы застегнуть ширинку, присутствующие не только не услышали бы ни слова из его речи — они не смогли бы удержаться от смеха».

Король водрузил пенсне на указательный палец.

— Господа, — сказал он. — Я не хочу создавать никаких помех. Нет у меня также желания запрещать вам и вашим женам надевать новые наряды, но на коронации во всех этих тряпках я чувствовал себя дураком и уверен, что и выглядел по-дурацки.

— Ну что вы, ваше величество! — раздался хор голосов.

— Во всяком случае, я чуть не задохнулся от жары.

Граф Катрша снова поднял руку.

— Достаточно будет, сир, если вы явитесь в мундире, скажем, маршала Франции.

— Но я не маршал.

— Король может назначить себя кем угодно.

— Но у меня нет маршальского мундира.

— Существуют музеи, сир. Музей Инвалидов безусловно снабдит вас маршальским мундиром.

Король немного помолчал и затем сказал:

— Если я соглашусь, господа, позвольте ли вы мне прибыть из Версаля на машине, а не в королевском экипаже. Вы не представляете, до чего в нем неудобно.

Пошептавшись, члены комитета дали согласие. Напоследок, однако, Честный Жан сказал:

— Нам, вашим верным слугам, сир, будет очень приятно, если во время обращения — только на это время — вы разрешите набросить вам на плечи пурпурную королевскую мантию.

— О, Господи! — Пипин вздохнул. — Хорошо, согласен, но только на время речи.

На том и порешили.

В середине дня 4 декабря, когда Версальский дворец являл собой сумасшедший дом аристократы метались по комнатам, примеряли платья, укорачивали их, удлиняли, чинили и прохаживались перед зеркалами, — король в своей вельветовой куртке и защитном шлеме прошел мимо караульной будки у ворот, подмигнул капитану стражи, с которым успел за это время подружиться, и протянул ему пачку «Лаки Страйкс».

Пипин знал, что капитан состоит на службе у социалистической партии, британского посольства и перуанского закупочного агентства и еще является совладельцем кондитерской в Шаронне, неподалеку от бульвара Вольтера. Капитан Памуш докладывал каждому из своих хозяев обо всех остальных, но ему искренне нравился король и искренне нравились «Лаки Страйкс».

— Сюда, мсье. — Он провел Пипина, не снимавшего шлема и очков, в караульное помещение, где под брезентом покоился мотороллер. — Не будете ли вы проезжать мимо Шаронна, мсье? — поинтересовался он.

— Могу и проехать, — ответил король.

— Не взяли бы вы завести записку моей жене в кондитерскую Памуша?

— Охотно, — отозвался король. — Конечно, Шаронн лежит немного

не по пути. — И, кладя сложенную записку в карман, он добавил: — Если обо мне будут спрашивать...

— Я ничего не видел, мсье, — отозвался капитан. — Даже для господина министра — ничего не видел.

Король ударил ногой по стартеру и уселся на мотороллер.

— Сразу видно, что у вас в сапоге маршальский жезл, мой капитан.

— Вы очень любезны, мсье, — ответил капитан Памуш.

Городок лежал совсем не по пути, но день был такой приятный, солнечный, поездка была сплошным удовольствием и отдохновением от усиливающегося версальского безумия. Король вручил записку мадам Памуш, а она угостила его чашечкой кофе с птифурами.

Обменявшись с ней любезностями, король влился в бешеный поток несущихся машин на площади Бастилии, на полном газу промчался по улице Риволи, проскочил Понт Нёф и свернул в улицу Сены.

Ставни дома Шарля Мартеля были закрыты, дверь тоже. Пипин забарабанил в дверь кулаком, но изнутри не последовало никакого ответа. Он отошел в сторонку и стал терпеливо ждать. Наконец дверь чуть-чуть приотворилась, и Пипин проворно вставил ногу в открывшуюся щель.

— Неужели человек даже не имеет права на уединение в интимных целях? — пожаловался дядя Шарль.

— Я вам не верю, — отозвался король.

— Ах так! Входи же. Что тебе надо?

Король проскользнул в полумрак галереи и увидел, что картины исчезли со стен и повсюду стоят большие деревянные ящики, уже уложенные, которые осталось только забить гвоздями.

— Собрались в путешествие, дядюшка?

— Да.

— Не пригласите ли вы меня присесть? За что вы на меня так сердитесь?

— Ладно, заходи. Стулья в чехлах. Придется сесть на ящик.

— Вы удираете?

— Я тебе не верю, — выпалил дядя Шарль. — Я же вижу — ты что-то замышляешь. Но ты проиграешь, дитя мое. И с какой стати мне тоже проигрывать из-за твоих глупостей?

— Я пришел за советом.

— Тогда слушай. Ступай и води себя, как полагается порядочному королю, перестань совать нос в дела, в управление. Вот тебе мой совет. Если ты согласен ему последовать — я распаковываю вещи.

— Вы как-то сказали, что я королевская ширма. То есть что-то вроде

пешки, но так ли? То, что используют, пока есть надобность, а потом теряют без сожаления?

— Пожалуй, что так. Но если пешка пытается играть роль фигуры, то это большая глупость.

Пипин уселся на упаковочный ящик.

— Не дадите ли мне коньяку?

— У меня его нет.

— А вон там что за бутылка?

— Сидр.

— Ну, хотя бы глоток сидра. Должно быть, вы сильно напуганы, дядюшка, раз утратили вашу учтивость.

— Да, я напуган. Я опасюсь за тебя.

— Король может делать ход вперед, назад, вбок, по диагонали, но пешка имеет право двигаться только вперед. Благодарю, дядя Шарль, не выпьете ли со мной? За мое здоровье? Или нечистая совесть вынуждает вас ненавидеть меня?

Мне и в самом деле стыдно, — признался дядя Шарль. — Но тем не менее, стыд не заставит меня свернуть с пути. Я на время еду в Америку, побуду там, пока... пока пронесется гроза. Не знаю уж точно, что ты такое задумал, но знаю, что кончится это катастрофой. Но ты прав в одном: невежливость не может быть ничем оправдана. Прости меня!

— Я понимаю ваши опасения, дядюшка, но я много размышлял. Король — это анахронизм, в действительности его нет.

— И что ты предлагаешь?

— Просто хочу внести кое-какие предложения, основанные на моих наблюдениях.

— Они пошлют тебя на гильотину. Им не нужны предложения.

— Вот это как раз одна из вещей, которым я научился: король должен быть достоин гильотины. А, кроме того, какое-то из моих предложений может и прижиться.

— Всегда терпеть не мог мучеников.

Пипин хлебнул сидра и передернулся.

— Я не мученик, дядя Чарли. Мученик обменивает то, что имеет, на то, что ему нужно. Мною движет не честолюбие.

— Что же в таком случае? Озорство?

— Возможно. А может быть, просто любопытство. И уж во всяком случае, не храбрость.

— Мне казалось, что я тебя знаю. А как же Мари? И Клотильда? Тебе их не жаль?

— За этим я к вам и пришел — просить позаботиться о них, если... если что случится.

— А что будет с тобой?

— Возможно, я несколько драматизирую ситуацию. Но мне кажется, время и должность требуют от меня этого. О себе я позабочусь.

— Ты намерен осуществить свой замысел завтра?

— Да. И буду рад, если завтра вы пригласите мадам и Клотильду к себе. Может быть, даже вывезете их на прогулку за город. Молодой Джонсон поможет вам. У него есть автомобиль. Скажем, проведете выходные на Луаре. В Сансерре есть прелестная гостиничка. Да вы ее как будто знаете.

— Знаю.

— Так выполните мою просьбу?

Дядя Шарль выругался грязными словами.

— Стало быть, выполните!

— Какова хитрость! Думаешь, ты имеешь право вертеть мною оттого, что мы родственники! Гнусный шантаж.

— Значит, договорились! Благодарю вас, дядюшка Чарли. Я не предвижу никаких неприятностей, а значит, неприятности будут, — Пипин встал с ящика.

— Ладно, выпей еще, — сказал дядя Шарль, — У меня тут, кажется, есть немножко коньяку.

— Я счастлив, — сказал король. — Я знал, что могу на вас положиться.

— Merde, ^[19] произнес в ответ дядя Шарль.

Не доехав полмили до Версаля, Пипин слез с мотороллера и завел его в лес. Он толкал его по толстому ковру из опавших листьев подальше от шоссе. Увидев торчащий из земли большой камень, он решил использовать его как прикрытие, разгреб сухие листья, уложил во впадину мотороллер и забросал его листьями. Сверху, чтобы листья не сдуло, он накидал веток, обломанных ветром. Потом вышел из лесу и отправился дальше пешком.

У ворот он сказал капитану:

— Я отвез ваше письмо. Мадам просила передать, что сделает как вы просите. А вас она просила позвонить в «Арс и сын» и сообщить через них, когда вы приедете. Должен сказать, ее пирожные восхитительны.

— Спасибо, мсье. Где ваш мотороллер?

Король пожал плечами.

— Пришлось отдать его в починку. Какой-то любезный турист подвез

меня почти до места. До ворот я, естественно, не позволил...

— Понимаю, мсье. Никто вас не хватился.

— Наверное, все слишком заняты собой, — отозвался король.

За обедом королева сказала:

— Ваш дядя Чарли пригласил нас с Клотильдой прокатиться с ним в Сансерр. На мой взгляд, сейчас совсем не время.

— Напротив, дорогая. Сам я буду занят в Конvente. А вам отдых необходим. Вы столько трудились все это время.

— Но у меня миллион дел.

— Строго между нами, дорогая, я думаю, полезно будет увезти на несколько дней Клотильду из Парижа. Чисто из дипломатических соображений — она дает слишком много интервью газетам. В Сансерр, говорите? Помнится, городок прелестный и вино там великолепное, если удастся его купить.

— Я подумаю, — сказала королева. — У меня от забот голова распухла. Не знаю, Пипин, может быть, мне стоит сказать об этом сейчас: агентство решительно отказывается расторгнуть договор на аренду дома номер один по Мариньи. Они настаивают на том, что аренда есть аренда, независимо от формы правления.

— Может быть, позже мы квартиру пересдадим.

— Еще одной заботой будет больше, — возразила королева. — Сами знаете, каковы жильцы. А у меня там вся мебель моей матушки.

— Вам необходимо отдохнуть, дорогая. На вас лежит слишком много обязанностей.

— Не знаю, что с собой взять.

— Что-то простое для поездки в автомобиле и теплое пальто. На реке в это время года может быть промозгло. Как бы я хотел поехать с вами.

Королева посмотрела на него с задумчивым видом.

— Не хочется мне оставлять вас одного как раз сейчас.

Он взял ее руку, перевернул и поцеловал в ладонь.

— Самое подходящее время, — успокоил он ее. — Я буду так занят в Конvente, что вы меня все равно не увидите.

— Может быть, вы и правы, — согласилась она. — Столько вокруг болтовни, политики — в голове гудит. Я устала от аристократов, дорогой. Устала от политики. Иногда мне хочется опять очутиться в нашей квартирке над конюшнями. Такой приятный квартал. Но консьерж невыносим.

— Да, знаю, — поддакнул король, — но чего хотеть от эльзасца?

— Вот именно. Эльзас, я считаю, провинция. Их там интересует

исключительно их собственная убогая жизнь. Одно слово — провинциалы. Как вы думаете — взять мне меховое пальто?

— Я настоятельно советую взять, — ответил король.

Все видели фотографии исторического открытия Конвента, призванного обсудить кодекс Пипина. Каждая газета и журнал во всем мире сочла нужным напечатать хотя бы один снимок: полукруг рядов, заполненных делегатами в мантиях, ораторская трибуна и высокое, похожее на трон кресло премьер-министра, чьей обязанностью было руководить процедурой.

На фотографиях видны оживленные лица делегатов и все виды парадной одежды; галереи, переполненные до отказа дамами, тоже в парадных туалетах и диадемах; стража у дверей в камзолах с разрезными рукавами, с алебардами в руках. Не видны на фотографиях стоящие на полу у ног делегатов кипы бумаг, горы книг, содержащих прецеденты, гроссбухи, портфели, даже небольшие бюро с документами, обеспечивающие им средства самовосхваления, с помощью которых каждая партия собиралась спасти Францию.

Собрание было назначено на 3 часа дня 5 декабря. После тронной речи намечался перерыв до следующего дня. Дальше надобность в короле отпадала и его уже не приглашали. От него только под конец требовалось поставить свою королевскую подпись под кодексом, и предпочтительно не читая его.

Вспомним, что именно герцог де Труафронт подал идею о восстановлении монархии. Поэтому сочтено было уместным, чтобы он, несмотря на его раздвоенное нёбо, представил короля.

В три пятнадцать премьер-министр поднял королевский молоток, а попросту деревянную копию того молотка, от которого получил имя Карл Мартелл^[20].

Молоток трижды торжественно опустился. У входа, справа от трибуны стражи с алебардами развернулись лицом к дверям, распахнули обе половинки и взяли алебарды на караул.

Появился герцог де Труафронт. Он весь, как ящер, блестел в чешуе орденов и знаков отличия; его тупей, входивший как неотъемлемая часть в диадему, придавал ему настороженный вид и делал похожим на мартовского зайца. Он приблизился к трибуне и затравленно огляделся. Академик Пуатен из Королевской Академии музыки трижды постучал дирижерской палочкой, и шестеро горнистов в костюмах герольдов задрали кверху шестифутовые фанфары, с каждой из которых свисал королевский

герб. Мсье Пуатен взмахнул палочкой, и раздался рев фанфар, сотрясая стены зала.

Герцог де Труафронт набрал в легкие воздуху.

— Гентльмены, пеггставляю вам гоголя Фганции!

На галерее раздались аплодисменты — захлопала герцогиня.

Снова грянули фанфары.

Снова стражники распахнули половинки дверей — и вошел Пипин.

Даже с самой большой натяжкой нельзя было назвать военной его фигуру или осанку Маршальский мундир был ошибкой.

Кроме того, взятый напрокат в театральной костюмерной мундир, как выяснилось в последнюю минуту, оказался ему очень велик. Мундир закололи на спине рядом английских булавок. Но с шириной на брюках ничего нельзя было поделывать: штаны подтянули до самой груди, но все равно ширина болталась чуть не над коленями. Пурпурная бархатная мантия, отороченная горностаем, свисала с плеч короля, сзади шли два пажа, на которых пал выбор управлять ею. Они старались как могли и, когда король достиг трибуны, обернули его спереди волочащимися концами шлейфа, чтобы прикрыть штаны, так что он вздымался из складок, как стебель лилии.

Король положил рукопись обращения перед собой на трибуну. Руки его привычно поднялись, коснулись груди и в панике заметались между звездами и орденами, нашаривая пенсне. Пенсне отсутствовало. Он помнил, что отложил пенсне с тесьмой в сторону, когда ему застегивали на спине булавками мундир. Он сказал что-то одному из пажей, тот опрометью ринулся к дверям и при этом вышиб алебарду из руки стража.

Тем временем мэтр Пуатен, который, как-никак, проработал в театре пятьдесят лет, подал знак трубить традиционный охотничий сигнал, который означает появление лисы и придает особую выразительность фанфарам.

Пока длилась блестящая импровизация, мальчик успел вернуться и вручить королю пенсне. Пипин склонился над рукописью, написанной четким и мелким почерком математика.

Он в буквальном смысле читал свою речь, не повышая и не понижая голоса. Он излагал свои пункты, ничего не подчеркивая, не прибегая к риторике.

Никто бы не мог придраться к вступлению.

— Мои пэры, мой народ.

Мы, Пипин, король Франции, по праву крови и врученных нам народом полномочий, считаем, что землю нашу необычайно и

благоприятно Бог наделил плодородной почвой и мягким климатом, а народ наградил умом и талантом превыше многих других народов...

На этом месте его прервали аплодисменты, отчего он поднял голову, снял пенсне — и потерял строчку.

Когда шум затих, он снова надел пенсне и пригнулся, вглядываясь в бисерный почерк.

— Где же это... Так, так... вот: ...талантом превыше многих других народов. Когда мы приняли корону, мы тщательно изучили историю страны, ее богатства, ее неудачи, ее возможности. Мы не только изучали имеющуюся статистику, но общались с народом, и не в нашем королевском обличье, а как такой же человек, как они. — Тут он поднял голову и разговорным тоном заметил: — Если кому-то это покажется чересчур романтическим, то скажите, как еще я мог все разузнать.

Он вернулся к рукописи. Великое собрание охватило неясное беспокойство.

— Мы поняли, — продолжал Пипин опять тоном ученого педанта, — что власть, продукты, блага, прибыли и благоприятные возможности должны получить более широкое распространение, чем это имело место до сих пор.

Правые и левые центристы в ужасе уставились друг на друга.

— Мы полагаем, что необходимо внести некоторые изменения, новые программы и меры регулирования, с тем чтобы наш народ мог жить в довольстве и покое и чтобы озарявший некогда весь мир дух Франции мог разгореться с новой силой.

Пока он переворачивал страницу, слышались отдельные слабые хлопки. Делегаты нервно задвигали ногами между своими книгами и портфелями.

Пипин продолжал:

— Народ Франции призвал короля. Править — не только сущность короля, но и его долг. Там, где президент предлагает, король повелевает, иначе должность его бессмысленна и монархии на самом деле не существует.

А посему, мы приказываем и постановляем, чтобы кодекс, вырабатываемый вами, содержал следующие пункты...

Тут-то и взорвалась бомба.

В первом параграфе речь шла о налогах — снизить их поелику возможно и взимать со всех, без исключения.

Во втором — о заработной плате: привести в соответствие с прибылью и снижать в зависимости от прожиточного минимума.

Цены — строго контролировать во избежание манипулирования.

Жилищный вопрос — улучшить существующие жилищные условия и предпринять новое строительство с соблюдением контроля за качеством и арендной платой.

Пятый параграф призывал реорганизовать правительство таким образом, чтобы оно выполняло свои функции с наименьшей затратой денежных ресурсов и минимальными штатами.

В пункте шестом рассматривалось медицинское страхование и пенсии по выходе в отставку.

В седьмом предписывалось дробление больших земельных наделов с целью сделать пустующие земли плодородными.

— К трем великим словам я хочу добавить четвертое, — заключил король. — Отныне девиз французов будет «Свобода, Равенство, Братство и... Предприимчивость».

Король, не поднимая головы, ждал аплодисментов, но, не дождавшись, обвел взглядом потрясенное собрание. Делегаты оцепенели от ужаса. Остекленевшими глазами они уставились на короля. Они, кажется, перестали дышать.

У Пипина IV было намечено на этом месте поклониться и с достоинством, под рукоплескания, удалиться, а вместо этого последовала гнетущая тишина. Он бы еще понял, если бы поднялась буря возмущения. Он приготовился даже к угрозам, но тишина сковала его и привела в замешательство. Он снял пенсне с носа и нацепил на палец.

— Я отвечаю за каждое сказанное слово, — начал он неловко. — Я действительно повидал Францию. Францию, которая пережила три вторжения, две оккупации за три поколения и вышла из всего этого цельной, сильной и свободной. Но то, чего не могли сделать враги, делаем мы сами — как жадные агрессивные дети, которые кидаются пирогом на дне рождения.

Он вдруг рассердился — рассердился самым настоящим образом, но не потерял хладнокровия.

— Я не просил, чтобы меня делали королем, — сказал он хрипло. — Я умолял не делать этого. Да вам и не был нужен король, вам нужна была ширма. — Он вдруг перешел на крик: — Вы сами выбрали короля, так получайте же короля — или колоссальный мыльный пузырь!

Делегаты принялись откашливаться и, сняв очки, протирать их.

— Я не хуже вас знаю, что время королей прошло, — уже спокойно продолжал он. — Королевская власть вымерла, ее место заняли советы директоров. Я пытаюсь помочь вам перейти в другое качество, потому что

сами вы ни то ни се. А теперь предоставляю вас вашим раздумьям. Распоряжения вы получили, подчинитесь вы им или нет — в любом случае постарайтесь быть достойными нашей прекрасной нации.

Слегка поклонившись, король повернулся к двери, однако паж, разинувший рот от изумления, как раз стоял в этот момент на краю пурпурного с горностаем плаща. Плащ сорвался с королевских плеч и свалился на пол, обнажив ряд английских булавок вдоль спины и мешком висящие штаны.

Напряжение у детей и взрослых находит обычно два пути разрядки — смех или слезы, и оба равно доступны всем. Булавки сделали свое дело.

Тихие смешки в первых рядах перешли в хихиканье погромче, а оно переросло в истерический хохот. Делегаты молотили кулаками по спинам впереди сидящих, хрюкали, рычали и вытирали глаза. Таким-то образом они отвели в другое русло то потрясение, какое испытали от речи короля, — потрясение, страх и чувство вины.

Пипин слышал смех сквозь закрытые двери. Он снял мешковатые штаны и повесил их на спинку стула. Затем надел темно-синий костюм в узкую полоску и повязал черный шелковый галстук.

Спокойно он вышел через заднюю дверь, обошел здание и постоял в толпе, собравшейся у величественного мраморного входа. Люди спрашивали друг друга: «Что там за шум? Что происходит?»

Король потихоньку выбрался из возбужденной толпы и какое-то время брел по улицам, заглядывая в окна. В музыкальном магазинчике он купил дешевую губную гармонику и, зажав в руке, то и дело дул в нее. Так он дошел до набережной Сены и постоял, наблюдая вечных рыбаков с их лесками и наживкой из хлебного мякиша.

Затем, поскольку дни уже заметно укоротились, он купил билет на автобус до Версаля и поехал домой. Там он долго ходил по опустевшим королевским покоем. В одной из комнат он выключил свет и подтащил стул к окну, выходящему в парк. Вынул из кармана губную гармонику и робко выдул звук. Он трудился над гаммой час. Через два часа ему удалось медленно и затрудненно сыграть «Около моей блондинки как хорошо, хорошо, хорошо» [\[21\]](#).

Сидя в темноте, Пипин улыбался. Во дворце стояла тишина. Он сыграл «Брат Жак», медленно, но без ошибок, от начала до конца. Карпы громко булькали в пруду.

Между тем телеграф, радио и трансокеанский телефон изнемогали под бременем переговоров и телеграмм.

Мужчины в темных костюмах спешили в свои посольства. Тайные, скрытые пружины пришли в движение. Госдепартамент в Вашингтоне заморозил французские активы в Соединенных Штатах.

Люксембург объявил мобилизацию. Монако закрыло границы, а солдаты выкинули цветки, воткнутые в стволы винтовок.

Советская подводная лодка была замечена в заливе Сан-Франциско.

Эскадрилья советских истребителей преследовала американскую подводную лодку в Финском заливе.

Швеция и Швейцария объявили о своем нейтралитете, но при этом приняли оборонительные меры.

Англия ворчала и брюзжала, скрывая радость и, как водится, предложила французской королевской семье убежище в Лондоне.

Во всем Париже были закрыты ставни. Студенты Сорбонны толпой взобрались на Эйфелеву башню, сорвали королевский флаг и подняли трехцветный, который затрепетал среди ветровых приборов.

В Сюз-су-Кюр жители под предводительством префекта полиции сожгли ратушу, в ответ на что те же жители под предводительством мэра сожгли полицейский участок.

В Фалезе, в Нормандии, всех чужаков согнали вместе и приставили к ним часовых.

В Лепюи на вершинах скал горели костры.

Марсель учтиво бесчинствовал и с разборчивостью грабил.

Папа Римский предложил арбитраж.

В Париже жандармы помогали бунтовщикам строить баррикады, используя полицейские загородки.

Склады на Сене взломали, и по булыжным мостовым с грохотом покатались винные бочки.

Члены парламента ревели в энтузиазме, полные мятежного духа. Правые центристы расклеивали плакаты, на которых еще не просохла надпись чернилами «На Бастилию!».

Американский посол осудил революцию.

Кремль, Китай, государства-сателлиты и Египет прислали поздравительные телеграммы героическому народу Французской республики.

А в темной тихой комнате Версальского дворца Пипин пытался сыграть «Мемфис блюз», но обнаружил, что на гармонике отсутствуют диезы и бемоли. Он перешел на «Мой дом в горах», где их не требуется, и так погрузился в свое занятие, что не расслышал тихого стука.

Сестра Гиацинта приоткрыла дверь, заглянула внутрь и увидела силуэт

короля на фоне окна. Услышав ее тихий смех, он перестал играть и оглянулся. На фоне стены она выглядела как большая черная птица.

— Неплохо иметь вторую профессию, — сказала она.

Король, испытывавший неловкость, стоял, выбивая об ладонь слюну из гармоник.

— Я не слышал, как вы вошли, сестра.

— Да, вы были очень заняты, сир.

— Неожиданно для себя совершаешь какие-то глупые поступки, — немного чопорно сказал он.

— Не такие уж глупые, сир. Рассудок ищет для себя любопытные способы бегства от реальности. Я не знала, что вы здесь. Почти все разъехались.

— Куда, сестра?

— Одни сбежали, думая спастись, а большинство просто поехало в Париж поглядеть на фейерверки. Их влекут любые события, как насекомых влечет свет. Я тоже уезжаю, сир. Настоятельница приказала мне возвращаться в монастырь. Боюсь, сир, что вашему недолгому правлению пришел конец. Ходит слух, что вся Франция восстала.

— Пока мне еще не хочется об этом размышлять. Видимо, я потерпел неудачу.

— Не уверена, — возразила монахиня. — Я прочла ваше обращение к Конвенту. Смелая речь. Да, наверное, вы лично потерпели неудачу, но ваши слова, идеи, возможно, и не пропадут даром. Помнится, был еще один такой, он тоже потерпел неудачу, но мы живем по его идеям. — Она положила на стол рядом с Пипином узелок. — Это вам, сир, освященный веками маскарадный костюм.

— Что это?

— Мое монашеское платье, традиционное средство побега. Не вижу повода для цикуты или креста.

— Что, дело настолько скверно? Они до такой степени разъярены?

— Не знаю, — ответила сестра Гиацинта, — Но вы упрекнули их в оплошности. Не так-то легко им будет простить вас. Ваши слова будут, как шипы, сидеть в памяти у каждого нового правительства. Вы им не дадите покоя. Возможно, они это предчувствуют.

— Я хочу разыскать Мари, — сказал он, — Я думал, она сюда вернется.

— Возможно, и вернется, а может быть, ей сюда не попасть. В Париже, говорят, беспорядки. Когда бунтовщики нагуляются там всласть, они могут двинуться сюда. Если вы вообще собираетесь уходить отсюда, советуую

уйти сегодня до ночи.

— Без Мари? Без Клотильды?

— Я не думаю, что они подвергаются такой опасности, как вы, сир. Если вы согласны надеть этот наряд, пойдёте со мной. Мой монастырь приютит вас до тех пор, пока не наступит удобный момент безопасно пересечь границу.

— Я не хочу пересекать границу, сестра. Право, я не думаю, что я настолько важная фигура, чтобы им понадобилось меня убивать.

— Ваше величество, ведь они могут опасаться друг друга. Каждая группировка будет подозревать, что другие уже вступили с вами в сговор.

— Я не верю этому, — запротестовал король, — Монархия была мифом, она не существовала. Король? Король что-то вроде национальной шутки. Не думаю, чтобы они облагородили королевский сан убийством.

— Н-не знаю, — неуверенно протянула она. — Право, не знаю.

— Если я совершу побег или хотя бы попытку побега, я покажу, что я действительно важная персона и меня следует убить. Я часто размышлял, что случилось бы, если бы Людовик XVI не попытался бежать — а просто один, без охраны, отправился в зал для игры в мяч.

— Вы храбрый человек, сир.

— Нет, сестра, совсем нет. Может быть, глупый, но не храбрый. Я не хочу быть жертвой. Мне нужен мой дом, моя жена и мой телескоп — и больше ничего. Не вынуди они меня стать королем, мне не пришлось бы вести себя как король. Одна психологическая случайность повлекла за собой другие.

— Хотелось бы мне быть уверенной в вашей безопасности. К сожалению, я должна идти, мсье. А вы знаете, ведь этот человечек вылечил-таки мне ноги. Не знаю, прощу ли я его. Так вы не пойдёте со мной?

— Нет, сестра.

— Дайте руку!

Сестра Гиацинта склонилась над его рукой и поцеловала ее.

— Прощайте, ваше величество.

Когда он поднял голову, она уже ушла, ступая так тихо, что ни один кусок паркета не скрипнул.

Пипин приложил теплую еще гармонику к губам и очень медленно проиграл «до-ре-ми-фа- соль-ля». «Си» у него не получилось, он начал сначала, доиграл до конца и закончил на «до».

Потом он спустился по винтовой лестнице в парк. Под ногами у него громко хрустел гравий. Дойдя до главных ворот, он остановился,

вглядываясь и не видя в темноте — есть ли караульный. Наконец, вспыхнула спичка, и он увидел одинокого часового, сидящего на земле спиной к будке; винтовка стояла рядом. Король подошел поближе.

— Вы что же, один?

— Все подались в Париж, — пожаловался часовой. — Несправедливо. Почему именно меня тут оставили дежурить? Выбрали, приказали — и неси караул. По моему послужному списку видно, что я хороший солдат.

— Хотите «Лаки Страйке»?

— А у вас есть сигарета?

— Можете взять пачку.

Часовой поднялся и с подозрением взгляделся в Пипина.

— Кто вы такой?

— Король.

— Простите, сир. Я вас не узнал. Прошу прощения.

— Что творится в Париже?

— В том-то и дело, сир, что не знаю. Говорят, идет большое веселье. Всякие бесчинства... Может, даже грабят, а я тут все пропускаю.

— Это несправедливо, — посочувствовал ему Пипин. — А почему бы вам не отправиться туда?

— Ну, как же я могу? Меня предадут военно-полевому суду. У меня семья. Мне о ней надо думать. Капитан приказал...

— Как вы считаете, я главнее капитана?

— Само собой, сир.

— Тогда я освобождаю вас от несения караула.

— Одного слова мало. Как я докажу?

— Есть у вас фонарик?

— Конечно, сир.

— Одолжите его мне. — Пипин вошел в караульную будку и встал у полочки, на которой лежала пачка бумаги и карандаш.

— Как вас зовут? — спросил он.

— Вотен. Сержант Вотен, сир.

И Пипин написал: «Настоящим сержант Вотен освобождается от несения караула и получает разрешение уволиться в отпуск сроком на две недели, начиная с...».

— Который час?

— Двенадцать двадцать ночи, сир.

«...с 12.20 ночи», — закончил Пипин. Он поставил дату и подписался: «Пипин IV, король Франции, главнокомандующий всеми вооруженными силами». Потом протянул приказ и фонарик сержанту.

Тот посветил на бумагу и внимательно прочитал ее.

— Трудно придрататься, сир. Но кто будет нести караул?

— Я пригляжу за воротами.

— А вам разве не хочется поглядеть на бесчинства, сир?

— Не особенно, — ответил Пипин.

Он проводил взглядом счастливого караульного, укатившего на велосипеде в сторону Парижа, а затем сел на землю и прислонился к будке.

Ночь была холодная, ярко светили звезды и стояла абсолютная тишина. Ни одного автомобиля на шоссе. Вдали над Парижем стояло зарево от городских огней. Сзади темнела громада дворца. Пипину подумалось, что, по крайней мере, полсотни лет здесь не бывало такой тихой ночи.

Вдруг он услышал отдаленный гул мотора, потом увидел фары быстро приближающейся машины. Взвизгнув тормозами, она остановилась у ворот. Это был бьюик с откидным верхом. Огни ослепили Пипина, сидящего на земле.

Из машины, не выключая мотора, выскочил Тод Джонсон.

— Побыстрее, сэр. Садитесь.

— Скорей, отец! — раздался из машины голос Клотильды.

— Вы наденете на себя что-нибудь из моей одежды, когда поедem, — сказал Тод. — К рассвету доберемcя до Канала.

Пипин медленно поднялся.

— Что вы собираетесь предпринять?

— Хотим перебраться на ту сторону.

— Значит, дела настолько плохи?

— Вы ничего не знаете, сэр. В Париже сумасшедший дом. Вас низвергли. Все орут, требуют республику. Если бы не мой американский номер на машине, нам бы не пробиться.

— Где мадам?

— Не знаю, сэр. Должна была ехать с дядей Чарли, но куда-то девалась.

— А где дядя Чарли?

— Двинулся на юг. Хочет перебраться в Португалию. Давайте, сэр! Поехали!

— Вам же не грозит опасность, — сказал Пипин. — В чем дело?

— Вы не послушались меня, — упрекнул Тод. — У вас не было денег, не было полномочий. Даже держателей акций и тех не было.

Пипин подошел к машине.

— Как ты, Клотильда?

— Нормально.

— Куда ты поедешь?

— В Голливуд, — ответила она. — Не забудь, я все-таки актриса.

— Я и забыл, — сказал он. — Вы позаботитесь о ней? — спросил он Тода.

— Ясное дело. Давайте, сэр, залезайте! Не беспокойтесь ни о чем. Может, вы научитесь куриному бизнесу, и вам понравится. Можете писать статьи. Все пишут статьи. Надо ехать, сэр, пора. У меня тут бутылка коньяку, глотните.

Пипин отпил прямо из бутылки. И неожиданно засмеялся.

— Не волнуйтесь, — подбодрил его Тод. — Мы вас провезем.

— Я не волнуюсь, — сказал Пипин Эристаль. — Просто я подумал про Юлия Цезаря. Ему это однажды удалось. С пятью легионами он окружил Верцингеторикса в Алезии и усмирил Галлию.

— А может, Галлии вовсе не нужно, чтобы ее усмиряли, — заметил Тод.

Король помолчал, потом сказал:

— Похоже на правду. Так что, наверное, даже Цезарю это не удалось. Усмирить Галлию, быть может, под силу только самим галлам.

— Поторопись же, отец, — позвала притихшая Клотильда, — Ты не представляешь, что там творится.

— Берегите ее — насколько один человек может уберечь другого.

— Поехали, сэр.

— Нет, — сказал Пипин. — Я не еду. Думаю, очень скоро они про меня забудут.

— Вас убьют, сэр.

— Не думаю. Я действительно этого не думаю. И потом, я не могу бросить Мари. Куда же она могла деться? Вы уверены, что она не уехала с дядей Чарли?

— Не уехала, сэр. В последний раз мы ее видели в Сансерре. Она шла за покупками с корзиной на руке. Значит, вы не садитесь?

— Возможно, это мой последний королевский поступок, — проговорил Пипин. — Слушайте мой приказ. Вы едете в Кале. А оттуда как угодно, но переправляетесь на тот берег, в Англию. Таков приказ, Тод. Выполняйте его.

— Но, сэр...

— Вы получили приказ, — повторил король, — Окажите мне последнюю дань уважения — повинуйтесь ему.

Он постоял, посмотрел вслед бьюику и зашагал к дворцу, чтобы

отыскать вельветовую куртку и защитный шлем.

Той же ночью делегаты назначили себя Национальной ассамблеей. Они объявили Республику. Над государственными зданиями взвился трехцветный флаг.

Жандармерия наконец приняла меры, чтобы прекратить грабежи. Банки временно закрылись.

Господин Сонет под рукоплескания попросил господина Маго сформировать коалиционное правительство. Короля свергли и объявили вне закона.

Господин Маго сумел сформировать правительство за несколько часов. Коалиционное правительство просуществовало до 3 февраля следующего года.

Бензин в мотороллере кончился в Булонском лесу, и, прислонив его к дереву, Пипин продолжал путь пешком. Светало, когда он наконец свернул с Елисейских полей на улицу Мариньи.

Откуда-то из сумерек возник жандарм и остановил его.

— Есть у вас удостоверение личности, мсье?

Пипин достал портмоне и протянул ему пропуск. Жандарм стал внимательно его изучать.

— Пипин Эристаль. Как же, мсье, помню. Вы живете в доме номер один.

— Совершенно верно, — подтвердил Пипин.

— Столько развелось грабителей, — продолжал жандарм. — Я и не узнал вас в шлеме. Вы уезжали в поездку, мсье?

— Да, — ответил Пипин, — я долго отсутствовал.

Жандарм отдал честь.

— Сейчас как будто все успокаивается, — добавил он.

— Не хотите ли сигарету?

— Спасибо. О! «Лаки Страйкс».

— Возьмите всю пачку, — сказал Пипин и подмигнул. — Я был за границей.

Жандарм улыбнулся.

— Понимаю, мсье. — И он засунул сигареты под плащ в карман.

Пипину бесконечно долго пришлось нажимать на звонок, прежде чем, шаркая шлепанцами, появился заспанный консьерж в прескверном настроении и отпер чугунные ворота.

— Нашли времечко возвращаться, — пробурчал он.

Пипин вложил ему в руку банкноту.

— От Страсбурга путь не близкий.
— Вы из Страсбурга едете?
— Прямым из Нанси.
— Сам-то я из Люневиля. Как там сейчас?
— Урожай громадный. Гуси большие, жирные. А вино, говорят...
— Слыхал, слыхал. А как там прошли выборы в Люневиле? Вот что важно. Понимаете, мэ́р там был вот такой... — Он сжал кулак и потряс им. — Перемена назрела — все чувствуют. То есть все, кроме... — Он опять сжал пальцы в кулак.

— Придется вас побеспокоить — просить отпереть нашу дверь, я потерял ключи...

— Так ведь мадам дома. Позвоните, и все. Ну и уборку она закатила! То ей вытаци, другое. Ох и фурия! Так вот, партия, которая держала в Люневиле всех в руках...

— Доброй ночи, мсье, — прервал его Пипин. — Я выслушаю вас в другой раз. Поездка из Нанси была долгая.

Он пересек двор, направляясь ко входу в конюшни. Снял шлем, пригладил пальцами волосы и тогда только нажал на светлую, слоновой кости, кнопку звонка.

Перевела с английского Н. Рахманова

notes

Примечания

1

Дорогой мэтр (*фр.*).

«Прощай, жизнь» — намек на роман Франсуазы Саган «Здравствуй, грусть».

Король Фенеан, или король Лежебока, — персонаж французского фольклора.

de jure — формально; in esse — существующий; de facto — фактически
(лат.).

Или «майордом» — звание предка Пипина, Карла Мартелла, положившего начало династии.

«Да здравствует король!», «Святой Денис за Францию!» (*фр.*).

Игра слов. Автор к названию известной французской газеты «Монд» добавил слово «Dieu».. Получилось восклицание «Mon Dieu» (Боже мой), как бы произнесенное заикой.

«Весна мертвых» (фр.).

«Страдание» (фр.).

Он не мистер Король. Он и есть король (*фр.*).

Жена миллионера, с которым связано название гостиницы «Астория».

Где я? (фр.).

...говорит. Четыре «кровавых Мэри», пожалуйста. Поскорее. Да, четыре. Отлично. Спасибо. *(фр.)*.

Вперед, вперед, сыны Отчизны (*фр.*) — начало «Марсельезы»

Королевский этаж (*фр.*).

Восемьдесят *цветков* (фр.).

О-де-вода (*фр.*, шутливое, по типу «одеколон»).

Имеется в виду красивая девушка, рекламирующая пивную фирму «Рейнголд», так сказать, «мисс Пиво».

Дерьмо! (фр.).

Молот (*фр.*).

Французская народная песня.